

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

И. М. ТРОНСКИЙ

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ УДАРЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

1 9 6 2

Ответственный редактор
чл.-корр. Акад. наук СССР
В. М. ЖИРМУНСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

„КОЛИЧЕСТВО“ ГЛАСНЫХ И СЛОВ В ГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Учение об ударении (акцентология) составляет существенную часть языковой просодики, рассматривающей те используемые в языке свойства звучания, которыми определяется ритмическая структура слов и предложений. С фонетической точки зрения к этим свойствам прежде всего относятся высота звука, зависящая от количества колебаний в единицу времени, сила звука, определяющаяся в первую очередь его амплитудой, и длительность звука, измеряемая количеством времени, употребленным на его произнесение. Эти фонетические свойства речевого звучания в разных языках используются по-разному и получают соответственно различную фонологическую значимость.

Носителем просодических свойств в языке является, однако, не отдельный звук как таковой, не фонема, выделение которой происходит уже в результате лингвистического анализа; просодические свойства принадлежат тем мельчайшим отрезкам, которые устанавливаются в речевом потоке как на слух, так и на мускульное ощущение. Такой единицей во многих языках является слог, хотя и не все части слога бывают просодически равноценны.¹

Бывает однако, что мельчайшей воспринимаемой на слух частью слова оказывается не слог, а более мелкая единица, что сам слог делится на части; это имеет место тогда, когда внутри слога возможны различного рода оппозиции силы звука или тонального движения. При наличии такого „слогового акцента“ за единицу просодии приходится принимать выделяющиеся при этом части слога — моры.

В греческом языке счет по морам играет огромную роль, поскольку греческий язык различает долгие и краткие слоги.² В основе этого лежат особенности другого различия, также греческому языку свойственного, — дифференциация

ции долгих и кратких гласных (ε — η , o — ω и т. д.). Последнее само по себе еще не означает счета по морам, двухморности долгого гласного звука. Существуют языки (например, немецкий), в которых отличие долгих и кратких гласных имеет фонологическое значение, но нет счета по морам. Долгота гласного, как установил Трубецкой,³ бывает двух типов в зависимости от того, сопряжена ли она с членением гласного на моры или нет. В греческом языке наилучшим показателем двоечастности, двухморности долгого гласного является греческая акцентологическая система, в которой друг другу противостоят два вида ударения — „острое“ и „облеченное“, осуществляющиеся на разных частях долгого гласного звука. На различиях протекания тона внутри гласного обнаруживается его двоечастность. Греческий долгий гласный является двухморным, краткий — одноморным. Отсюда известное уже в античные времена постоянное количественное отношение долгого и краткого гласного — 2:1. Неизменность этого отношения всегда смущала исследователей, подходивших к вопросу с чисто фонетической точки зрения: гласные разного качества обычно имеют разную длительность, и соотношения долгих и кратких гласных, с точки зрения их реальной длительности, бывают очень различными. Фонологическая теория мор внесла ясность в этот вопрос. 2:1 — не отношение времени, а отношение двух мор к одной море, причем самые моры не изохронны, не требуют одинакового времени для своего произнесения.

На фоне членения долгих гласных на моры происходит и соответствующее членение слогов. В $\mu\tilde{\omega}-\lambda\omega$ первый слог двухморный и граница между морями (морораздел) проходит внутри гласного ω ; в $\mu o-\lambda\acute{o}-\nu\omega$ первый слог одноморный. Наличие и количество начинающих слог (сильноконечных) согласных просодически безразлично. Они принадлежат первой море слога, в центре которого долгий гласный ($\mu\tilde{\omega}$), или единственной море открытого слога с кратким гласным в качестве слогового центра. В закрытом слоге заканчивающий его (сильноначальный) согласный создает вторую мору, если гласный краток ($\mu o\lambda-\pi\acute{\eta}$), или присоединяется ко второй море, если гласный долог ($\mu\acute{o}r-\tau\alpha$). В закрытом слоге, содержащем краткий гласный ($\mu o\lambda-$), морораздел находится между гласным и закрывающим слог согласным.⁴ Греческий язык приравнивает, таким образом, закрытый слог, содержащий краткий гласный, к слогу, содержащему долгий гласный. Обе эти категории являются видами долгого — двухморного — слога, противостоящего краткому — одноморному — слогу, каковым является открытый слог, содержащий краткий гласный. При-

равнение это можно наблюдать при образовании степеней сравнения от прилагательных с основой на -ο-: конечный гласный основы удлиняется (-ο- > -ω-) при предшествующем кратком слоге, ἄξιος—ἄξιωτατος, и остается неизменным при предшествующем долгим слоге, πονηρός—πονηρότατος, λεπτός—λεπτοτάτος. Явление это связано с ритмическим законом, имеющим, как показал де Соссюр,⁵ весьма широкое распространение в древних индоевропейских языках, со стремлением избежать длинного ряда кратких слогов. Для нашей цели важно, что язык одинаково трактует в ритмическом отношении слоги -υῖ- и λῆπ-—открытый слог с долгим гласным и закрытый с кратким.

Как известно, греческое стихосложение основано на чередовании долгих и кратких слогов, причем долгий слог приравнивается к двум кратким (—=∪). Таким образом, греческое стихосложение использует и канонизирует наличествующие в языке ритмические отношения.

При столь выдающемся значении различия между долгими и краткими слогами как в языке, так и в стихосложении античная грамматика не могла не обратить внимания на это явление. Но она не довела своих наблюдений до конца, так как не могла разобраться в соотношении между обеими категориями долгих слогов—между слогами, содержащими долгий гласный звук, и закрытыми слогами с кратким гласным. Античным грамматикам мешало при этом принятое у большинства из них слоговое деление. Совершенно правильный взгляд на этот вопрос мы находим у Дионисия Галикарнасского в начале XV главы трактата „О сочетании имен“—Περὶ συνθέσεως ὀνομάτων, где, по-видимому, воспроизводится учение Аристоксена.⁶

„Вот из стольких-то букв,—пишет Дионисий,—обладающих такими качествами, и образуются так называемые слоги. Из них долгими являются все те слоги, которые состоят из долгих или двояких гласных, в тех случаях, когда последние произносятся долго, а также все слоги, оканчивающиеся на долгую, или долго произносимую букву, или на какую-нибудь полугласную, или безгласную. Краткими же являются все те слоги, которые состоят из краткой гласной или двоякой, произносящейся кратко, а также те, которые такой буквой заканчиваются“.⁷

Дионисий, таким образом, устанавливает три категории долгих слогов.

Первая—те слоги, которые содержат один только долгий гласный звук, не имея согласной части. Поскольку античная грамматика оперирует в качестве наименьшей единицы речи

„буквами“, Дионисий различает при этом „долгие“ гласные буквы, всегда обозначающие долгий звук, как γ , ω , и „двойные“ гласные, употребляющиеся для обозначения как кратких, так и долгих звуков — α , ι , υ , в их функции обозначения долгих.

Ко второй категории относятся слоги, кончающиеся на долгий гласный, т. е., по нашей терминологии, открытые слоги с долгим слоговым центром и наличием сильноконечной согласной части.

Третью категорию составляют слоги, оканчивающиеся на согласный звук, т. е. закрытые слоги, независимо от краткости или долготы гласного. При этом Дионисий, следуя традициям древнегреческой фонетики, различает „полугласные“, т. е. щелевые и сонанты, и „безгласные“ — смычные.

Краткими слогами при этих условиях оказываются либо слоги, содержащие один только краткий гласный звук, либо слоги, в которых конечный краткий гласный сопровождается сильноконечной согласной частью, т. е., по нашей терминологии, открытые слоги, содержащие краткий гласный.

С этим взглядом Дионисия, согласно которому долгими слогами в греческом языке являются, во-первых, открытые слоги, содержащие долгий гласный, во-вторых, закрытые слоги, а прочие слоги — краткие, согласится любой современный исследователь.⁸

Примеров Дионисий не приводит, но совершенно ясно, что в таких словах, как $\lambda\epsilon\chi\tau\acute{o}\varsigma$, $\lambda\epsilon\pi\tau\acute{o}\varsigma$, первыми слогами для него являются $\lambda\epsilon\chi$ -, $\lambda\epsilon\pi$ -, иначе он не мог бы обосновать долготу этих слогов.

Однако среди сохранившихся памятников греческой грамматической теории взгляд Дионисия, восходящий, как мы уже говорили, к ритмометрической теории Аристоксена,⁹ занимает изолированное место. Обычная грамматическая традиция, идущая, по-видимому, от принципов слогоделения, установленных еще во II в. до н. э. в эпоху микенского слогового письма,¹⁰ рекомендует относить к последующему слогу любую группу согласных, способную начинать греческое слово, стало быть — $\lambda\epsilon$ - $\chi\tau\acute{o}\varsigma$, ср. $\chi\tau\acute{o}\rho\alpha\iota$, $\lambda\epsilon$ - $\pi\tau\acute{o}\varsigma$, ср. $\pi\tau\acute{o}\alpha\nu\eta$.

Для того чтобы при этих условиях оправдать долготу первого слога в $\lambda\epsilon\chi\tau\acute{o}\varsigma$ или $\lambda\epsilon\pi\tau\acute{o}\varsigma$, пришлось прибегнуть к весьма искусственному построению. Греческая грамматическая теория различает слоги, долгие „по природе“ ($\phi\acute{o}\varsigma\epsilon\iota$), содержащие долгий гласный звук, и слоги, долгие „по установлению“ ($\theta\acute{\epsilon}\varsigma\epsilon\iota$), т. е. в результате некоей поэтической условности. К этой последней категории принадлежат те слоги, за гласным элементом которых в слове следуют два или более согласных.¹¹ Впослед-

ствии термин θέσις (лат. positione) был перетолкован в смысле „положение в слове“,¹² и получилась уже совершенная нелепость: факторами долготы слога, при неизменившейся краткости его гласного элемента, оказываются звуки, принадлежащие другому слогу. Эта странная „теория“ продолжает по сей день преподноситься учащимся в школьных грамматиках греческого языка.

С традиционной теорией связана еще одна ошибка. При определении долгого „по положению“ слога как слога, за гласным которого следуют два или более согласных, конечный закрытый слог, оканчивающийся на один согласный, как в ἄνθρωπος, рассматривается в качестве короткого слога. Это, конечно, неверно, поскольку такой слог содержит две моры — гласную и согласную. С традиционной точки зрения в группе ἄνθρωπος καλός конечный слог -πος приобретает долготу в силу того, что за ним находится κ- следующего слова, а в группе ἄνθρωπος ἀγαθός сохраняется нормальная краткость -πος. В действительности в ἄνθρωπος καλός нет никакого изменения слоговой структуры первого слова по сравнению с изолированным ἄνθρωπος, а в ἄνθρωπος ἀγαθός, по крайней мере в условиях спаянности стихового ряда, в потоке речи происходит переразложение слогов: ἄν-θρω-πο-σα-γα-θός. Для Дионисия Галикарнасского такая долгота конечного слога, оканчивающегося на сильноначальный согласный, была совершенно ясна. Он даже допускал в условиях прозы долготу такого слога перед начальным гласным следующего слова. В словах ὅσῃν εὐνοίαν ἔχων он определяет первые три слога как гипобакхий (∪ — —), а следующие три (-νοίαν ἔ-) как бакхий (— — ∪) или, „если кому угодно“ (εἰ δὲ βούλεται τις), — дактиль (— ∪ ∪).¹³

Соотношения между долгими и краткими, одноморными и двухморными гласными играют весьма значительную роль и в системе греческого ударения. Поэтому нам пришлось предпослать рассмотрению этой системы теорию „количества“ гласных и слогов в греческом языке.

ИСТОЧНИКИ. ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

ИСТОЧНИКИ

При изучении фонетики древнего языка, известного только в письменных памятниках, основное значение приобретает отражение интересующего нас явления в письме, а также материал так называемых „свидетельств“, т. е. сообщений об этом явлении, исходящих от носителей рассматриваемого языка в то время, когда он был еще живым. Степень полноты и достоверности этих материалов определяет возможные границы исторического исследования.

По сравнению со многими другими древними языками греческий язык сравнительно хорошо обеспечен источниками, на основании которых можно изучать его акцентологию. Важнейшим из этих источников является античная грамматическая теория, акцентологическое учение которой дошло до нас в двояком виде. С одной стороны, мы имеем непосредственное изложение этой теории в трудах античных ученых, а с другой — на теории этой была основана та практика акцентуации античных текстов, которая отложилась в рукописном предании памятников. Как мы вскоре увидим, акцентуация текстов стала систематически применяться лишь в сравнительно позднее время, когда в живом языке многие элементы древней акцентуационной системы, как например интонационное различие между „острым“ и „облеченным“ ударением, уже были утрачены. В соответствии с этим практика рукописной акцентуации была основана не на непосредственном чувстве языка, а на грамматической теории. Оба вида источников — свидетельства и отражение ударения в письме, — таким образом, не являются независимыми друг от друга, а представляют собой лишь два ответвления одного основного источника.

Начатки греческой акцентологической теории восходят к весьма раннему времени. Фонологическая значимость гре-

ческого ударения, позволяющая семантически дифференцировать слова и формы, тсждественные по фонематическому составу и отличающиеся между собой только местом и видом ударения (τρός 'бер' — τροός 'колесо'; φώς 'свет' — φώς 'муж'; повелительное наклонение медиального аориста παίδευσαι — инфинитив активного аориста παίδεσαι; ἐχθράς: винительный падеж мн. ч. от существительного ἐχθρα 'вражда' — ἐχθράς: винительный падеж мн. ч. ж. р. от прилагательного ἐχθρός 'враждебный' — ἐχθρᾶς: родительный падеж ед. ч. ж. р. от того же прилагательного), не могла не обратить на себя внимание с самого начала сознательных наблюдений над языком.¹ Уже Гераклит иллюстрировал свою диалектику примерами семантически противоположных слов, отличающихся одним ударением: „Итак, луку (βίος) имя жизнь (βίος), а дело его — смерть“.² Анонимный софист, составивший в конце V в. трактат „Двойные речи“,³ замечает при изложении консервативных учений пифагорейского происхождения:⁴ „Я думаю, что не <только> при небольшом вещном прибавлении изменяются вещи, но и при изменении ударения, например: Глаῦκος <Главк> и γλαυκός (светло-голубой), Εἰνθός <Ксанф> и ξανθός (темно-желтый)“.⁵ Интерес пифагорейцев к этим вопросам вполне понятен, поскольку ударение, как и весь круг фонетических проблем, изучалось в тесной связи с ритмикой и метрикой, а эти дисциплины разрабатывались пифагорейцами совместно с теорией музыки. В V в. грамматики в позднейшем смысле слова еще не существовало и „грамматическое искусство“ (γραμματική τέχνη) обозначало лишь „искусство букв“ (γράμματα), т. е. умение читать и писать, которое вместе с музыкой входило как важнейший составной элемент в систему древнегреческого дософистического образования. Фонетика, метрика, ритмика, музыка составляли, таким образом, единый научный и педагогический комплекс.⁶ Как разъясняет Платон в „Критиле“ (424 ВС), „занимающиеся ритмами сначала определяют буквы, затем слоги, а потом уже переходят к рассмотрению ритмов“. Первый автор, оставивший специальные произведения на эти темы, пифагорец Дамон — государственный деятель, которого комедиограф Платон изобразил в качестве учителя Перикла.⁷ Государственным деятелем был и Архин, автор законопроекта 403 г. до н. э. о введении ионийского алфавита в Афинах, обосновавший свое предложение в специальном сочинении, где трактовались фонетические темы.⁸ Еще для Аристотеля отнесение фонетики к циклу ритмометрических дисциплин не вызывает сомнения. Разбирая в XX главе „Поэтики“ части звукового потока, он говорит, что звуки (по

античной терминологии „элементы“ — στοιχεῖα) „различаются в зависимости от формы рта, от места их образования, густым и тонким придыханием, долготой и краткостью и, кроме того, острым, тяжелым и средним ударением. Подробности по этим вопросам следует рассматривать в метрике“.⁹ Акцентологическая терминология, применяемая здесь Аристотелем, засвидетельствована уже несколькими десятилетиями ранее в диалогах Платона (например, „Критил“ 399 А, „Феэтет“ 163 В) и выработана была не позже рубежа V—IV вв. Сюда относятся такие термины, как ὀξύς ‘острый’, βαρύς ‘тяжелый’, τόνος, τάσις, ἀρμονία, προσῳδία и т. п. Все эти термины, впоследствии перешедшие в Рим, имеют музыкальное происхождение.¹⁰ Значение „ударение“ в конце концов закрепилось за термином προσῳδία, accentus.¹¹

Доэллинистическая теория музыки и ритмики была подытожена и систематизирована в трудах Аристоксена из Тарента, ученика Аристотеля.¹²

Фонетические исследования ударения продолжались и впоследствии. Наибольшее значение для нас имеют системы Главка Самосского, установившего 6 тонов,¹³ и Афинодора.

Учение об ударении, созданное ритмиками и метриками, было использовано позднейшими грамматиками лишь частично. Греческая грамматика, создававшаяся в Александрии и в Пергаме, была ориентирована не на изучение живой речи, а преимущественно на письменные памятники классической литературы. Основным нововведением грамматиков явилось создание графических знаков для ударения, в доэллинистическое время не применявшихся. По сообщению, восходящему, по-видимому, к грамматiku Феодосию Александрийскому¹⁴ (около 400 г. н. э.), изобретение надстрочных знаков ударения, придыхания, количества принадлежит Аристофану Византийскому (около 257—180 гг.). Это свидетельство, неоднократно оспаривавшееся исследователями XIX в.,¹⁵ получило подтверждение в обстоятельном исследовании Лаума, основанном на детальном изучении папирусной традиции.¹⁶ Последующие грамматики, начиная с Аристарха (около 217—145 гг.), основывались уже на Аристофане; однако применение надстрочных знаков в это время отнюдь не имело систематического характера. Они ставились в трудных случаях, заменяя отсутствующее в греческом письме разделение слов там, где от этого могла получиться неуверенность в чтении. Как правильно указывает Феодосий, надстрочные знаки долготы, ударений и придыханий были созданы πρὸς διάκρισιν τῆς ἀμφιβάλλου λέξεως („для различения слов, написание которых поддавалось разному истолкованию“).¹⁷ Это была своего рода

помощь учащемуся, и знаки ударения использовались почти исключительно в поэтических текстах, особенно диалектных, где ударение отличалось от ионийско-аттического, легшего в основу *χοινῆς*. Грамматики интересовало поэтому только то, что должно было быть обозначено надстрочными знаками. Грамматики ограничились тремя видами тона — острым, тупым и обложенным. С другой стороны, грамматики, не углубляясь в вопросы фонетического характера, ставили себе задачей акцентологическую нормировку всего греческого литературного языка. Эти вопросы разбирались в связи с текстом издаваемых авторов — традиция, например, знает об акцентологических замечаниях Аристарха к Гомеру,¹⁸ — но существовали и специальные акцентологические исследования эллинистических грамматиков (Трифона, Птолемея Аскалонского и др.), которые, однако, не сохранились. В „Грамматическом руководстве“ (*Γραμματικὴ τέχνη*) ученика Аристарха Дионисия Фракийского (около 170—90 гг.) акцентологическая часть занимает незначительное место. Недостаток этот отчасти восполняется римской грамматической традицией. Ученик Дионисия Фракийского грамматик Тираннион, считавшийся крупным специалистом именно по вопросам ударения, псал в Рим в качестве военнопленного во время войны с Митридатом и явился там одним из основоположников александрийской грамматической традиции. К нему восходят через труды Варрона обширные акцентологические материалы, которые мы находим у поздних римских грамматиков.¹⁹ Приведение в систему всей акцентологической традиции относится к более позднему времени. В I в. н. э. Гераклид Милетский²⁰ составляет „Всеобщую просодию“ (*Καθολικὴ προσφῶδια*). Завершителями александрийской просодической системы являются грамматики II в. н. э. Аполлоний Дискол и его сын Геродиан. У Аполлония Дискола имелся ряд трудов по вопросам ударения,²¹ но обобщающие работы в этой области принадлежат Геродиану, действовавшему в Риме во времена императора Марка Аврелия. Геродиан был автором обширных трактатов „Всеобщая просодия“ (*Περὶ καθολικῆς προσφῶδιας*), „Просодия «Илиады»“ (*Περὶ Ἰλιάκῃς προσφῶδιας*), „Просодия «Одиссеи»“ (*Περὶ Ὀδυσσεϊακῆς προσφῶδιας*), „Аттическая просодия“ (*Περὶ Ἀττικῆς προσφῶδιας*) и др. „Всеобщая просодия“ содержала материал об ударении 60 тысяч греческих слов²² и состояла из 20 книг. Первые 15 книг были посвящены именному ударению (12 книг об именах мужского и женского рода с разными окончаниями, 13-я — об именах среднего рода, 14-я — об односложных именах, а 15-я — об ударении косвенных падежей, сюда же было присоединено рассмотрение числи-

тельных); в 16-й книге рассматривались простые глаголы, в 17-й — сложные глаголы и причастия, в 18-й — ударение местоимений, члена и предлогов, в 19-й — ударение наречий и союзов, в 20-й книге излагалась теория количества и употребление знаков придыхания. Особняком стояла книга, в которой излагались модификации ударения в связной речи (энклитики, синалэфы, анастрофы и т. д.).

Геродиан, как и его отец Аполлоний, принадлежит к александрийской школе и является завершителем грамматического учения, восходящего к Аристарху. В спорном вопросе, разделявшем две основные школы греческих грамматиков — александрийскую и пергамскую, — в вопросе об аномалии и аналогии, Геродиан является решительным сторонником аналогии. На возражения аномалистов относительно нерегулярностей языка аналогисты отвечали все большей детализацией правил.²³ Труд Геродиана *Περὶ καθολικῆς προσφῶδιας* и построен, как длинный ряд сложнейших правил. Разбирая имена в зависимости от их окончания, Геродиан вводит огромное количество расчленений, различая при этом слова в зависимости от их принадлежности к той или иной части речи (существительные собственные и нарицательные, прилагательные и т. д.), от количества слогов, составляющих слово, от способности его изменяться по родам, от того, является ли имя первообразным или производным, простым или составным, от принадлежности его к той или иной лексико-семантической группе и т. д. Несмотря на столь подробное расчленение, не всегда удается обойтись устанавливаемым правилом и приходится регистрировать особые случаи — исключения. Вся эта система правил сопровождается большим количеством иллюстраций, и цель автора — по возможности исчерпать все богатство греческого литературного языка.

Столь же подробны были и труды Геродиана, посвященные гомеровской просодии, но здесь материал был расположен в порядке текста гомеровских поэм, как сумма замечаний, вызванных теми или иными трудными случаями.

Эти обширные и сложные труды, составлявшие своего рода энциклопедию вопросов, связанных с практикой постановки ударения в литературных текстах, оказались слишком сложными для византийской эпохи. Из многочисленных работ Геродиана полностью сохранился только один трактат *Περὶ μονήρους λέξεως*. Все прочее известно только в сокращениях и цитатах. Поскольку Геродиан является для нас основным источником по античной акцентологии, проблема восстановления его акцентологических трудов справедливо рассматривалась как одна из важнейших задач в деле изуче-

ния греческих грамматиков. Задача эта тем более сложна, что византийские эксцерпторы обычно не ссылаются на свой источник или ссылаются на него в тех редких случаях, когда они с ним полемизируют. Собрание фрагментов Геродиана, которое заключало бы только именные цитаты из него, не разрешило бы задачи.

В XIX в. над греческими грамматиками работали представители так называемой кенигсбергской школы, ученики Лобека и Лерса. К этой же школе принадлежал и тот филолог, который сделал трудом своей жизни восстановление наследия Геродиана, — Август Ленц (1820—1868 гг.). Результатом его исследований было монументальное издание Геродиана, выпущенное в 1867—1870 гг. (т. II уже посмертно),²⁴ с обширным предисловием и указателем.

Для восстановления трактата *Περὶ καθολικῆς προσφῶδιας* Ленц пользовался несколькими источниками. Важнейшим из них было сокращенное изложение (ἐπιτομή) трактата, дошедшее до нас в нескольких рукописях и приписывающееся в разных рукописях двум разным составителям — Аркадию и Феодосию.²⁵ Аркадий, по-видимому, лицо вымышленное,²⁶ Феодосий — александрийский грамматик (около 400 г. н. э.), от которого сохранились и другие труды, но можно ли считать его действительным автором эпитомы Геродиана, сказать трудно. Эпитоматор не только сокращает материал, но также старается его упростить. Сложные правила Геродиана он разбивает на части и излагает отдельно, приводя примеры уже к каждому из новых правил. Другим важным источником является сочинение Иоанна Александрийского „Правила ударения“.²⁷ Этого автора многие отождествляют с известным грамматиком VI в. Иоанном Филопоном, который был епископом в Александрии, но отождествление это нельзя считать достоверным.²⁸

Кроме этих двух основных источников, Ленц пользовался также трудами известного византийского грамматика Георгия Хировоска (VI в.),²⁹ Иоанна Харакса (VI в.),³⁰ Феогноста (IX в.), словарем Стефана Византийского (VII в.) и различными византийскими этимологическими словарями. Все эти источники и методику восстановления трактата Геродиана на их основе Ленц рассматривает в своем введении.

Для восстановления трудов о гомеровской просодии основным источником являются схолии к Гомеру, дошедшие в различных рукописях. Среди них наиболее важными являются известные схолии к „Илиаде“ в Венецианской рукописи А, опубликование которых в свое время послужило стимулом для появления труда Ф. А. Вольфа о гомеровском вопросе.³¹

Серьезное издание Ленца несомненно является значительным филологическим достижением. Тем не менее это издание нельзя считать совершенно незаблемой основой, которой лингвист, изучающий проблемы греческого ударения, мог бы пользоваться без всякой критики. Уже вскоре после выхода в свет издания Ленца стали появляться различные дополнения и поправки к нему.³² Труд Ленца был преждевременным в том отношении, что византийские источники, на которых он основан, были изданы к тому времени лишь очень несовершенно, без использования всех нужных рукописей и без достаточного критического подхода к материалу. Труды позднейших исследователей дали возможность внести ряд поправок в текст Ленца.³³ Еще более существенное значение имеет другой недостаток, связанный с методикой филологической реконструкции. В начале второй половины XIX в. у немецких филологов была распространена так называемая теория единого источника. Дело представляли себе так, что античные, а тем более византийские авторы не утруждали себя справками во многих трудах, а пользовались в определенных разделах своих произведений только одним источником. Это представление облегчало задачу филологов, занимавшихся анализом источников, и приводило к тому, что многое из принадлежащего позднейшим авторам относилось за счет источника, которым они якобы исключительно пользовались. Труд Ленца не свободен от погрешностей в смысле чрезмерного применения теории единого источника. И в нем оказывается приписанным Геродиану то, что „Аркадий“ и другие заимствовали у более поздних авторов.³⁴ Многие материалы, включенные Ленцем в XV и XX книгу *Περὶ καθολικῆς προσηφίας*, оказались основанными не на самом Геродиане, а на византийских дополнениях к нему. Особенно подозрительными являются эксцерпты о модификации ударения в связанной речи, приложенные Ленцем к изданию „Всеобщей прологии“.³⁵ Все эти обстоятельства уже давно поставили вопрос о необходимости пересмотреть реконструкцию Ленца и дополнить ее на основании новых источников. К сожалению, задача эта никем еще не выполнена и работа над Геродианом (как и над прочими греческими грамматиками) за последние 50 лет почти совершенно прекратилась.³⁶ Когда в серии „Grammatici Graeci“ понадобилось издать Геродиана, пришлось переиздать без изменений труд Ленца, а сама серия приостановилась и томы, в которых были намечены дополнения к Геродиану, не вышли.

В сочинениях византийских грамматиков имеется дополнительный материал по акцентологии, но в той мере, в ка-

кой он не восходит к Геродиану, — это обычно самостоятельные соображения византийцев, не являющиеся уже античной традицией и не могущие поэтому рассматриваться как источник.

Другой вариант античной акцентологической теории представлен в практике акцентуации античных текстов. Надо иметь, однако, в виду, что древнее греческое письмо классической эпохи не знало постановки ударений, равно как и прочих надстрочных знаков. Эпиграфические памятники в продолжение всей античной эпохи никогда не получали знаков ударений.³⁷ То же относится к папирусным документам. Проблема дополнений к обычному письму, не содержащему ни ударений, ни придыханий, впервые встала в V—IV вв. в связи с комментариями к старым текстам, особенно гомеровским. Софист Гиппий из Фасоса ставил вопрос по поводу Ψ 328 ΤΟ ΜΕΝ ΟΙ ΚΑΤΑΠΘΕΤΑΙ ΟΜΒΡΩΙ, следует ли читать οὐ или οὔ, а по отношению к В 15, где был древний вариант ΔΙΔΟΜΕΝ ΔΕ ΟΙ ΕΥΧΟΣ ΑΡΕΣΘΑΙ, понимать ли ΔΙΔΟΜΕΝ как δίδωμεν (1 л. мн. ч. настоящего времени) или как διδόμεν („эолический“ инфинитив со значением повелительного наклонения).³⁸ В таких случаях во времена Аристотеля ставили знаки на полях текста (*παράστημα*), обращающая тем самым внимание читателя на возможность разных толкований,³⁹ и эти знаки действительно встречаются в ранних папирусах.⁴⁰

Как мы уже указывали (стр. 10), античная традиция приписывает изобретение надстрочных просодических знаков Аристофану Византийскому. Под просодическими знаками имеются при этом в виду знаки ударений, придыханий, долготы и краткости, равно как и знаки разделения и соединения слов (*ἀπόστροφος* и т. д.). Действительно, примерно с 200 г. такие знаки начинают появляться в папирусах.

Рост папирусных находок начиная с конца XIX в. позволил уже поставить вопрос об историческом развитии акцентуации греческих текстов. По инициативе Виламовица, который часто указывал на необходимость исследовать alexandrianскую систему акцентуации, отличную от традиционной принятой у нас византийской системы, берлинская академия в 1909 г. назначила премию за работу об акцентуации в литературных папирусах. Работа эта была выполнена Лаумом.⁴¹ Весьма обстоятельное исследование Лаума основано главным образом на гомеровских папирусах и недостаточно учитывает лирические тексты. В этом отношении коррективом к изложению Лаума служит специальная диссертация Гислера, основанная на папирусах греческих лириков.⁴²

Исследование Лаума обнаружило неправильность господствовавшего со времен Лерса и его учеников представления, будто александрийские филологи издавали тексты Гомера и других древних авторов со сплошной акцентуацией. Ни один дошедший до нас папирус не подтверждает этого. Надстрочные знаки в папирусах — как знаки ударения, так и другие — ставятся только от случая к случаю, там, где иначе могло бы возникнуть сомнение в чтении текста. Знаки редко применяются для сравнительно легко понятных текстов — для прозы или диалогических частей аттической драмы. Лишь те тексты, которые содержали много непонятных в эллинистическое время слов, как гомеровские, или тексты лириков с диалектными словами и ударением, отличным от аттического, нуждались в акцентуации, и то лишь в трудных случаях. Если в папирусе Harris мы находим Σ 120 ΕΙΔΗΜΟΙ, то знак тупого ударения на ΕΙ предохраняет читателя от возможного толкования первых четырех букв как εἶδη — мн. ч. от εἶδος, акут на ΔΗ показывает на наличие энклитики и предостерегает от возможного чтения δῆμοι.⁴³ Нужно помнить при этом, что в папирусах применяется scriptio continua, сплошное письмо без разделения слов. Античная традиция, заключающаяся в том, что надстрочные знаки были изобретены для различения одинаковых написаний слов (πρὸς διαστολὴν τῆς ἀμφιβόλου λέξεως),⁴⁴ полностью подтверждена папирусными текстами. При этом задача постановки надстрочных знаков падала в большинстве случаев не на писца, а на работника более высокой квалификации, корректора, διορθωτής, с грамматическим образованием, который затем, обычно уже другими чернилами, проставлял в случае надобности просодические знаки. Впрочем, иногда эти знаки проставлены самим писцом, и это, вероятно, свидетельствует о том, что рукопись переписана с оригинала, уже снабженного надстрочными знаками.

Особенностью александрийской системы акцентуации было то, что очень часто акцентный знак ставился на неударенном слоге. В папирусе 128 Британского музея мы находим Ψ 74 — ΕΥΡΥΠΛΕΣ (εὐρυπλές), Ψ 770 — ΕΛΘΕ (ἐλθέ), Ψ 838 — ΕΠΕΙΟΣ (ἐπειός), Ω 227 — ΑΓΚΑΣ (ἀγκάς), и т. д.; в папирусе Harris: Σ 45 — ΑΓΑΚΛΕΙΤΗ (ἀγακλειτή), Σ 337 — ΑΓΛΑΑ (ἀγλαά), Σ 556 — ΑΣΠΕΡΧΕΣ (ἀσπερχές), и т. д.⁴⁵ Эта система может показаться нам странной. С точки зрения позднейшего динамического ударения, обладающего большой силой централизации, обозначать следовало бы ударный, а не неударный слог. Однако для древнегреческого музыкального ударения дело обстоит иначе. Каждый слог имеет свою то-

нальность, низкую или высокую, и низкая тональность вовсе не является негативным моментом, „отсутствием тона“. При этой системе ударения имело смысл ставить знаки низкой тональности на слогах, предшествующих ударенному, и тем предупредить возможность ошибки в ударении, сигнализируя вместе с тем о повышении тонального движения после слога, отмеченного знаком низкого тона.⁴⁶ Бывали случаи, что обозначался и ударный слог, и неударный, например $\mu\eta\rho\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron$ в парфении Алкмана (col. II, 1 (35)) (с необычным для читателя эллинистической эпохи дорийским ударением).

Другой особенностью александрийской системы было то, что при дифтонгах знак придыхания ставился на первой букве, а знак ударения тоже над первой буквой или над обеими.

Описанную систему мы находим в действии в эллинистическую эпоху и во времена ранней империи. Как мы убедимся в дальнейшем (стр. 80), рядом с этой основной системой существовала и другая, допускавшая, в зависимости от фразовых условий, постановку знаков острого или тупого ударения на последнем ударном слоге слова; но эта вторая система имела ограниченное применение и встречается только в текстах лирических поэтов. По наблюдениям Лаума, со II—III вв. н. э. появляется более систематическая акцентуация литературных текстов, связанная, по-видимому, с архаистическими тенденциями времени второй софистики, с установкой на школьные издания культивировавшихся в эпоху позднего рабовладельческого общества древних памятников, язык которых все больше отдалялся от живого языка того времени. Эта систематическая акцентуация, требовавшая при большом спросе на книжную продукцию быстрой работы, привела, согласно Лауму, к значительным графическим последствиям. Акцентуация стала более небрежной, знаки стали удлиняться и передвигаться вправо. Так, при дифтонгах и придыхании, и ударение стали помещаться на втором элементе. Более существенно другое изменение, связанное с употреблением знака $\grave{}$. В связи с передвижением знаков вправо предназначенный для предпоследнего слога знак гравис оказывался уже над последним ударным слогом. При этом сперва продолжали ставить гравис также и на предшествующих слогах; возникшая путаница потребовала орфографической реформы, которая произошла около 400 г. и восходит, по мнению Лаума, к Феодосию Александрийскому. За тупым ударением установилось место на конечном ударном слоге связного текста, и постановка тупого ударения на предшествующих слогах была устранена.⁴⁷ Тем самым изме-

нился и смысл знака. Эта новая, так называемая византийская система легла в основу последующей письменной практики и применяется уже в папирусах V в. Сплошная акцентуация относится к еще более позднему времени, к VI—VII вв., и стала обязательной лишь в IX—X вв. Из поздне-византийских текстов она перешла в наши печатные издания.

Как мы уже указывали, эта акцентуационная практика все время находилась в тесной связи с акцентологическими теориями грамматиков. Для позднеантичного, а тем более византийского, переписчика или корректора острое и обличенное ударения представляли собой лишь графические разновидности, для которых в живой речи не было уже оснований. Многие слова древних текстов тоже уже давно вымерли в живом языке. Ударения поэтому расставлялись в это время на основании грамматических компендиев без апелляции к живому употреблению слов. Это и позволяет нам рассматривать акцентуацию письменных текстов не как самостоятельный источник, наряду с акцентологической теорией, а как второй вариант этой теории, как грамматическую теорию в действии.

Конечно, письмо имело некоторые своеобразные черты, не зависящие от грамматических учений. К числу этих особенностей принадлежит в византийское время систематическое отсутствие знаков ударения на некотором количестве малых служебных слов, начинающихся с гласной буквы. Это те слова, которые впоследствии получили название проклитик или атонов: *ὁ, ἡ, οὐ, ὅς* и т. д. Грамматическая теория их не выделяла и рекомендовала ставить на них знак ударения, как и на других частицах (предлогах, союзах), в действительности являвшихся проклитиками. Писцы создали здесь свою традицию, перестав ставить на начальных гласных этих неударных слов два знака — придыхания и ударения, и ограничились одним придыханием.

При оценке характера и свидетельской достоверности античной акцентологической теории, как она отложилась в трудах грамматиков, в их трактатах и схолиях, с одной стороны, и в акцентуационной практике — с другой, необходимо учитывать задачи, ради которых эта теория создавалась. Мы уже говорили, что в отличие от старой ритмометрической теории классической эпохи, основанной на наблюдениях над живой речью, грамматики эллинистического времени и их византийские преемники ориентировались на письменный язык, *ἐλληνισμός*, и на тексты классических авторов. Теория грамматиков преследовала практическую задачу — нотации литературных текстов. Те диалекты, которые не послужили

основой для создания литературных языков, выпали из поля зрения грамматиков, и об ударении в этих диалектах, не отмечавшемся в эпиграфическом письме, мы лишены всяких сведений. Помимо аттического диалекта и *χοιυή* — основ литературного языка эллинистической эпохи, — грамматики дают нам акцентологические сведения только об языке Гомера, лесбосцев, беотийцев (Коринна) и дорийской поэзии (Алкман, Пиндар, Феокрит и т. п.).

Из задачи, которую ставили себе античные грамматики, вытекают и другие недостатки их акцентологического учения, на которые справедливо обратил внимание Вандриес.⁴⁸ Будучи заинтересованы только в письменной нотации, они обращают внимание лишь на то, что подлежало обозначению в письме, т. е. на место ударного слога и на вид ударения. Нотироваться мог, как мы уже видели, и ударный, и неударный слог, но различия внутри неударных слогов, несомненно существовавшие, все акцентное движение слова оставались вне их интересов, и то небольшое, что мы знаем по этому поводу, восходит не к грамматической, в собственном смысле слова, а к музыкальной и ритмометрической традиции. Выпадали из поля зрения грамматиков также многие вопросы фразового ударения. Фразовым ударением они интересовались только тогда, когда фразовые условия приводили к модификации нормального словесного ударения. Например, явление энклисы (стр. 63 и сл.), результатом которой часто бывало добавочное ударение на опорном слове, было объектом строжайшего, притом не всегда убедительного нормирования. Сходным образом получила подробное, в значительной мере искусственное нормирование анастрофа (стр. 61), в живом языке уже давно не существовавшая. Зато проклиса (стр. 58 и сл.), не оказывавшая влияния на ударение опорного слова, вызывала к себе столь малый интерес, что античная теория даже не создала для нее термина, и этот термин появился лишь в начале XIX в. Другой недостаток античной теории — ее нормативность, которая требовала от грамматика обязательного ответа на вопрос о месте и характере ударения любого слова. В языках со свободным ударением, а греческий язык принадлежит, хотя и с некоторыми ограничениями, к их числу, всегда возможны колебания в ударении некоторых слов. Античный грамматик не признавал эти колебания законными и стремился всегда дать определенные нормы; он считал также невозможным ответить на вопрос о норме старинного языка незнанием. Это не могло не приводить к произвольным решениям в тех случаях, когда античный филолог не имел твердых данных об ударении, например

в отношении умерших слов, особенно гомеровских, которые со времен возникновения александрийской филологии являлись излюбленным предметом ее акцентологических изысканий. Отсюда нередко споры между грамматиками, свидетельствующие и об отсутствии в некоторых случаях прочной традиции, и о сомнительном характере тех аргументов, обычно основанных на какой-нибудь аналогии, исходя из которых грамматик приходил к тому или иному нормированию.

Эти недостатки античной акцентологической теории порождали иногда скептическое отношение к ее свидетельской ценности, особенно резко сформулированное русским исследователем, профессором Петербургского университета К. Я. Люгемилем.⁴⁹ Сомнения Люгебиля распространяются на все античное грамматическое учение — и на общую теорию о природе и месте ударения, и на показания о месте ударения отдельных слов. Исследователь полагает, что александрийцы не способны были правильно наблюдать ударение даже в современном им греческом языке, что такая способность возможна лишь при наличии специальных фонетических знаний, которых в ту эпоху не было. Если греческие грамматиканы не умели определять ударение даже в живом греческом языке, то тем менее можно доверять их данным по отношению к далекому прошлому, например об ударении гомеровских слов.

Негативная позиция Люгебиля по отношению к греческой акцентологической теории поражает своей полной необоснованностью. Момент языкового сознания совершенно исключен скептическим исследователем. Между тем в языке, где и место, и вид ударения (мы впоследствии увидим, что эти две категории сводятся к одной) фонологичны, языковое сознание безошибочно их определяет, и никакой специальной фонетической подготовки для этого не требуется. С другой стороны, усомнившись в правильности показаний греческих грамматиков, Люгебель не заинтересовался тем, в какой мере эти показания могут быть подтверждены или опровергнуты другими материалами. Для этого надлежало, в первую очередь, поставить два вопроса — об ударении в современном новогреческом языке и его отношении к данным античных грамматиков, а с другой стороны, встать на путь сравнительного языкознания и сопоставить показания о греческом ударении с древнеиндийским материалом Вед. Конечно, ни в том, ни в другом случае нельзя было ожидать полного совпадения. Но если бы оказалось, что между античными свидетельствами о древнегреческом ударении и новогреческим ударением, равно как и ведическим, можно установить

закономерные соответствия, то свидетельства античных грамматиков были бы подтверждены. На этот путь объективной проверки античных показаний Люгебиль не стал и ограничился чисто негативным подходом к проблеме. Неудивительно поэтому, что точка зрения Люгебиля не нашла поддержки у других исследователей.⁵⁰

В более ограниченной форме скептическую точку зрения на античную акцентологию высказал Лаум. В отличие от Люгебиля сомнения Лаума не распространяются на античную акцентологию в целом, а касаются лишь вопросов гомеровского ударения. Этой проблеме Лаум посвятил специальную работу.⁵¹ Он сомневается в том, чтобы у александрийцев сохранялась какая-нибудь традиция (например, рапсодическая) об особенностях гомеровского ударения. Поэтому во всех тех случаях, где античные филологи ставили у Гомера ударение, отличное от ударения живой греческой речи эллинистического периода, Лаум рассматривает постановку ударения как основанную на ученом домысле, в первую очередь — на аналогии ударения сходных слов. На эту мысль наталкивает тот способ определения ударения, который мы находим в схолиях. Место ударения определяется здесь не при помощи грамматических терминов (окситонное ударение, парокситонное и т. д.), а путем указания сходного слова. Например, к А 52, где имеется слово ΘΑΜΕΙΑΙ, схолии ВТ указывают: „Памфил читает *θαμεῖαι* наподобие *ὄρεται*, а Аристарх *θαμεῖαι* наподобие *ποικίλει*; точно так же обстоит дело с *ταρφεῖαι*“. Или, в схолиях А к Ω 228: „Аристарх читает *φωριάρῳν* наподобие *κίβωτῳν*“.⁵² Строго говоря, такой способ обозначения ударения совсем не свидетельствует о мотивах, которые побуждали Аристарха принять ударение на том, а не на другом месте. Александрийский филолог этим путем только подчеркивал, что в языке в этом случае действует тот основной принцип, который он везде находил, — принцип аналогии. Аристарх мог знать ударение этих слов из традиции, но считал необходимым каждый раз отмечать, что какое-нибудь другое слово сходного значения имеет ударение такого же типа. Лаум иначе понимает это и думает, что не традиция, а лишь наличие определенного вида ударения в сходном по значению слове и являлось тем мотивом, который определял решение Аристарха во всех тех случаях, когда в живом языке этого слова уже не было. Если бы это было так, пришлось бы действительно признать, что предлагаемые грамматиками нормы произвольны. Однако толкование Лаума совершенно не вытекает из текстов схолиев и нуждается в обосновании. Единственный путь для

обоснования — это опять-таки сопоставление с данными, доставляемыми сравнительным языкознанием, но на этот путь Лаум так же мало вступает, как и Люгебиль. Только этим путем можно было бы определить, имелась ли действительно традиция об ударе гомеровских слов или нет. К тому же Лаум исходит из совершенно ложного представления, будто уже около 400 г. до н. э. в греческом языке музыкальное ударение уступает место более динамическому и что, стало быть, в александрийское время уже не могло быть рапсодической традиции музыкального ударения.⁵³

В отдельных случаях, касающихся отживших слов, скепсис Лаума можно признать обоснованным. Однако общие положения античной акцентологической теории, а в ряде случаев и отдельные указания грамматиков выдерживают лингвистическую проверку при сопоставлении с контрольным материалом, доставляемым другими источниками, в том числе и с данными сравнительного языкознания. На это обратил внимание Я. Ваккернагель,⁵⁴ исследователь, одинаково свободно владевший материалом и классической филологии, и сравнительного индоевропейского языкознания. Ваккернагель показал, что греческая акцентологическая традиция подтверждается древнеиндийской, что такие ударения Аристарха, как *ῥαπειῶν*, действительно основаны на традиции, а не являются результатом произвольного умозаключения по аналогии.⁵⁵ Это показывает, что грамматики внимательно и добросовестно фиксировали непосредственно известные им факты живого языка и, кроме того, имели прочную традицию чтения древних памятников, включая и гомеровские поэмы. Как справедливо отмечает Ваккернагель, именно по отношению к гомеровским поэмам больше, чем для какого-нибудь иного старого текста, должна была иметься древняя и непрерывная традиция рапсодического исполнения. В дальнейшем изложении мы неоднократно будем иметь случаи убедиться в доброкачественности данных, сообщаемых грамматиками. Отсюда — огромная ценность их показаний не только для греческого языка, но и для сравнительного индоевропейского языкознания, которое в вопросах акцентологии опирается прежде всего на ведийскую, греческую и балтийско-славянскую акцентуацию.

Конечно, у греческих грамматиков не абсолютно все правильно. Традиция чтений гомеровских текстов не могла не включать известных элементов модернизации. Ее можно наблюдать, например, в отношении артикля, предлогов и т. д. В ударе редких слов и форм бывали колебания. Грамматики часто не понимали причин наблюдаемых ими фактов и давали этим фактам наивные объяснения, которые, однако,

не должны возбуждать недоверия к самим фактам. Бывали ложные обобщения, злоупотребления стремлением дифференцировать слова с помощью постановки разных ударений, но это все касается частных и не компрометирует античной акцентологической теории в целом.

Системный характер языка позволяет контролировать свидетельства античных грамматиков другими языковыми фактами как внутри самого греческого языка, так и вне его, исходя из закономерностей, устанавливаемых общим и сравнительным языкознанием. К числу дополнительных источников на греческой почве относится также греческая музыка. Музыкальный характер греческого ударения имел своим последствием то, что слово обладало мелодией, которую нельзя было оставлять в стороне при пении. Как мы уже видели, акцентология издревле входила в состав музыкальной и ритмометрической теории. Поэтому и в позднейшее время, когда грамматика эмансипировалась и пошла своими путями, литература, посвященная музыке, не перестала трактовать просодические вопросы. Из дошедших до нас теоретиков музыки после Аристоксена наиболее важен трактат Аристиды Квинтилиана (около 300 г. н. э.) „О музыке“ — *Περὶ μουσικῆς*.⁵⁶ Имеются также нотные тексты. У греков были две системы нот — инструментальная и вокальная. Они нам известны по трактатам Гаудентия (II в. н. э.) — *Ἀρμονικὴ εἰσαγωγή*, и особенно Алипия (IV в. н. э.) — *Εἰσαγωγή μουσικῆς*, в котором содержится подробное изъяснение всей нотной системы.⁵⁷ Полного собрания греческих нотных текстов не существует.⁵⁸ Для нас наибольшее значение имеют два больших эпитафических гимна Аполлону в Дельфах.⁵⁹

Не лишена значения для нашей темы и история греческого стихосложения, дающая ряд опорных пунктов для установления хронологических изменений просодической системы языка, которые в поздней античности привели к радикальной перестройке метрической системы. Быть может, еще больше, чем в метрической поэзии, новые просодические отношения дают себя знать в ритмической прозе, где меняется система клаузул (стр. 115—116). Для просодических вопросов, связанных с ударением, бывает интересна и античная метрическая теория, на развитии которой мы здесь не будем останавливаться.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

Развитие греческой грамматики в Византии не внесло значительных изменений в традиционную акцентологическую теорию. Но самый характер ударения изменился. Античное

музыкальное ударение сменилось динамическим, сохраняющим, однако, вплоть до настоящего времени, особенно в диалектах, значительные элементы музыкальности.⁶⁰ С этим связана была другая просодическая инновация — устранение противопоставления долгих и кратких гласных. Долгота стала дополнительным признаком ударного гласного, и это сохранилось в современном новогреческом, где количественный момент составляет существенный признак ударения. Место ударения осталось в основном неизменным с отдельными отклонениями. Система стихосложения соответственно изменилась, хотя византийцы и продолжали иногда писать античными размерами в порядке искусственной версификации.

То, что в Византии было отложением долгой непрерывной традиции, не замедлило обнаружить свой противоречивый характер, когда с XV в. изучение греческого языка стало вновь распространяться в Западной Европе. К противоречиям между византийским произношением отдельных звуков и традиционной античной орфографией присоединились трудности, связанные с чтением античных стихов. Уже в XVI в. во многих местах установилось двоякое произношение греческих слов: в прозе — с динамическим ударением на традиционном месте, а в стихах — искусственная скандовка с тем же динамическим ударением на стиховых повышениях. Не мог не встать вопрос, как же произносили сами греки, был ли также и у них разрыв между ударением в стихе и в прозе. Поэтому уже с конца XV — начала XVI в. возникла проблема греческого произношения как в историческом аспекте, так и в практическом, с точки зрения того, как обучать греческому языку.⁶¹ Как известно, это привело к реформе школьного произношения на основе принципов, выдвинутых Эразмом⁶² и поддержанных радикально настроенными гугенотами. Однако реформа Эразма касалась только произношения отдельных фонем и оставляла на практике сосуществование двух акцентных систем — прозаической и стихотворной.

Вопрос затруднялся еще тем, что ни один филолог-классик XVI—XVIII вв. не имел представления о том, как звучат слова в языках с музыкальным ударением. Свидетельства античных грамматиков о музыкальном характере греческого ударения были хорошо известны и принимались во внимание (сам Эразм на это указывает), но не сопровождались живым представлением о предмете и тем более не служили руководством для школьной практики. Нередко возникала поэтому мысль, что указания греческих грамматиков ошибочны,

что они принадлежат более позднему времени и что классическая греческая литература была рассчитана на другое произношение, основанное не на традиционных ударениях, а на количестве, т. е. на долготах и краткостях. В распространении этих путаных представлений большую роль сыграла книга известного голландского филолога Исаака Воса (Vossius), вышедшая в 1673 г.⁶³ По мнению Воса, акцентные знаки служили в действительности для пения, а не для чтения, в основе которого лежало „количество“. Исходя из труда Воса, Геннинг (Henning, Henninius) выступил с радикальной реформой школьного произношения греческого языка. Он предложил не считаться с традиционными ударениями, а произносить греческие слова по правилам латинского ударения.⁶⁴ Это связано было, вероятно, с тем, что в XVII в. представляли себе латинский язык близким родственником греческого, а также с тем, что в латинском стихе, особенно в стихе римской комедии, стиховое повышение гораздо чаще совпадает с ударным слогом, чем в греческом. Реформа Геннинга получила очень широкое распространение в школьной практике XVIII в. Последствием „генниниева“ произношения было то, что многие греческие книги XVIII в. печатались без ударений.⁶⁵ Только новогуманизм второй половины XVIII в. с его ориентацией на классическую эпоху греческой культуры, а затем историческая филология XIX в. устранили искусственную латинизацию греческого языка и восстановили школьное произношение согласно традиционным ударениям.⁶⁶

Однако классическая филология XIX в., порвав с антиисторическими взглядами XVII—XVIII вв., не могла собственными силами внести ясность в вопросы греческого ударения. Мешала все та же причина — отсутствие ясных представлений о музыкальном ударении. Так, обновитель греческой грамматики Годфрид Герман, основоположник формально-грамматического направления в классической филологии XIX в., считал, что противопоставление острого и обложенного ударения является искусственной выдумкой греческих грамматиков.⁶⁷ Герман внес отдельные дополнения в традиционную теорию, в частности установил наличие проклитических (атонных) слов, но при неправильности общего подхода не мог значительно продвинуть теорию вопроса. Для Германа, не мыслившего себе никакого иного ударения, кроме динамического, двойная бухгалтерия прозаических и стихотворных ударений оставалась в силе. Филологи-классики не вышли за пределы античной традиции, ограничиваясь только ее более систематическим, незначительно модернизированным из

ложением. Таков, например, авторитетный в свое время большой труд Гетлинга,⁶⁸ содержащий собрание свидетельств⁶⁹ и систематизацию правил греческого ударения. Для Гетлинга, как и для Германа, характерно, что он не может себе иначе представить ударения, как состоящего в усилении голоса, с которым только невольно сочетается его повышение.⁷⁰ Свидетельство Дионисия Галикарнасского о повышении ударного слога на квинту Гетлинг соответственно отвергает. Основная заслуга филологов-классиков XIX в. в разработке вопроса о греческом ударении — это интенсивная деятельность по восстановлению античной грамматической теории, выполненная представителями уже упомянутой (стр. 13) кенигсбергской школы. Из работ, не ставивших себе теоретических задач, заслуживает упоминания солидный английский справочник Чендлера.⁷¹

Зарождение сравнительного языкознания на первых порах тоже не привело к сдвигам в вопросе о греческом ударении. Основоположник сравнительного языкознания Бопп посвятил сопоставлению санскритского и греческого ударений специальную работу, которая, однако, не привела к значительным результатам.⁷²

Только в 70-х годах XIX в., с совершенствованием методики сравнительно-исторического изучения,⁷³ с успехами общей фонетики,⁷⁴ изучение греческой акцентологии начинает переживать новый подъем. Одной из первых работ в этом направлении явилась статья американца Гедли, автор которой имеет уже ясное понятие о музыкальном ударении и его отличительных особенностях.⁷⁵ Рецидивы непонимания музыкального ударения с тех пор стали появляться реже и немедленно вызвали опровержения.⁷⁶ Важным этапом в изучении греческого ударения явилась статья Ваккернагеля, в которой рецессивное ударение греческого глагола было истолковано как результат энклитической позиции глагола в индоевропейском языке, засвидетельствованной санскритом.⁷⁷ Такое историческое объяснение стало возможным в результате уточнения представлений об ударении языка. Известную роль в этом уточнении сыграло открытие Беценбергером⁷⁸ соответствие между литовскими и греческими интонациями, позволившее проецировать разницу между акутом и циркумфлексом в индоевропейский язык. В том же 1877 г., когда вышла статья Ваккернагеля, было опубликовано известное открытие датского лингвиста Вернера, который связал наблюдавшиеся исключения из закона Гримма о германском передвижении согласных с местом ударения в индоевропейском языке. До этого времени при

расхождении между древнегреческим и ведийским ударением не было критерия, позволявшего определить, какой язык сохранил общеиндоевропейское место ударения и какой его изменил. Закон Вернера создал возможности исторической перспективы при рассмотрении этих вопросов. В результате этого Уилеру удалось предложить обобщенную формулировку отклонения греческого ударения от общеиндоевропейского в окситонных словах, оканчивающихся дактилическим ходом.⁷⁹ С 80-х годов вопрос о греческом ударении не переставал обсуждаться в научной литературе, и почти все наиболее известные языковеды-эллинисты принимали участие в разработке этой проблемы.⁸⁰ Среди ученых, в наибольшей мере способствовавших изучению греческой акцентологии, в первую очередь надлежит назвать Я. Вакернагеля,⁸¹ А. Мейе,⁸² Ж. Вандриеса,⁸³ Э. Германа,⁸⁴ Г. Эрлиха,⁸⁵ П. Кречмера⁸⁶ и др.⁸⁷ Многочисленные труды Г. Гирта об индоевропейской акцентологии⁸⁸ не привели в отношении греческого языка к сколько-нибудь прочным результатам.

Из русских классиков греческим ударением специально занимался только С. Н. Жданов, посвятивший этому вопросу свою магистерскую диссертацию.⁸⁹ Книга эта, стоявшая для своего времени на очень высоком методологическом уровне, была одной из первых попыток подхода к вопросу о греческом ударении с учетом достижений общего и сравнительного языкознания и до сих пор не потеряла своего значения. Однако русские лингвисты смежных специальностей тоже не оставляли без внимания проблему греческого ударения. А. А. Шахматов развил оригинальную гипотезу о происхождении греческого ударения в порядке типологической параллели к изучавшимся им славянским явлениям.⁹⁰ Касался вопросов греческого ударения также Л. Мазинг в своей работе о типах сербо-хорватского ударения.⁹¹

Попытку подвести итог знаниям о греческом ударении, добытым в течение XIX в., сделал Ж. Вандриес, издавший в 1904 г. небольшую книжку, излагавшую в систематической форме проблемы греческой акцентуации.⁹² „Трактат“ Вандриеса, выдающийся по ясности и изяществу изложения, остается и поныне наилучшим пособием по греческому ударению.⁹³ Недостатком этой работы является, однако, излишнее доверие к восстановлению Геродиана, сделанному Ленцем. Несмотря на обширную осведомленность Вандриеса в специальной литературе, критика филологической стороны труда Ленца, о которой мы упоминали,⁹⁴ осталась вне поля зрения французского лингвиста.

Развитие классической филологии, а также общего и сравнительного языкознания в XX в. принесло с собой ряд новых проблем также и по отношению к греческой акцентологии.

Рост папирусных находок позволил поставить на новую почву вопрос об истории акцентуации греческих текстов в античное время и о лежащих в основе этой акцентуации грамматических учениях. Вопросы эти были исследованы в уже упоминавшейся книге Лаума. Как мы видели, один из основных выводов Лаума состоит в том, что принятая у нас, вслед за византийской практикой, постановка грависа в окситонных словах внутри фразы представляет собой результат недоразумения, санкционировавшего графическую ошибку, перенос вправо знака, стоявшего на предударном слоге. Если этот вывод правилен, то возбуждавший разные мнения вопрос о лингвистическом истолковании этого грависа совершенно отпадает. Привычные теоретические представления о природе греческого ударения нуждаются в этом случае в некоторой модификации. Однако выводы Лаума не совпадают с выводами другого исследователя папирусной акцентуации Гислера,⁹⁵ и, как мы увидим, проверка этих выводов заставляет внести весьма существенные поправки в теорию Лаума.

Создание новой отрасли языкознания — фонологии — и соответствующий методологический пересмотр вопросов общей и исторической фонетики также не могли не отразиться на проблематике греческого ударения. Основы для применения фонологической методики к вопросам греческой акцентологии были заложены одним из создателей фонологического направления Р. О. Якобсоном. В сборнике „Проблемы поэтики“, изданном в Вильнюсе в 1937 г. в честь Казимира Вуйцицкого, была помещена написанная по-польски статья Якобсона „Проблемы древнегреческой просодии“.⁹⁶ Используя фонологическую теорию мор, созданную им совместно с Н. С. Трубецким, показывая, что греческий язык ведет одновременно счет слогов и счет мор, автор дал окончательное разрешение вопроса о месте греческого ударения. Однако то обстоятельство, что Р. Якобсон основывался при этом главным образом на изложении Вандриеса и не учитывал новых вопросов, вставших в результате исследования Лаума, привело автора к ряду сомнительных выводов. Открытые Р. О. Якобсоном законы нуждаются в уточненных формулировках. С другой стороны, работа Якобсона, напечатанная незадолго до второй мировой войны в малоизвестном польском издании, тоже не привлекала к себе на первых порах внимания языковедов-эллинистов. В руководстве к греческой

акцентуации, принадлежащем известному швейцарскому лингвисту Шарлю Балли и вышедшем уже в 1944 г.,⁹⁷ открытие Якобсона еще не упоминается. Книга Балли, приближающаяся по типу к руководству Вандриеса, содержит новые точки зрения, связанные с методологией женевской школы де Соссюра, но по материалу менее полна и носит более учебный характер, чем „трактат“ Вандриеса.

Последним по времени значительным трудом по греческому ударению является соответствующий раздел большого исследования Куриловича „Ударение в индоевропейских языках“.⁹⁸ Основываясь на своих предшествующих работах,⁹⁹ Курилович подвергает пересмотру принятое со времен Беценбергера представление об индоевропейском происхождении греческих интонаций — акута и циркумфлекса, и разворачивает новую теорию происхождения греческого ударения, исходя при этом из структуралистических методов. Подробно разбираются морфологические функции ударения в греческом словообразовании и словоизменении, и книга представляет значительный интерес также и для тех лингвистов, которые не разделяют всех теоретических установок автора.

Таким образом, греческая акцентология за последние тридцать лет несомненно добилась известных успехов,¹⁰⁰ но перед ней встали и новые вопросы, требующие дальнейшего исследования.

ПРИРОДА И ВИДЫ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО УДАРЕНИЯ

ПРИРОДА ГРЕЧЕСКОГО УДАРЕНИЯ

Правильность показаний античных грамматиков может быть прежде всего проверена на важнейшем пункте всего акцентологического учения, касающемся самой природы греческого ударения, — на вопросе о том, к какому фонетическому типу оно принадлежит.

В связи с тремя основными свойствами звука, определяющими ритм речи (стр. 3), фонетика различает три типа ударения — музыкальное (тоническое), силовое (динамическое), количественное (квантитативное). При этом следует иметь в виду, что в языках обычно бывает не чистое ударение одного из упомянутых трех видов, а некий смешанный тип. Несмотря на это, фонологически существенна бывает лишь одна его сторона, а прочие являются дополнительным, не при всех условиях обязательным качеством; с этой точки зрения вполне законно говорить о музыкальном, динамическом и квантитативном ударениях.

По отношению к древнегреческому языку квантитативность, как фонологически определяющая черта ударения, отпадает уже по той причине, что в греческом языке „количество“ слогов и гласных является, как мы видели (стр. 3 и сл.), самостоятельной фонологической категорией, совершенно не зависящей от ударения,¹ которое может падать на краткий слог при наличии в слове долгого и наоборот. Для древнегреческого языка может стоять вопрос лишь о том, принадлежит ли его ударение к музыкальному или динамическому типу.²

Ответ античных грамматиков на вопрос о характере древнегреческого ударения не оставляет сомнения в смысле ясности. Они характеризуют древнегреческое ударение как музыкальное. Вся акцентологическая терминология греческих грамма-

тиков и вся их метафорика заимствованы из музыкальной области.

Древнейшие акцентологические термины $\acute{\alpha}\xi\acute{\upsilon}\varsigma$ 'острый' и $\beta\alpha\rho\acute{\upsilon}\varsigma$ 'тяжелый' означают различия по высоте звука, а не по его силе. $\text{'}\acute{\alpha}\xi\acute{\upsilon}\varsigma$ — 'высокий, пронзительный' звук,³ $\beta\alpha\rho\acute{\upsilon}\varsigma$ — 'низкий, тяжелый'.⁴ В противопоставлении $\acute{\alpha}\xi\acute{\upsilon}\varsigma$ и $\beta\alpha\rho\acute{\upsilon}\varsigma$ всегда означают высокий и низкий тон. Так, уже для пифагорейца Дамона в середине V в. до н. э. $\tau\acute{\alpha}$ $\beta\alpha\rho\acute{\upsilon}\tau\epsilon\rho\alpha$ свойственны мужскому голосу, $\tau\acute{\alpha}$ $\acute{\alpha}\xi\acute{\epsilon}\alpha$ — женскому;⁵ среди струн различаются „острая“ струна ($\acute{\alpha}\xi\epsilon\iota\alpha$ $\chi\omicron\rho\delta\eta$) — струна высокого тона — и „тяжелая“ струна ($\beta\alpha\rho\epsilon\iota\alpha$ $\chi\omicron\rho\delta\eta$) — струна низкого тона.⁶ Ксенофонт, говоря о вариации голоса при дрессировке собак, противопоставляет, с одной стороны, $\acute{\alpha}\xi\acute{\upsilon}$ — $\beta\alpha\rho\acute{\upsilon}$, с другой, $\mu\acute{\iota}\kappa\rho\nu$ — $\mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha$.⁷ Последняя пара относится, очевидно, к силе звука,⁸ а первая к высоте. В применении к ударению противопоставление $\acute{\alpha}\xi\acute{\upsilon}$ — $\beta\alpha\rho\acute{\upsilon}$ не может иметь иного значения, чем различие по высоте тона.

Самый ранний текст, в котором идет речь о словесном ударении, как мы уже упоминали,⁹ — софистический трактат „Двойные речи“ (около 400 г. до н. э.). Здесь перемена ударения $\Gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\omicron\varsigma$ и $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{\omicron}\varsigma$ и т. п. характеризуется как изменение „гармонии“, $\acute{\alpha}\rho\mu\omicron\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ $\delta\iota\alpha\lambda\lambda\alpha\gamma\epsilon\acute{\iota}\sigma\eta\varsigma$. Под гармонией при этом разумеется соотношение между тональностью различных частей слова, между его $\acute{\alpha}\xi\acute{\upsilon}$ и $\beta\alpha\rho\acute{\upsilon}$.¹⁰ Однако термин $\acute{\alpha}\rho\mu\omicron\nu\acute{\iota}\alpha$, означавший соотношение тональностей, не мог применяться в отношении отдельного слога, и Платон для обозначения высокого тона ударного слога употребляет термин $\acute{\alpha}\xi\acute{\upsilon}\tau\eta\varsigma$. Так, при производстве одного слова от другого мы, согласно Платону, вставляем и изымаем отдельные буквы и меняем ударение — $\tau\acute{\alpha}\varsigma$ $\acute{\alpha}\xi\acute{\upsilon}\tau\eta\tau\alpha\varsigma$ $\mu\epsilon\tau\alpha\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\mu\epsilon\nu$; производя имя $\Delta\acute{\iota}\phi\iota\lambda\omicron\varsigma$ от сочетания слов $\Delta\acute{\iota}$ и $\phi\acute{\iota}\lambda\omicron\varsigma$, „мы изыали из него второе ι [т. е. неударное ι слога $\Delta\iota$ -] и произнесли средний слог [т. е. - $\phi\iota$ -] тяжелым вместо острого“.¹¹ Вслед за этим Платон приводит другой пример. Производя слово $\acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\omicron\varsigma$ 'человек' из словосочетания $\acute{\alpha}\nu\alpha\theta\rho\omega\pi\acute{\omicron}\nu$ $\acute{\alpha}$ $\acute{\omicron}\pi\omega\tau\epsilon$, он констатирует, что при этом была изъята буква α (в слоге - $\nu\alpha$ -), а конец слова перешел в более тяжелую тональность „ $\beta\alpha\rho\acute{\upsilon}\tau\epsilon\rho\alpha\varsigma$ $\tau\eta\varsigma$ $\tau\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\tau\eta\varsigma$ $\gamma\epsilon\nu\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\eta\varsigma$ “, т. е. стал неударным. Из этих примеров совершенно ясно, что под острым разумеется ударный слог, а под тяжелым — неударный.¹² Термина для обозначения обложенного ударения, очевидно, еще не было, и, когда Платону придется проводить различие между двумя видами ударения на одном гласном, он продолжает пользоваться термином $\acute{\alpha}\rho\mu\omicron\nu\acute{\iota}\alpha$.¹³

Однако термины $\acute{\alpha}\xi\acute{\upsilon}\tau\eta\varsigma$ и $\beta\alpha\rho\acute{\upsilon}\tau\eta\varsigma$, означавшие высокий и низкий тоны порознь, тоже были недостаточно удобны.

Требовался термин для общего понятия тональности различных слогов. У Аристотеля мы уже этот термин находим в широком употреблении. Это *προσῳδία*, опять-таки слово музыкального происхождения, производное от глагола *προσῳδεῖν*, означавшего пение в унисон к музыкальному инструменту. В применении к слову термин „просодия“ указывает на тональность, которая должна быть присоединена к гласному звуку. „Просодия“ употребляется у Аристотеля и как общий термин,¹⁴ и со спецификацией — „острая“ просодия, „тяжелая“ просодия,¹⁵ что образует уже название видов тона.

„Просодия“ оставалась основным акцентологическим термином вплоть до конца античности, но у грамматиков он получил значение надстрочного знака, обозначавшего различные виды тона, и впоследствии был распространен и на другие надстрочные знаки, как-то: обозначение придыханий, а также долготы и краткости. Когда возникло это распространительное употребление, точно неизвестно. Оно прямо засвидетельствовано у Геродиана и его современника Секста Эмпирика,¹⁶ но, по-видимому, встречалось уже у Гераклида Милетского (около 100 г. н. э.), автора трактата *Καθολικὴ προσῳδία*.¹⁷ Византийцы присоединили сюда апостроф и другие знаки.

Не исключается возможность, что расширенное употребление термина *προσῳδία* получило распространение еще ранее, во времена Дионисия Фракийского (около 170—90 до н. э.), который именно поэтому применил в своем руководстве термин „тон“ (*τόνος*) вместо „просодии“.¹⁸

Термин *τόνος*, по своему происхождению от глагола *τείνω* ‘натягивать, напрягать’, сам по себе мог бы означать и высоту, и силу звука, но те контексты, где глагол *τείνω* и образованные от этого корня существительные (*τόνος*, *τάσις*) употребляются по отношению к ударению, показывают, что в основе лежит метафора натянутой струны (*ἐπιτεταμένη χορδή*), дающей высокий тон, и ослабленной струны (*ἀνεκμένη χορδή*), дающей низкий тон.¹⁹ Особенно часто и подробно говорит об этом Аристоксен. Он полемизирует с теми, которые не отличают статики от кинетики и употребляют термин *ἐπίτασις* ‘повышение тона’ в значении *ὑψύτης* ‘высокого тона’, а *ἀνεσις* ‘понижение тона’ равносильно с *βαρύτης* ‘низким тоном’.²⁰ Сам он определяет *ἐπίτασις* как непрерывное движение звука от более низкого к более высокому, а *ἀνεσις* — как движение от более высокого к более низкому; результатом *ἐπίτασις* является *ὑψύτης*, результатом *ἀνεσις* — *βαρύτης*.²¹ В речи он находит особый вид мелоса, слагающегося из тональности (просодии) слов: повышение и понижение тона в речи является законом природы.²² Аристотель, говоря о просодии, также связывает

ее с понижениями и повышениями речевого тона и пользуется термином *τόνος* наряду с *πρόσφδια*.²³ Главк Самосский пользуется прямо термином *ἀνείμένη* вместо *βαρεῖα* и *ἐπιτεταμένη* вместо *ὀξεῖα*.²⁴ Даже поздние схолии к грамматике Дионисия Фракийского²⁵ определяют *τόνος* как эвфоническое повышение или понижение или среднее состояние тона слогов.

К греческим источникам, в первую очередь к Тиранниону, восходит и термин *altitudo* 'высота', который применяет Варрон, говоря об ударении.²⁶

Таким образом, все без исключения термины, которые употребляли греки классической поры, характеризуя ударение, указывают на музыкальную природу этого ударения, на более высокую тональность ударного слога по сравнению с прочими слогами.

Только у самых поздних авторов, принадлежащих концу античности или византийскому времени, появляются рядом со старыми музыкальными терминами новые слова иного происхождения, которые могут свидетельствовать уже о силовом ударении. Вместо *ὀξύνειν* появляется *ῥωννύναι* 'усиливать' или *ἐγείρειν* 'пробуждать', вместо *βαρύνειν* — *κοιμίζειν* 'усыплять'.²⁷

Попытку более точного определения различия по высоте тона между ударными и неударными слогами мы находим в трактате Дионисия Галикарнасского (конец I в. до н. э.) „О сочетании имен“ *Περὶ συνθέσεως ὀνομάτων*, гл. XI: Этот раздел трактата, как мы уже говорили (стр. 5), восходит, по видимому, к Аристоксену,²⁸ и это повышает ценность сообщения Дионисия. По его словам, в мелодии речи интервал между наиболее высоким и наиболее низким тоном составляет примерно квинту. „Мелодия речи, — пишет он, — измеряется одним интервалом приблизительно в так называемую квинту: она не подымается к острой просодии выше трех с половиной тонов и не опускается к тяжелой просодии на большее расстояние“.²⁹ Здесь учитываются, таким образом, разные случаи в зависимости от места ударного слога в слове: слова с повышающимся тональным движением, например *ἀγαθός*, с понижающимся — например *ἄνθρωπος*, равно как и наличие обоих тональных движений внутри одного слова — *διαλέγομαι*. Показание это совпадает с данными Е. Д. Поливанова о японском ударении.³⁰

Можно ли усомниться в правильности категорического утверждения античных источников о музыкальном характере греческого ударения? Свидетельство это получает подтверждение с разных сторон.

Так, наблюдения над живыми языками привели Н. С. Трубецкого к выводу, что счет по морам обычно связан с му-

зыкальным ударением: вершинная мора повышается в тоне.³¹ Правда, обобщения такого типа не могут претендовать на полную достоверность и допускают отдельные исключения. Тем не менее, поскольку греческий язык, как мы имели возможность убедиться, ведет просодический счет по морам и знает слоговой акцент в виде оппозиции острого и облученного ударения, уже одно это обстоятельство заставляло бы нас скорее всего ожидать в этом языке музыкального ударения, даже если бы оно не было засвидетельствовано, и притом столь категорическим образом, с прямым указанием интервала тональности между ударными и неударными слогами.

К этому соображению, опирающемуся на данные общего языкознания, присоединяются и другие, основанные на рассмотрении исторического развития греческого языка.³²

Действительно, в истории языков, для которых характерно динамическое ударение, обычно наблюдается с течением времени некоторое разрушительное действие этого ударения на неударные слоги; они редуцируются, происходит сокращение или даже выпадение неударных гласных. В истории греческого языка доэллинистического периода таких явлений, как правило, не наблюдается. Правда, некоторые исследователи делали попытки связать те или иные фонетические процессы истории греческого языка с неударностью гласных звуков, но приводили в подтверждение своих предположений лишь спорадические факты, допускающие притом иное объяснение.³³ Ни для классической эпохи, ни для восстановимого с помощью сравнительно-исторических разысканий периода доистории греческого языка ни о каком редуцировании неударных слогов говорить не приходится,³⁴ и это опять-таки свидетельствует о том, что ударение не имело динамического характера и являлось, стало быть, музыкальным.

Веским подтверждением античной теории ударения могут служить остатки античных музыкальных текстов, в первую очередь эпиграфические Дельфийские гимны (стр. 23).

В языках с музыкальным ударением слово имеет свое тональное движение, свою мелодию, и в греческой песне словесное ударение играет ту же роль, что и динамическое ударение в тоническом стихе. В русском стихе неударный слог слова может получить ударение наряду с ударным, стать ритмически равным ему: „Едвѣ не в шутку *зѣнемог*“. Возможен и обратный случай: ударный слог слова может потерять свое ударение и быть ритмически приравненным к неударному: „Я, *матерь божия*, ныне с *молѣтвом*“. Однако это отнюдь не означает полного ритмического произвола: нельзя поменять ударение внутри слова, переакцентовать слово,

сделать ударный слог ритмически более слабым, чем неударный.

Таким образом, доминирующая роль ударного слога в русском стихе проявляется в том, что он при нормальных условиях не может быть сделан ритмически более слабым, чем неударный слог того же слова. Таков закон русского стихосложения, установленный Р. О. Якобсоном.³⁵

Еще за 30 лет до Р. Якобсона аналогичный закон был установлен Крузиусом для роли греческого ударного слога, однако не в стихе, а в песне. Изучая опубликованные в 1893 г. Дельфийские гимны,³⁶ Крузиус установил как основной закон соотношения между мелодией песни и словесным ударением то, что ударный слог слова чаще всего имеет более высокую ноту, чем неударный, и во всяком случае не должен иметь более низкой ноты, чем какой-либо другой слог того же слова. Таким образом, в греческой песне неударный и ударный слоги могут быть музыкально приравнены друг к другу, но не допускается музыкальной переакцентовки, присвоения неударному слогу более высокой ноты, чем ударному. Исключения есть, но они количественно ничтожны и почти всегда легко объяснимы.³⁷ Такие же соотношения между мелодией песни и словесным ударением устанавливаются и в других снабженных нотами текстах.³⁸

Любопытно, что античная теория не сумела разобраться в этом соотношении между ударением слова и мелодией песни. Вопрос этот рассматривается у Дионисия Галикарнасского в уже цитированной XI главе его трактата „О сочетании имен“. Дионисий указывает, что, поскольку музыка пользуется различными интервалами, а не одной только квинтой, в пении приходится изменять обычное мелодическое соотношение слова мелосу, а не мелос словам“.³⁹ В виде примера он приводит начало дохмического парода из „Ореста“:

οἶγα σῖγα, λευκὸν ἰχνοσ ἀρβύλης
τίθετε,⁴⁰ μὴ κτυπεῖτ.
ἀποπρό βᾶτ' ἐκεῖσ', ἀποπρό μοι κοίτας

„Тихо, тихо, кладите мягко след башмака, не шумите, отойдите туда, отойдите от ложа“.

Дионисий отмечает, что слова οἶγα σῖγα, λευκὸν поются на одну ноту, несмотря на то, что каждое из этих трех слов имеет и острый тон, и тяжелый,⁴¹ т. е. один ударный и один неударный слог. В слове ἀρβύλης последний слог тонально равен среднему ударному, „несмотря на то, что невозможно одному слову иметь два острых тона“; в слове τίθετε первый

(ударный) слог ниже двух равнотонных последующих; в *κτοπεῖτ'* исчезает обledenность, и два слога (по-видимому, оба элемента дифтонга) покоятся на равном уровне; в *ἀποτρὸ βᾶτ'* — *ἀποτρὸ*, по-видимому, было проклитикой: как говорит Дионисий, „это слово не принимает острой просодии своего третьего слога,⁴² и тон третьего слога переходит на четвертый“. Дионисий делает отсюда вывод, что „музыка и ритмика“ вольно обращаются со слогами, „так что они нередко переходят в свою противоположность“.⁴³

Однако если присмотреться к примерам Дионисия, они далеко не однородны. Мелодическую переакцентовку мы имеем лишь в одном случае, в слове *τίθετε*, где обычный ударный получил более низкую ноту, чем неударные. В *ἀποτρὸ βᾶτ'* раздельное написание в два слова находится в противоречии с их реальным фонетическим единством: *ἀποτρὸ* — проклитично. Во всех прочих случаях имеет место не переакцентовка, а тональное приравнение неударного к ударному, т. е. то, что мы наблюдали в рассмотренных выше нотных текстах и что находит себе полную параллель в русском стихосложении. Дионисий, как, вероятно, и его источник, не понимал того, что „острая просодия ударного слога“ вступает в конфликт с мелодией песни лишь в том случае, когда неударный слог получает более высокую ноту, и что тональное приравнение неударного к ударному вполне допустимо. В избранном Дионисием примере „вольностью“ является только музыкальная фразировка слова *τίθετε*.⁴⁴

Как мы видим, античные теоретики запутались в закономерности соотношения между мелодией песни и мелодией слова; тем более показательна практика, установившаяся стихийно, без помощи теории. Такой учет словесного ударения для песенной мелодии возможен лишь в языке с музыкальным ударением; музыкальная фраза испытывает воздействие словесного музыкального ударения.

Совершенно иную картину являет соотношение ударения и метрического повышения („сильного времени“) в системе греческого стихосложения. Греческий стих имеет чисто количественную („квантитативную“) структуру и строится на упорядоченном чередовании долгих и кратких слогов без всякого учета места ударения. Ударение не только не организует движения стиха, но и не подчиняется ему, даже не сопротивляется; оно попросту безразлично, не играет для стиха просодической роли.⁴⁵ В языках с фонологическим динамическим ударением — а в греческом языке ударение ведь фонологическое, смысловоразличающее и, стало быть, ясно воспринимающееся языковым сознанием — такое соотношение

невозможно. При традиционно принятой у нас — и на практике единственно возможной для сколько-нибудь значительного количества читателей — замене при чтении греческого текста музыкального ударения динамическим чтение греческих стихов оказывается чрезвычайно затруднительным, и это заставляет прибегать к искусственному приему „скандовки“, к снятию ударений с их нормальных мест и замене их динамическими ударениями на повышениях стиха — „иктусами“, — что не может быть подтверждено ни одним античным сообщением. Между тем, при музыкальном ударении такое безразличие словесной мелодии к ритмическому движению стиха представляется вполне объяснимым, поскольку и в самом слове его мелодический ход в значительной мере независим от ритмических соотношений и составляет своего рода автономную просодическую систему.

Все эти соображения позволяют считать античные свидетельства о музыкальном характере греческого ударения вполне соответствующими действительности.

Однако можно поставить перед собой и другой вопрос: являются ли эти античные сведения в достаточной мере полными, не имело ли древнегреческое ударение смешанного характера, не соединяло ли оно в себе музыкальный элемент, о котором сообщают источники, с динамическим, о котором они умалчивают. Как мы видели, этот вопрос касается только фонетики, а не фонологии. Вполне возможно, что такой динамический момент действительно был. Более того, поскольку, как мы увидим в последней главе, древнегреческое музыкальное ударение в конце концов сменилось динамическим, этот динамический момент должен был с течением времени все больше возрастать. Однако в нашем распоряжении нет никаких прямых фактов, которые позволили бы приписать ударению классической эпохи смешанный музыкально-динамический характер.

ВИДЫ ГРЕЧЕСКОГО УДАРЕНИЯ

В некоторых языках, использующих тон в качестве смысло-различительного средства, тон является признаком фонемы. Так обстоит дело, например, в односложных тонических языках, где могут противопоставляться односложные слова, отличающиеся только тоном гласного звука. Иначе обстоит дело в таком языке, как греческий. В греческом языке два самостоятельных слова⁴⁶ никогда не отличаются только тем, что ударному гласному одного противопоставляется неударный гласный того же тембра в другом слове: *τροχός* отли-

чается от *τρός* не только ударностью последнего гласного, которому противостоит неударный, но и неударностью первого, которому противостоит ударный. Оппозиция ударения всегда приводит по меньшей мере к двум противопоставлениям. Если бы в греческом языке существовало, помимо *τρός* и *τρός*, еще безударное слово *τρός*, как это бывает в японском, дело обстояло бы иначе, но в греческом языке нет самостоятельных неударных слов.⁴⁷ Поэтому в греческом языке ударность не входит в число признаков фонемы или даже слога, а является признаком слова в целом, определяя собой соотношение наиболее высокого и более низких тонов в слове.⁴⁸ Таким образом, представляется вполне рациональным сохранить для греческого языка термин „ударение“, не заменяя его термином „тон“. Тонов в слове может быть несколько, а ударение (по крайней мере главное) — одно. Носителем ударения является при этом гласный звук или даже, как в греческом языке, часть гласного — мора. Согласные моры греческого слога в ударении не принимают участия.⁴⁹

В языках с музыкальным ударением обычно приходится различать с одной стороны ступени тона по их высоте, с другой стороны — характер протекания тона внутри гласного звука. В греческом языке мы находим и ту, и другую корреляцию.

Античные теоретики много занимались вопросом о видах греческого ударения и вызываемых ударением соотношениях тонов. Наиболее полные сведения об этом нам сохранила римская традиция. Варрон, пользуясь, по-видимому, трактатом Тиранниона⁵⁰ о просодии, оставил подробное изложение мнений различных теоретиков, которое дошло до нас в эксцерпте Псевдо-Сергия (Gramm. Lat. IV, p. 525 сл.). Из Варрона мы узнаем, что наряду с обычным трехчленным делением просодии (острая, тяжелая и обложенная) имелись и другие. Так, Афинодор считал возможным свести количество просодий к двум — высокой и низкой, видя в обложенном ударении совмещение обоих тонов в одном слоге. Тираннион к обычным трем тонам прибавлял еще четвертый — „средний“ тон, а Главк Самосский доводил количество тонов в греческом слове до шести. Греческая традиция сохранила очень мало сведений об Афинодоре и Главке, и даже неизвестно время, к которому эти авторы относятся.⁵¹

Осмысливая античную теорию ударения, всегда надо учитывать различие между старой ритмо-метрической теорией, исходившей из наблюдений над живой речью, и позднейшей, грамматической, для которой основной задачей была постановка просодических знаков в письме. Представители первой

школы дают нам ценные фонетические сведения, выходя за рамки фонологического существенного; грамматика, для которой важен был смысловоразличительный момент в письме, пренебрегает реальным движением тона в слове и ограничивается минимальным количеством знаков. Как часто бывает в древних графических системах, они оказываются в известной степени стихийно-фонологическими.

С точки зрения корреляции ступеней тона античная теория устанавливает два или три вида просодии. Чаще всего речь идет при этом о двух тонах, которые, как мы видим, уже с самого раннего времени обозначаются терминами „острый“ и „тяжелый“. В истолковании этих терминов источники единодушны. Острое ударение (*ὀξύς τόνος*, *ὀξεῖα προσφῶδια*, по-латыни *accentus acutus*) объясняется как высокий тон, повышение голоса (*ἀνάτασις φωνῆς*). При этом античная теория не проводит достаточно ясного различия между уровнем тона и тоническим движением. Акут означает и высокий тон, и восходящий характер ударения. Идет ли речь о повышении тона по сравнению с предшествующим слогом или о тональном восхождении внутри самого ударного слога, источники не сообщают. Но самый графический знак для акута' (в древнее время с утолщением вверх направо ⁵²) также объясняется как указание на движение вверх. Знак этот ставится и на кратком, и на долгом гласном. Указывая на ударенность гласного в слове, термин „акут“ употребляется только для словесного ударения.

„Тяжелый“ тон (*βαρύς τόνος*, *βαρεῖα προσφῶδια*, *accentus gravis*) определяют как противоположность акута, как низкий тон, вместе с тем как движение тона в противоположную, нисходящую, сторону.⁵³ Принятый для этого знак ⁵⁴ (в древнее время с утолщением вниз направо ⁵⁵) соответственно истолковывается как движение вниз. Иногда, однако, говорят не о понижении тона (*ἄνεσις*) в тяжелой просодии, а о выравнивании его (*ὀμαλίσμος*),⁵⁴ т. е. о ровном протекании тона в неударном гласном. Эти два определения тяжелой просодии могут не противоречить одно другому: об *ἄνεσις* говорится в сопоставлении с более высоким тоном ударного гласного, а *ὀμαλίσμος* характеризует нулевое тональное движение внутри неударного. Это могло бы свидетельствовать об ослаблении тональных различий внутри слова в эллинистическую эпоху, но античная акцентологическая терминология не настолько четка, чтобы можно с уверенностью делать подобные выводы. В отличие от акута, являющегося словесным ударением, организующим тоном слова (*κύριος τῆς λέξεως*),⁵⁵ гравис в александрийской системе характеризует тональность неударного

гласного. Он — „слоговой“ (συλλαβικός). Другое значение получил знак грависа впоследствии в византийской системе акцентуации, когда он начал ставиться только на конечном ударном слоге, исключая положение слова в паузе и перед энклитикой и являясь, таким образом, вариантом знака акута на последнем слоге в определенных фразовых условиях. Этот вопрос мы рассмотрим в гл. IV.

Взгляд, получивший преобладание в античной традиции, противопоставляет, таким образом, высокому тону акута на ударном гласном низкий тон грависа на всех неударных без различия. Это, вероятно, не значит, что все неударные произносились на один тон. О тональном движении внутри греческого слова, помимо противоположности акута и грависа, мы очень плохо осведомлены. Нотные тексты дают большей частью картину постепенного повышения перед ударением в многосложных словах и постепенного понижения там, где за ударением следуют еще два слога. Перебои повышений и понижений в предударной части слова мы находим обычно лишь в составных словах, где, очевидно, кроме главного ударения, возможно было и побочное на первой составной части. Несомненно, что в длинных словах не все неударные слоги звучали одинаково низко, что имелись побочные ударения, что фразовые условия приводили к различным модификациям тона. Фонетически чувствительный наблюдатель мог не удовлетвориться двучленной классификацией тонов. Музыкальная теория издавна устанавливала между $\acute{\alpha}\kappa\upsilon\tau\acute{\alpha}$ и $\beta\alpha\rho\acute{\upsilon}$ еще $\mu\acute{\epsilon}\sigma\sigma\alpha\nu$ („средний“ тон) или $\acute{\alpha}\rho\acute{\iota}\sigma\tau\omicron\nu\omicron\nu$ („ровный“ тон).⁵⁶ Поэтому, когда Тираннион вводил рядом с акутом, грависом и облученным ударением еще некую „среднюю“ просодию, не приходится сомневаться, что это соответствовало фонетической реальности. Однако имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства не дают возможности конкретно указать, в чем состояла эта средняя просодия. Псевдо-Сергий сближает ее то с грависом, то с акутом. $\mu\acute{\epsilon}\sigma\sigma\eta$ не имела фонологической значимости. Неударный слог более высокого тона, чем другие, мог быть обозначен как $\mu\acute{\epsilon}\sigma\sigma\eta$. То же могло иметь место по отношению к ударному слогу в таких фразовых условиях, которые способствовали понижению на нем обычного тона. И в том и в другом случае средняя просодия оставалась только фонетическим вариантом грависа или акута. Господствующая грамматическая школа была права в том отношении, что в скале ступеней тона греческого слова фонологическое значение имеет только противопоставление акута и грависа.

С точки зрения протекания тона в ударном слоге, „острому“ ударению противопоставляется „облученное“ (< „об-влечен-

ное" — калькирующий перевод греч. περισπωμένη). Облеченное ударение представляет собой „составной“ тон.⁵⁷ В описании характера этого ударения все источники сходятся: оно является соединением „острого“ и „тяжелого“ тонов, иными словами восходяще-нисходящим. Будучи двусоставным, оно падает лишь на долгий двухморный гласный с восходящим тоном на первой море и нисходящим на второй. Соответственно этой своей природе облеченное ударение получило графическое изображение, состоящее из объединения акута и грависа $\wedge$, впоследствии закруглившееся $\frown$, и, наконец, принявшее в минускульном письме свою нынешнюю форму $\sim$. Термин περισπωμένη (лат. *accentus circumflexus*) от глагола περισπᾶν 'отвлекать, направлять в другую сторону' восходит по крайней мере к IV в., так как встречается уже у Эфора, но с ним конкурировали и другие термины, в частности хεχλασμένη, подчеркивающие момент перелома, характерный для рассматриваемой просодии.⁵⁸

Краткий одноморный слог, будучи носителем ударения, может иметь на себе только акут. Двухморный ударенный гласный допускает и акут, и циркумфлекс, и отличие этих двух видов ударения может служить в греческом языке целям семантического различения: φῶς 'муж' — φῶς 'свет'; φῶρεᾶς (винительный падеж мн. ч. ж. р.) — φῶρεᾶς (родительный падеж ед. ч. ж. р.). Оно сводится к различию акцентного хода. В циркумфлексе этот ход совершенно ясен: вершина высоты достигалась на переломе между восходящим и нисходящим движением, чем и определялась граница между морями. В Дельфийских гимнах мы находим в 20 случаях двойные ноты при слоге с облеченным ударением; при этом в 19 случаях вторая нота ниже первой и только один раз равна первой. Сложнее обстоит дело с определением акцентного хода акута на долгом гласном. Здесь можно колебаться между несколькими возможностями — восходяще-восходящим ходом с вершиной в конце второй моры, восходяще-ровным ходом с вершиной на всем протяжении второй моры и даже ровно-восходящим ходом с восхождением только на второй море.⁵⁹ Если обратиться для разрешения этого вопроса к тем же нотам Дельфийского гимна, то окажется, что из восьми двойных нот на акуте — шесть раз вторая нота выше первой, один раз равна ей, а один раз ниже. Даже при учете известной вольности музыкальных композиций эти цифры говорят в пользу восходящего хода второй моры. Как ни решать этот вопрос, существенным моментом будет то, что при циркумфлексе выдвинута первая мора двухморного гласного, при акуте — вторая.

Отличие это может быть показано также по линии происхождения многих долгих гласных и на характере морфологических чередований. Так, в ряде случаев греческие ударные гласные произошли в результате слияния двух гласных. Тогда характер ударения на гласном, получившемся из слияния, по-разному распределится в конечном слоге в зависимости от того, на каком из слившихся гласных оно до слияния находилось: слияние ударного с неударным дает долгий гласный с ударением на первой море, т. е. облеченным — $\tau\bar{\iota}\mu\acute{\alpha}\omega > \tau\bar{\iota}\mu\omega$; слияние неударного и ударного приводит к акуту — $\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\acute{\omega}\varsigma > \acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\omega}\varsigma$.⁶⁰ Для формы звательного падежа в ряде случаев бывает характерен отход ударения: $\pi\alpha\tau\acute{\eta}\rho - \pi\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho$; соответственно в именах на $-\acute{\epsilon}\upsilon\varsigma$ мы имеем вокалитв на $-\epsilon\bar{\upsilon}$, где ударение ушло со второй моры слога на первую: $\text{Ζε}\acute{\upsilon}\varsigma \text{βασιλε}\acute{\upsilon}\varsigma - \text{Ζε}\bar{\upsilon} \text{βασιλε}\bar{\upsilon}$. То же мы имеем в соотношении эолийского диалекта, который отводит ударение возможно дальше от конца, с другими говорами: обычному $\text{Ζε}\acute{\upsilon}\varsigma$ соответствует эолийское $\Sigma\delta\epsilon\bar{\upsilon}\varsigma$.

О том, в какой мере греческое языковое сознание было восприимчиво к интонационному отличию между акутом и циркумфлексом, свидетельствует рассказ о том, как во время первого представления трагедия Эврипида „Орест“ (408 г. до н. э.) актер Гегелох произнес в стихе 279

$\acute{\epsilon}\chi \kappa\omicron\mu\acute{\alpha}\tau\omega\upsilon\eta \gamma\acute{\alpha}\rho \alpha\bar{\upsilon}\theta\iota\varsigma \alpha\bar{\upsilon} \gamma\alpha\lambda\acute{\eta}\nu' \acute{\omicron}\rho\omega$

(где $\gamma\alpha\lambda\acute{\eta}\nu'$ возникло в результате элизии $\gamma\alpha\lambda\eta\acute{\nu}\acute{\alpha}$ 'тишь') форму с облеченным ударением $\gamma\alpha\lambda\eta\bar{\nu}$ (винительный падеж ед. ч. от существительного $\gamma\alpha\lambda\eta$ 'ласка, куница'), чем вызвал хохот публики, и это послужило даже предметом для насмешек Аристофана в его поставленных через два года „Лягушках“.

Если задаться вопросом о том, в какой мере достоверна античная традиция об акуте и циркумфлексе, то, помимо ее полного соответствия фонологической системе греческого языка, с его корреляцией двухморной долготы и одноморной краткости гласных и слогов, следует иметь в виду, что наличие двух видов слогового акцента встречается и в других индоевропейских языках, в первую очередь — в балто-славянских. В некоторых случаях мы находим даже тождественное использование различных слоговых акцентов в морфологических чередованиях греческого и литовского языков. В склонении основ на $-\bar{a}$ греческим конечным $-\acute{a}$, $-\bar{a}\varsigma$ соответствуют $*-\acute{o}$, $-\bar{o}\varsigma$ (акутом в литовской графике обозначается нисходящий, а циркумфлексом восходящий характер ударения). Вопросы о том, что здесь перед нами — сравнительно-

историческое соответствие или простая типологическая параллель, — мы коснемся в гл. VII.

Весьма важным является вопрос, ограничивается ли отличие акцентного хода циркумфлекса и акута ударными слогами или распространяется также и на неударные. Имеем ли мы, например, в последнем слоге родительного падежа ед. ч. *οἰκου* тот же восходяще-нисходящий ход, который мы находим в *ἀγαθῶν*? Античные авторы не оставили об этом никаких свидетельств. Двойные ноты, которые мы находим в Дельфийских гимнах на слогах этого рода, могли бы рассматриваться как довод в пользу наличия интонаций в неударных слогах. Однако материал слишком незначителен для окончательного суждения.⁶¹ Если бы интонационное противопоставление акутового и циркумфлексного хода действительно имело место в неударных слогах, то интонации эти были бы в греческом языке независимы от ударения и пришлось бы говорить о двух сериях долгих фонем в зависимости от их акутовой или циркумфлексной интонации. По всей вероятности, некогда так и было (см. гл. VII), но весьма возможно, что в греческом языке исторического времени эти интонации неударных гласных были уже утрачены. Ввиду неясности вопроса мы в дальнейшем изложении отвлечемся от возможности интонационных различий в неударных слогах и будем рассматривать акут и циркумфлекс только как виды ударения.

Акут на кратком одноморном слоге и акут на долгом, выдвигающий вторую мору двухморного слога, представляют собой явления с фонетической точки зрения различные, но античные теоретики вполне справедливо противопоставляли их циркумфлексу как два подвида одного и того же вида ударения. Акут принимает разные фонетические формы в зависимости от того, падает ли он на одноморный или двухморный гласный. Фонетически общим для обеих форм акута является то, что они не имеют „преломления“ внутри своего акцентного хода, что тон не понижается до самого конца звучания ударного гласного.

Возможность разных фонетических вариантов протекания тона внутри долгого гласного отражена, по-видимому, в уже упоминавшемся учении Главка Самосского о шести видах тона. Согласно Варрону, Главк различал три простых тона и три составных. Для обозначения этих тонов он в большинстве случаев употреблял своеобразные термины, которые дошли до нас в весьма искаженной латинской графике рукописей Псевдо-Сергия. Пять названий удалось восстановить: *ἀνεγμένῃ*, *μέσῃ*, *ἐπιτεταμένῃ*, *κεχλασμένῃ*, *ἀντανακλησμένῃ*.⁶² Шестое

утрачено, но, может быть, от него сохранилась начальная буква С, присоединенная к имени предыдущего тона. Названия для простых тонов ясны. Перфектные причастия ἀνεῖμένῃ и ἐπιτεταμένῃ соответствуют гравису и акуту в силу известного уже нам (стр. 40—41) употребления глагола ἀνίστασθαι для понижения тона, а ἐπιτείνεισθαι для его повышения. С термином μέσῃ как обозначением „среднего“ тона мы тоже уже знакомы. Из терминологии составных тонов в других источниках встречается только κελασμένῃ для циркумфлекса.⁶³ О том, какое тональное движение имел в виду Главк, употребляя термин ἀντανακλωμένῃ и еще какой-то другой, несохранившийся, возможны только догадки, — примеров Псевдо-Сергий не дает.⁶⁴ Прав, вероятно, Ф. Е. Корш, который считал, что ἀντανακλωμένῃ обозначает акут на долгом гласном с выдвиганием второй моры.⁶⁵ В таком случае было бы вполне естественно, если бы третий несохранившийся термин для составного тона обозначал соответствующий вариант грависа двухморного гласного. Предлагавшемуся восстановлению κατὰ κλωμένῃ легко можно придать этот смысл — ‘перелом тона с понижением’.⁶⁶ Но конечно все это остается весьма предположительным.

Как и μέσῃ среди простых тонов, так и те тоны, для которых создал свои новые обозначения Главк из Самоса, представляют собой лишь фонетические варианты уже известных нам тонов. Чего-либо фонологически значимого добавления Главка не содержат. Существенным является отличие акута от циркумфлекса, но это отличие вида ударения сводится к отличию места — первая или вторая мора долгого гласного, или к отличию количества — двухморный и одноморный гласный. С фонологической точки зрения можно признать правильным мнение Афинодора, что существуют лишь две просодии — высокая и низкая, т. е. две ступени тона, а все прочее является лишь их комбинациями.

ГЛАВА III

МЕСТО УДАРЕНИЯ

Поскольку фонологическое различие видов греческого ударения является, как мы видели, функцией от его места и зависит от того, какое положение занимает в слове ударная мора, вопрос о месте ударения становится важнейшим пунктом всей греческой фонологической системы. Вопрос этот тем более значителен, что он тесно связан также с смысловозначительными и грамматическими функциями ударения. Акцентологическая теория различает языки со связанным ударением и с ударением свободным.¹ В первом случае ударение фиксировано на некоем постоянном месте внутри слова, определяемом положением слога или моры в структуре слова. В армянском языке оно стоит на последнем слоге, в польском — на предпоследнем, в чешском — на первом слоге; латинское ударение падает на гласную мору, предшествующую той море (гласной или согласной), которая находится перед конечным слогом.² Свободное ударение мы находим, например, в русском языке. Разница между этими двумя акцентологическими языковыми типами определяет и различную роль ударения в языковой системе. Связанное ударение не может служить ни для каких смысловых различий. Оно полностью зависит от фонетической структуры слова, и не может быть двух слов или двух форм, которые отличаются друг от друга только местом ударения. Если мы в латинском языке находим *pervēnit* и *pervēnit*, то фонетическое противопоставление основано здесь на отличии долгого *ē* от краткого *e*, которое и несет на себе смысловозначительную нагрузку, а разница в ударении присоединяется к этому как добавочное отличие, полностью механизированное и лишенное самостоятельного значения. Связанное ударение не фонологично и не грамматично. Оно не может быть использовано для характеристики каких-нибудь грамматических категорий. Это не значит, впрочем, что связанное ударение лишено всяких функций. Оно

организует слово, сообщает ему фонологическую вершину (кульминативная функция), указывает на его пределы в звуковом потоке, на его начало, его конец (демаркативная, словоразграничительная функция).³ Однако функции эти ограничены. Иначе в языках со свободным ударением. Здесь оно может служить также и для различения слов, для характеристики их морфологического состава, словообразовательных моделей, форм словоизменения, синтаксических сочетаний. Возможен, наконец, и смешанный случай языка с ограниченно-свободным ударением, с ударением, которое может находиться на разных местах, но на протяжении не всего слова, а лишь некоторой его части. Такого рода ударение способно получить все функции свободного, но в более ограниченных размерах, будучи стеснено условиями неполного охвата состава слова.

В смысле своей принадлежности к тому или иному из указанных нами акцентологических языковых типов греческий язык не представляет собой единого целого, поскольку его диалекты в этом отношении неоднородны. Так, совершенно особняком стоит эолийский диалект, имеющий связанное нефонологическое ударение. Ионийско-аттический диалект и основанный на нем литературный греческий язык принадлежат к типу языков с ограниченно-свободным ударением. Сюда же относится и дорийский диалект, но его акцентологические соотношения хуже известны. Будет наиболее целесообразным начать наше изложение с ионийско-аттического диалекта по трем основаниям: 1) в силу его свободного характера он вполне пригоден для показа функций ударения в греческом языке; 2) как основа литературного языка и будущего единства *κοινὴ* он имеет наибольшее историческое значение, и позднейшая трансформация греческой акцентологической системы совершалась в его недрах; 3) это единственный диалект, акцентная система которого известна нам в полной мере.

Основные, элементарнейшие наблюдения над местом ударения были сделаны античными грамматиками, которые разделили слова греческого языка на пять акцентных типов, комбинируя при этом признак вида ударения (острое и обличенное) с местом ударного слога в слове. Классификация эта, вместе с соответствующей терминологией, по традиции сохраняется и в современных изложениях системы греческого ударения.

Согласно этому учению слова с острым ударением делятся на:

1) окситоны (*ὀξύτονα*) — слова с острым ударением на последнем слоге: *ἀγαθός*, *Παρθενών*;

2) парокситоны (παροξύτονα) — слова с острым ударением на предпоследнем слоге: εὐδαίμων, ἀμέλει, μεγάλη;

3) пропарокситоны (προπαροξύτονα) — слова с острым ударением на слоге, предшествующем предпоследнему: ἄνθρωπος, πόλεμος, σφώτατα.

Слова с облененным ударением, в свою очередь, разделяются на:

1) периспомены (περισπόμενα) — слова с облененным ударением на последнем слоге: ἀδεῶς;

2) пропериспомены (προπερισπόμενα) — слова с облененным ударением на предпоследнем слоге: Ἐθνηαῖος.⁴

Эту элементарную классификацию, а тем более терминологию можно в определенных целях сохранить, памятуя, однако, что простая констатация ударного слога и вида ударения одинаково недостаточна и с фонологической, и с грамматической точки зрения. Грамматическую недостаточность традиционной классификации мы рассмотрим в главе о грамматической функции греческого ударения, а здесь ограничимся фонологической стороной вопроса.

Дело в том, что в отношении законов, регулирующих место ударения в слове, традиционная теория, исходящая из античной классификации, располагает только рядом разрозненных наблюдений, не сведенных в единое целое.

Приведем эти правила в формулировке С. И. Соболевского:⁵

Острое ударение может стоять только на одном из трех последних слогов.

Облененное ударение может стоять только на одном из двух последних слогов.

Острое ударение может стоять на третьем от конца слоге лишь тогда, когда последний слог краток.

Облененное ударение может стоять на втором от конца слоге (т. е. на предпоследнем слоге) лишь тогда, когда последний слог краток.

Острое ударение не может стоять на предпоследнем слоге, если он долгот по природе, в то время как последний слог краток. В этом случае на предпоследнем слоге должно стоять облененное ударение.

В рамках традиционного учения о греческом ударении эти правила совершенно самостоятельны, одно к другому не сводимы. Если бы о закономерностях, регулирующих место греческого ударения, можно было бы сказать только это, пришлось бы признать, что в греческом языке нет системы ударения, а имеется хаотический конгломерат „правил“, несравненно более сложных, чем в прочих индоевропейских языках.

Ясно, что установленные древними грамматиками пять типов ударения выбраны неудачно в качестве единиц для сопоставления. Действительно, они не могут быть целесообразно противопоставлены друг другу, поскольку в их основе не лежат дистинктивные смысловозначительные признаки, способные дифференцировать типы ударения при прочих равных условиях. Какой смысл выставлять в единый ряд периспомены и пропарокситоны, когда периспомены требуют долготы последнего гласного, пропарокситоны эту долготу исключают? Легко показать, что в греческом слове могут быть противопоставлены друг другу только три места ударения, а отнюдь не пять.

Однако предварительно необходимо еще ввести некоторую поправку в традиционные правила. Согласно этим правилам, обремененное ударение на долгом гласном предпоследнего слога не допускается в случае долготы последнего слога. Однако античная традиция сообщает об ударениях типа $\chi\eta\rho\upsilon\zeta$, $\lambda\alpha\iota\lambda\alpha\phi$, где последний слог явно долог, даже согласно традиционным формулировкам долготы слога (за гласным следуют два согласных). Что последний слог в словах типа $\chi\eta\rho\upsilon\zeta$ долог, с несомненностью вытекает из трактовки их в стихе. Гомеровские стихи

$\chi\eta\rho\upsilon\zeta$ Εὐροβάτης Ἰθακήσιος, ὅς οἱ ὀπῆδει
B 184

$\chi\alpha\iota$ μὲν οἱ $\chi\eta\rho\upsilon\zeta$ ὀλίγον προγενέστερος αὐτοῦ,
τ 244

где слово, следующее за $\chi\eta\rho\upsilon\zeta$, начинается с гласного, в этом отношении достаточно показательны. Нечего говорить о том, что в словах на $-\gamma\acute{\epsilon}$ типа $\sigma\ddot{\upsilon}\rho\iota\gamma\acute{\epsilon}$, $\mu\eta\nu\iota\gamma\acute{\epsilon}$, оканчивающихся на группу из трех согласных, конечный слог долог. Для ударения существенна количественная характеристика не конечного слога, а конечного гласного, который в этих случаях краток. Греческий язык проводит различие между гласными и согласными морями, не считаясь с последними при фиксации границ ударения. Мы видели (стр. 5), что с точки зрения ритмики слогов все долгие слоги, как долгие „по природе“, так и долгие „по положению“, равнозначны; для акцентологии они глубоко отличны. В греческом слове — две автономные ритмические структуры: одна — ритмико-силлабическая, основанная на чередовании долгих и кратких слогов, применяющаяся в стихосложении и в организации ритмической прозы, другая — ритмико-вокалическая, основанная на чередовании долгих и кратких гласных. Эта последняя структура служит основой для тонального движения слова и установления гра-

ниц ударения. При эминентно-музыкальном характере греческого ударения вполне естественно, что в его организации согласные моры не принимают участия, а существенны только вокалические соотношения.⁶

Установив этот принцип, мы можем вернуться к вопросу о противопоставлении ударения в греческих словах различной ритмико-вокалической структуры.

Рассмотрим в первую очередь слова с долгим гласным в последнем слоге. Такие слова могут иметь, во-первых, ударение на второй море этого долгого гласного, т. е. острое ударение — $\acute{\alpha}\gamma\omega\nu$ 'состояние', во-вторых, ударение на первой море этого же долгого гласного, т. е. обложенное ударение — $\acute{\alpha}\gamma\omega\nu$ (родительный падеж мн. ч. от $\acute{\alpha}\gamma\acute{o}\varsigma$ 'военачальник'), и, в-третьих, ударение, обязательно острое, на гласном предпоследнего слога — $\acute{\alpha}\gamma\omega\nu$ (именительный падеж ед. ч. причастия настоящего времени от глагола $\acute{\alpha}\gamma\omega$ 'вести'). Мы взяли двусложное слово, но, поскольку при долготе последнего гласного ударение на третьем от конца слоге недопустимо, типологические возможности противопоставления ударений в словах с долгим последним гласным уже исчерпаны. Противопоставления эти могут быть обобщены в формуле

$$(I) \dots \overset{3}{\times} \overset{2}{\cup} \overset{1}{\cup},$$

где ударение 1 — острое, ударение 2 — обложенное, ударение 3 — острое ($\times$ обозначает слог, независимо от его долготы или краткости, дуги над знаком долготы — первую и вторую моры долгого гласного).

Если последний гласный краток, надо рассмотреть две возможности. Допустим сперва, что предпоследний тоже краток. Ударение возможно либо на последнем гласном (всегда острое, поскольку гласный краток), либо на предпоследнем (всегда острое по той же причине), либо на третьем от конца (тоже обязательно острое). Отсюда вытекает формула

$$(II) \dots \overset{3}{\times} \overset{2}{\cup} \overset{1}{\cup},$$

где все ударения острые. Ср. противопоставления $\acute{\alpha}\gamma\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$ — $\pi\alpha\gamma\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$, $\theta\eta\rho\tau\rho\acute{o}\phi\acute{o}\varsigma$ — $\theta\eta\rho\acute{o}\tau\rho\phi\acute{o}\varsigma$, $\tau\acute{o}\mu\acute{o}\varsigma$ — $\tau\acute{o}\mu\acute{o}\varsigma$.

Когда при последнем кратком гласном предпоследний долг, опять возможны только три места ударения — на последнем кратком (всегда острое) — $\acute{\alpha}\rho\upsilon\epsilon\acute{i}\acute{o}\varsigma$ 'баран', на предпоследнем долгом (всегда обложенное, т. е. на первой море) — $\acute{\alpha}\rho\upsilon\epsilon\acute{i}\acute{o}\varsigma$ (название месяца) и на третьем от конца слоге (всегда острое) — $\acute{\alpha}\rho\upsilon\epsilon\acute{i}\acute{o}\varsigma$ 'бараний'.

В формуле

$$(III) \dots \times \underbrace{\quad}_2 \underbrace{\quad}_1$$

ударение 1 — острое, ударение 2 — обличенное, ударение 3 — острое.

Этими тремя формулами

$$(I) \dots \times \underbrace{\quad}_2 \underbrace{\quad}_1,$$

$$(II) \dots \times \underbrace{\quad}_2 \underbrace{\quad}_1,$$

$$(III) \dots \times \underbrace{\quad}_2 \underbrace{\quad}_1$$

исчерпываются возможности акцентологических противопоставлений для всех типов ритмической структуры греческого слова.

Таким образом, в греческом слове бывают противопоставлены друг другу только три места ударения. Что эти места во всех трех ритмических типах, обобщенных в наших формулах (I), (II), (III), взаимно связаны и составляют единую систему, видно уже из непосредственного сопоставления этих формул. Формула (II) отличается от (I) только тем, что долгий гласный формулы (I) распущен на два кратких; а если в формуле (III) мы находим долгий гласный в отличие от краткого формулы (II), то в этом долгом гласном акцентно значима только одна первая мора, а вторая мора для ударения омертвлена. Очевидно, перед нами единая система трех мест греческого ударения, только дающая разные варианты в зависимости от ритмической структуры слова. Задача в том, чтобы найти для этих трех мест обобщенную формулировку.

Усилия исследователей, стремившихся найти единый закон греческого ударения, до недавнего времени оставались безрезультатными. Между учеными даже не было согласия в определении основного принципа, которым пользуется греческий язык для фиксации возможных границ ударения. Очень часто, например, говорили о „законе трех слогов“ в греческой акцентологии. Этот ученый термин ничего не прибавляет к известному с античных времен факту, что греческое ударение не отходит дальше третьего от конца слога. Поскольку специфические закономерности греческого ударения связаны с краткостью или долготой гласных, совершенно очевидно, что слоговой принцип недостаточен для греческой акцентологии и что нужно оперировать морями. В результате на смену „закону трех слогов“ явился „закон трех мор“, со-

гласно которому греческое ударение возможно на одной из трех последних мор слова. Это совершенно правильно для ритмико-вокалических типов, обозначенных нами (I), (II), и хорошо объясняет, почему при долготе последнего гласного (. . . ×) ударение не может отойти от конца далее, чем на предпоследний слог, и должно быть на этом слоге острым, но для типа (III) этот „закон“ оказывается ложным, так как ударение там возможно на четвертой море от конца слова (. . . ×).⁷ Обе предложенные теории оказались, таким образом, недостаточными, и Э. Герман в 1923 г. приходил к выводу, что греческое ударение можно объяснить только как исторический результат трех одновременных наслоений: после периода, когда действовал закон трех слогов, наступило время действия закона трех мор, а к еще более позднему времени относится возникновение обязательного обремененного ударения на предпоследнем ударном долгом гласном при краткости последнего гласного. Наличие какой-либо синхронной системы греческого ударения тем самым заранее отвергалось.

Греческое ударение сосредоточено в конечной части слова. Ареал его распространения, который мы будем называть зоной ударности, определяется установленными на стр. 50 тремя формулами:

$$\begin{array}{l} \text{(I)} \quad . . . \times \left| \begin{array}{c} 3 \\ \hline 2 \quad 1 \end{array} \right. \text{,} \\ \text{(II)} \quad . . . \times \left| \begin{array}{c} 3 \\ \hline 2 \quad 1 \end{array} \right. \text{,} \\ \text{(III)} \quad . . . \times \left| \begin{array}{c} 3 \\ \hline 2 \quad 1 \end{array} \right. \text{.} \end{array}$$

Обобщить эти формулы впервые удалось Р. О. Якобсону в упомянутой уже нами⁸ статье 1937 г. „Из проблем древнегреческой просодии“. Как показал этот исследователь, недостаточность прежних теорий состояла в одностороннем пользовании только одним принципом отсчета — слоговым или морным, в то время как греческая акцентология в действительности пользуется комбинированным отсчетом и мор, и слогов. Якобсон обратил внимание на то, что „гласные моря, находящиеся между ударной морой и конечной гласной морой слова, не могут принадлежать двум разным слогам“.⁹ В теории трех мор третья мора от конца слова, т. е. мора, которая предшествует предпоследней море слова, рассматривалась как крайняя граница зоны ударности, и это было неприменимо к типу (III). Для того чтобы устранить эту трудность, надо несколько изменить формулировку и говорить не о море, которая предшествует предпоследней море слова,

а о море, которая предшествует слогу, содержащему предпоследнюю мору слова. С такой поправкой все три типа соотношения ударений в греческом слове могут быть обобщены в единой формуле. Рассмотрим сперва границы зоны ударности, а затем распределение ударений внутри этих границ.

Крайней границей зоны ударности греческого слова является гласная мора, непосредственно предшествующая слогу, содержащему предпоследнюю гласную мору слова.

Из этого закона о зоне ударности вытекают все прочие частные законы, касающиеся границ ударного слога или моры. Так, предпоследняя гласная мора слова может содержаться либо в последнем слоге слова, если его гласный двухморный, т. е. долгий, либо в предпоследнем слоге, когда гласный последнего слога одноморный, т. е. краткий; стало быть, гласная мора, непосредственно предшествующая слогу, содержащему предпоследнюю гласную мору слова, находится в предпоследнем слоге при долготе последнего гласного и в третьем слоге от конца при краткости этого гласного. Греческое ударение не отходит далее третьего слога от конца при последнем кратком гласном и далее предпоследнего слога при последнем долгом гласном.

Гласная мора, непосредственно предшествующая некоему слогу, в свою очередь, принадлежит либо одноморному (краткому) гласному, либо двухморному (долгому), являясь его второй морой. В обоих случаях она может быть носительницей только острого ударения. На крайней границе зоны ударности, т. е. на третьем слоге от конца, или в случае долготы последнего гласного — на предпоследнем слоге, ударение может быть осуществлено только акутом. Облеченное ударение здесь невозможно, так как оно падало бы на первую мору двухморного гласного и тогда ударная мора не предшествовала бы непосредственно слогу, содержащему предпоследнюю гласную мору слова.

Ввиду некоторой громоздкости этих формулировок („гласная мора, непосредственно предшествующая слогу, содержащему предпоследнюю мору слова“) введем вспомогательные термины, позволяющие устранить эту громоздкость.

Будем называть, следуя при этом Куриловичу,¹⁰ конечным ансамблем греческого слова отрезок слова от начала слога, содержащего предпоследнюю гласную мору слова, до конца слова. В зависимости от ритмико-вокалической структуры слова конечный ансамбль может принять тройкую форму:

 как в формуле (I),

∪∪ как в формуле (II),

∪∪∪ как в формуле (III).

Слогораздел, отделяющий конечный ансамбль от предшествующей части слова, мы будем называть границей конечного ансамбля. В формулах (I), (II), (III) (стр. 51) граница эта отмечена пунктиром.

Теперь мы можем формулировать основной закон ударения в ионийско-аттическом диалекте.

Греческое слово ионийско-аттического диалекта допускает три места ударения: 1) на последней гласной море слова, 2) на начальной море конечного ансамбля, 3) на гласной море, непосредственно предшествующей конечному ансамблю.

Ἐχθράς (-ας, винительный падеж мн. ч. ж. р. от прилагательного ἐχθρός) — ἐχθράς (-ας, родительный падеж ед. ч. ж. р. от того же прилагательного) — ἔχθρας (родительный падеж ед. ч. или винительный падеж мн. ч. от существительного ἔχθρα).¹¹

Из этого единого закона могут быть выведены все те общие законы греческого ударения, которые традиционное акцентологическое учение давало в разрозненном виде (стр. 47), а также сформулированный нами закон о границах зоны ударности (стр. 52). К этому последнему закону, как мы уже видели, сводятся традиционные законы о границах ударного слога или моря. Из основного закона вытекает также, что на предпоследнем долгом гласном при краткости последнего (т. е. в случае конечного ансамбля ∪∪∪) допускается только обремененное ударение — на первой море конечного ансамбля. В этом случае, когда конечный ансамбль является трехморным, ударение возможно только на его первой море или на его последней море, которая представляет собой вместе с тем последнюю мору слова. Срединная мора такого ансамбля, с акцентной точки зрения, мертва, и акут на таком долгом гласном невозможен.

Таким образом, с точки зрения распределения ударений внутри зоны ударности, можно различать три типа ударения.

К первому принадлежат слова с конечным ударением, падающим на последнюю мору слова — ἀγᾶθος, οἰκιστής. Это те слова, которые в традиционной терминологии назывались окситонными. Для них характерно, что они знают лишь восходящее тональное движение.

Словам восходящей тональности противостоят два других типа, в которых за восходящей линией к ударению, вершине слова, следует нисходящая.

Второй тип — это слова с центральным ударением, в центре зоны ударности, на первой мере конечного ансамбля. В зависимости от структуры этого ансамбля (—, или ∪∪, или —∪) к этой категории будут принадлежать слова, отнесенные, с традиционной точки зрения, к периспоменам (. . . ∪) — ἀδεῶς, ἐαυτῶν, парокситонам при кратком гласном последнего слога (. . . ∪) — μεγάλη, παιδίον, и к пропериспоменам (. . . ∪∪) — ἀρχαῖος, ποιοῦσι.

Третий тип — слова с дальним ударением, на мере, непосредственно предшествующей конечному ансамблю. В случае односложного конечного ансамбля (—) это будут парокситоны при долготе последнего гласного (: . . ∪ — или . . . ∪ —) — μεγίστη, βεβαίως, а при двусложном конечном ансамбле (∪ или —∪) — пропарокситоны (. . . ∪∪, . . . ∪∪∪, . . . ∪ — ∪, . . . ∪ — ∪) — πόλεμος, σοφώτατος, ἀνθρώπος, κίνησις.

Таким образом, неокситонные слова (типы 2 и 3) имеют ударение на одной из гласных мер, непосредственно примыкающих к границе конечного ансамбля — либо справа, либо слева от этой границы. Слова, объем которых не превышает общегреческого конечного ансамбля, — будем называть их короткими словами, — если они содержат больше одной меры, допускают только оппозицию конечного (окситонного) ударения и начального ударения (на первой мере слова), в котором нейтрализовано противопоставление центрального и дальнего ударения: φῶς (∪) — φῶς (∪), τροχός (∪) — τροχός (∪), γλαυκός (∪∪) — Γλαῦκος (∪∪). Одномерные слова δός, ἐν с фонологической точки зрения ударения не имеют, хотя и могут произноситься с высоким или низким тоном в зависимости от фразовых условий.

Рассмотренными законами исчерпываются общие закономерности акцентологической системы словесного ударения в ионийско-аттическом диалекте, т. е. закономерности, не связанные с функционированием ударения как грамматического средства словообразования или словоизменения. Закономерности эти сохраняют свою силу в течение всего исторического периода.

Есть, однако, некоторые случаи, выпадающие из системы. Это связано с процессами, имевшими место сравнительно поздно, уже после фиксации акцентологической системы. Сюда относятся явления так называемой „количественной метатезы“ (metathesis quantitatis), характерной именно для

ионийско-аттического диалекта. Группа „долгий гласный + краткий“ > „краткий + долгий“, например -γρ- > -εω- : Ἀχιλλῆος > Ἀχιλλέως. Если при этом ударение находилось на третьем слоге от конца, его положение оказывалось уже за пределами зоны ударности при возникшей теперь долготе последнего гласного; тем не менее ударение не меняло своего места, и система тем самым нарушалась: ἱλγος > ἱλεως. Этим путем создавался новый тип двусложной конечной группы с долготой последнего гласного (—). Появление конечной группы такого типа создало почву для распространения пропарокситонного ударения на слова с последним долгим гласным. Это мы находим в составных словах типа δύσ-ερως, φιλό-γελως и даже βαθύ-γγρως (с конечной группой —). Однако таких слов очень немного.

В связи с этим нам необходимо коснуться неясного вопроса о характере конечных дифтонгов -οι и -αι, которые в опативе глагола и в заставших локативных именных образованиях рассматриваются с акцентологической точки зрения как двухморные, а в других случаях как одноморные: οἶκοι (‘дома’, заставший местный падеж) и οἴκοι (‘домá’, именительный падеж мн. ч.), εἶπαι, παιδεύσαι (опатив аориста) и εἶπαι, παίδευσαι (повелительное наклонение аориста). Что дифтонги эти — разной природы, ясно видно из случаев, когда на них падает ударение. Локативные образования (тип οἶκοι) имеют тогда обложенное ударение — Ἰσθμοῖ, а номинативные (типы οἴκοι, δίκαιαι) острое — ἀγαθοί, ἀγαθαί; опативному εἶποι (< *εἶποιτ) соответствует окончание лит. *tesukiē* (3 л. мн. ч. повелительного наклонения). Согласно объяснению Ф. Е. Корша,¹² в этом последнем случае второй элемент дифтонга перешел в согласный j и „дифтонг“ равносильным конечным слогам типа -ος, -ον и т. д., имеющим краткую гласную мору.¹³ Группы -οι и -οj, равно как и -αι и -aj, имели в дальнейшем развитии греческого языка одинаковую судьбу, монофтонгизировавшись в ι и ε. Корш считал, что эти процессы монофтонгизации происходили параллельно для дифтонгических сочетаний и сочетаний гласного с j и что в историческое время различие в произношении между этими конечными группами сохранялось. Возможно однако, что рассматриваемая разница в произношении относится к более раннему времени, а в историческое время -οι и -οj, -αι и -aj сошлись воедино. При этом последнем предположении сохранение разницы в ударении является пережитком прошлого, нарушающим историческую акцентную систему.

В заключение необходимо остановиться еще на вопросе о фонологической значимости различных видов противо-

поставления места ударения. Как мы видели, место ударения определяется местом гласной моры, являющейся носительницей ударения. Противопоставляемые моры могут при этом принадлежать разным слогам или одному слогу; в последнем случае будет противопоставление обложенного и острого ударения одного слога. Различия, связанные с местом ударного слога в слове, играют значительную роль в дифференциации слов и форм: $\tau\acute{o}\mu\omicron\varsigma$ — $\tau\acute{o}\mu\omicron\varsigma$, $\theta\eta\rho\omicron\tau\rho\acute{o}\phi\omicron\varsigma$ — $\theta\eta\rho\acute{o}\tau\rho\omicron\phi\omicron\varsigma$, $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\upsilon\sigma\alpha\iota$ — $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\upsilon\sigma\alpha\iota$. Что же касается острого и обложенного ударений долгого гласного, то они оказываются противопоставленными друг другу только в последнем слоге: $\phi\acute{\omega}\varsigma$ — $\phi\bar{\omega}\varsigma$, $\phi\omicron\beta\epsilon\rho\acute{\alpha}\varsigma$ — $\phi\omicron\beta\epsilon\rho\bar{\alpha}\varsigma$. Действительно, на предпоследнем слоге соотношение острого и обложенного ударения механически урегулировано: при долготе последнего гласного допускается лишь акут — $\acute{\epsilon}\pi\omicron\iota\epsilon\iota\tau\eta\nu$, при краткости последнего гласного лишь циркумфлекс — $\acute{\epsilon}\pi\omicron\iota\epsilon\iota\tau\omicron\nu$, и смысловая различительная функция здесь невозможна; на третьем слоге от конца возможен лишь акут, и противопоставление острого и обложенного ударения нейтрализовано.

МОДИФИКАЦИЯ УДАРЕНИЯ ВО ФРАЗОВЫХ УСЛОВИЯХ

Изучение фразового ударения в таком языке, как древнегреческий, представляет значительные трудности. В письме оно если и отмечалось, — а мы увидим, что в некоторых случаях это имело место, — то отмечалось очень редко. Поскольку внимание грамматиков и их нормирующая деятельность почти никогда не выходили за пределы письменно обозначаемого, вопросы фразового ударения их мало интересовали. Таким образом, оба важнейших источника нашей акцентологической осведомленности почти иссякают для вопросов фразовой интонации. Очень возможно при этом, что в синтаксической фонологии играл известную роль динамический момент, вообще не отмечаемый нашими источниками.

Музыкальный характер греческого ударения ставил известные грани возможности использования тонального движения в синтаксической функции. То обилие частиц, которое характерно для греческого языка, особенно на более древнем, „гомеровском“ этапе его развития, связано, по всей вероятности, именно с этим обстоятельством. Там, где современные европейские языки располагают многочисленными средствами варьировать мелодику речи, древнегреческий язык, стесненный фонологизированной тональностью своего словесного ударения, особенно в условиях монотонно-речитативного исполнения эпических песен, вынужден был прибегать к служебным словам, усиливавшим, подчеркивавшим или связывавшим те или иные элементы предложения.

Не следует, однако, думать, что музыкальное словесное ударение полностью исключает синтаксическую мелодику. Не говоря уже о наблюдениях над живыми языками, например над японским,¹ даже те немногочисленные материалы, которые имеются в нашем распоряжении относительно древнегреческого языка, позволяют утверждать обратное. Мы знаем, например, что вопросительное местоимение *tis* никогда не

теряло во фразовых условиях своего акута в отличие от омонимного неопределенного местоимения и что этот акут, стало быть, являлся выразителем вопросительной интонации.²

Все же характер источников не дает возможности скольконбудь подробно рассматривать вопросы фразовой интонации, и мы вынуждены ограничиться более частной проблемой, для которой сведения текут сравнительно обильно, — проблемой модификации словесного ударения во фразовых условиях.

БЕЗУДАРНЫЕ СЛОВА

Ряд слов, обычно малого размера (односложные или двухсложные), большей частью служебного характера, не являются в предложении носителями самостоятельного ударения и примыкают к соседнему акцентуационно полноценному слову, составляя с ним акцентуационное единство. Если это полноценное слово, называемое ортотоническим, следует за безударным, безударное именуется проклитическим; когда ортотоническое слово предшествует, безударное называется энклитическим. Соединение безударного с ортотоническим соответственно образует проклитическую или энклитическую группу.

Проклитики

В элементарных учебниках насчитывается одиннадцать проклитических форм.³ Это: 4 формы артикля — δ , η , α , α ; предлоги — ϵ х (ϵ ξ), ϵ ν (ϵ ιν), ϵ ς (ϵ ις), ω ς; союзы — ϵ ι, ω ς; отрицание — $\o$ υ ($\o$ υκ, $\o$ υχ).

Все это — односложные слова, начинающиеся с гласного звука.

Античная грамматическая теория проклитик не выделяла. Согласно Геродиану, упомянутые нами слова имеют акут.⁴ При тенденции античных грамматиков нормировать ударение для изолированного слова вне фразовых условий такие указания представляются совершенно естественными. Античная теория не могла пройти мимо энклитических групп, поскольку в них часто возникало добавочное ударение на ортотоническом слове.⁵ Проклитические группы, где ударение ортотонических слов оставалось неизменным, не вызывали к себе внимания, и античные грамматики никогда не упоминают о том, что во фразовых условиях проклитики теряют свое ударение.

Одиннадцать форм, отмечаемых в элементарных учебниках, выделены были (ср. стр. 18) на основании установившейся в византийском письме традиции оставлять эти формы без знака ударения. Традиция писцов разошлась в этом слу-

чае с правилами грамматиков. Такое отклонение от обычной нормы объясняется, вероятно, тем, что постановка двух знаков — знака придыхания и рядом знака ударения (по византийским правилам это тупое ударение, *gravis*) — на одном гласном замедляло письмо. В некоторых случаях написание слова без знака ударения позволяло провести или усилить графическую дифференциацию между служебным проклитическим словом и ортотоническим омонимом: артикль и формы местоимения $\delta\varsigma$, $\tilde{\eta}$, $\tilde{\theta}$; $\epsilon\iota\varsigma$ и $\epsilon\tilde{\iota}\varsigma$ (причастие от $\epsilon\iota\rho\iota$), $\epsilon\tilde{\iota}\varsigma$ (2 л. ед. ч. от $\epsilon\iota\rho\iota$ и $\epsilon\iota\rho\iota$), $\epsilon\tilde{\iota}\varsigma$ (причастие от $\tilde{\epsilon}\eta\mu\iota$), $\epsilon\tilde{\iota}\varsigma$ (числительное) и т. д.; $\epsilon\nu$ и $\tilde{\epsilon}\nu$ (числительное); $\epsilon\iota$ и $\tilde{\epsilon}\iota$ (формы от $\epsilon\iota\rho\iota$ и $\epsilon\iota\rho\iota$, название буквы); $\acute{\omega}\varsigma$ и $\tilde{\acute{\omega}}\varsigma$, $\tilde{\acute{\omega}}\varsigma$ (наречия).⁶ Соображения графического удобства и графической дифференциации, очевидно, побудили писцов последовать в виде исключения за живой речью и не распространять на односложные проклитики с гласным началом принцип акцентуации каждого слова. Традиция писцов перешла также и в печатные издания греческих текстов. Термин „проклитики“ принадлежит Годфриду Герману, который первый обратил внимание на эту категорию безударных слов, как составляющих акцентуационное единство со следующим словом, в отличие от энклитик, примыкающих к предшествующему слову.⁷

Однако уже Г. Герман считался с тем, что число действительных проклитик должно было значительно превышать традиционные одиннадцать форм. Было бы действительно очень странно, если бы в именительном падеже единственного числа артикля формы мужского и женского рода представляли собой проклитики, а форма среднего рода $\tau\acute{o}$ была ортотонической, или если бы проклитическими были только формы односложных предлогов с гласным началом. Ряд соображений позволяет предполагать, что проклитическими были все формы артикля (в том числе и те, на которых мы ставим обличенное ударение), предлоги, не только односложные, но и двусложные, ряд союзов и частиц, как например $\acute{\alpha}\lambda\lambda\acute{\alpha}$, $\acute{\alpha}\tau\acute{\alpha}\rho$ ($\acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\alpha}\rho$), $\epsilon\pi\epsilon\iota$, $\tilde{\eta}$ ($\tilde{\eta}\acute{\epsilon}$), $\tilde{\eta}\delta\acute{\epsilon}$, $\tilde{\eta}\mu\acute{\epsilon}\nu$, $\kappa\alpha\iota$, $\omicron\upsilon\delta\acute{\epsilon}$, $\mu\tilde{\eta}\delta\acute{\epsilon}$, $\varphi\tilde{\eta}$.

На это указывают уже некоторые разрозненные свидетельства грамматиков. Так, Аполлоний Дискол (*De constructione*, IV, 3, р. 435, 11 сл.) отмечает, что в словах типа $\kappa\alpha\tau\alpha\rho\acute{\alpha}\phi\omega$, $\acute{\alpha}\rho\iota\kappa\omicron\upsilon$, $\kappa\alpha\tau\alpha\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma$ и т. п. ударение не позволяет различить, имеем ли мы дело с единым словом или с сочетанием двух слов. Ясно, что в этих случаях предлоги $\kappa\alpha\tau\alpha$ или $\acute{\alpha}\pi'$, даже будучи лексически самостоятельными словами, произносились без ударения как проклитики (р. 435, 11 сл.). В текстах, акцентированных по александрийской системе, односложные предлоги если и получают знак ударения, то

только гравис, обозначающий у александрийцев неударность слога.⁸ В письме при раздельном написании слов иногда бывает, что сочетание предлога с падежной формой пишется слитно.⁹ Однако случаи эти имеют изолированный характер и сами по себе были бы недостаточны для установления проклитического характера категории предлогов в целом.

Более доказательны метрические наблюдения. Для целого ряда античных стихотворных размеров характерно наличие так называемых зевгм, т. е. недопущение словораздела в определенном месте стиха. На проклитические слова запрет этот, конечно, не распространяется. Так, в гексаметре

— — — | — — — | — — — | — — — | — — — | — —

за редкими исключениями не допускается словораздел внутри двусложного понижения четвертой стопы (закон Германа).

Однако стихи типа E 414:

χουρίδιον ποθέουσα πόσιν, τὸν ἄριστον Ἀχαιῶν

вполне допустимы, ибо проклитическое τὸν составляет единую акцентуационную группу вместе с ортотоническим ἄριστον, и словораздела внутри этой группы в действительности нет.

С другой стороны, стихи типа A 53:

ἐννῆμαρ μὲν ἀνὰ στρατὸν ῥῆχτο κῆλα θεοῖο,

где цезура оказывается после предлога ἀνὰ, представляют собой весьма редкое явление, так как в нормальном произношении ἀνὰ στρατὸν — проклитическая группа и цезура внутри нее имеет искусственный характер.

Зевгмы ямбического trimetra комедии и трагедии подробно были исследованы С. И. Соболевским.¹⁰ В trimetre комедии не допускается словораздел внутри анапеста, употребленного вместо ямба; в трагедии, согласно так называемому закону Порсона, запрещается словораздел в пятой стопе, если она начинается с долгого понижения. Проклитическая группа во всех этих случаях вполне возможна, и это позволяет с большой точностью определить состав греческих проклитик.

С. И. Соболевский следующим образом формулирует итог своего исследования в части, касающейся проклитик: „Проклитиками были односложные и двусложные слова: все формы члена и ᾠ перед звательным падежом, предлоги, союзы сочинительные (кроме postpositiva) и подчинительные, местоимения и наречия вопросительные и относительные, мелкие наречия и частицы, особенно отрицания (не только οὐ, но и μή и сложные, как οὐδέ, οὐδέν), формулы клятв с Δία, разные слова, входящие в состав формул (типа νοῦν ἔχων, ἴδι δὴ по-

добно ἐπειδή), ἄγε σοὺ, личные и притяжательные местоимения (по крайней мере иногда); может быть, числительные имели наклонность к проклисии. . .

Личные местоимения в косвенных падежах единственного числа односложных форм (μοῦ, μοί, μέ, σοῦ, σοί, σέ), по-видимому, могли быть и проклитиками, и энклитиками, смотря по месту, занимаемому ими по отношению к слову, к которому они принадлежат по смыслу.

Кроме отдельных слов, были целые комплексы слов, объединенные ударением главного слова и составлявшие как бы одно большое слово".¹¹

Доказательством проклитического характера двусложных предлогов служит также и то явление, которое античные грамматики называли анастрофой (ἀναστροφή, anastrophe). Когда, в предложном сочетании с именами существительными, двусложные предлоги παρά, μετά и др. (но не ἀμφί и ἀντί) не находятся в позиции перед существительным, а стоят после него, они имеют ударение на первом слоге (θεῶν ἀπο). То же имеет место при самостоятельном употреблении этих слов в качестве сказуемого — παρά в значении πᾶρεστι, например в 16:

οὐ γάρ οἱ παρά νῆες ἐπήρατοι καὶ ἐταῖροι,

или в качестве обстоятельства (по античной терминологии tmesis, т. е. отрыв префикса от составного глагола, а в действительности еще неполное слияние префигируемого наречия с глаголом) — В 699:

τότε δ' ἤδη ἔχεν κάτω γαῖα μελαίνη.

Явление это уже давно было объяснено Бенфеем,¹² теория которого нашла поддержку у Ваккернагеля, несмотря на возражения Уилера и Постгейта.¹³ Сравнивая греческие предлоги с их древнеиндийскими соответствиями, Бенфей показал, что в ряде случаев анастрофическое ударение на первом слоге является исконным: греч. ἀπο — д.-и. ара, ἐπί — ари, περί — раги, ὑπο — ура. Ударение на первом слоге греческие слова сохранили в тех случаях, когда они продолжали употребляться в качестве наречий. Становясь предлогами, они переходили в категорию проклитик и теряли свое ударение на первом слоге. Это соотношение между парокситонностью самостоятельного постпозитивного слова и проклитичностью препозитивного служебного было перенесено по аналогии и на другие двусложные и вместе с тем двухморные предложно-наречные образования: κάτω, παρά, ὑπερ и т. д.¹⁴ Ἀμφί имело ударение на последнем слоге, ср. д.-и. abhí, чем и объяс-

няется отсутствие анастрофы для этого предлога в грамматической традиции.¹⁵

Сходные явления мы наблюдаем в союзах и частицах. Противительный союз ἄλλα есть не что иное, как ставшая проклитической окаменелая форма среднего рода множественного числа ἄλλα; таким же путем образовано ἰδοῦ от повелительного наклонения ἰδοῦ.

Из явления анастрофы Бенфей и Ваккернагель сделали вывод, что окситонных форм двусложных предлогов типа ἀπό, περί, как их приводят грамматики, в действительности вовсе не существует. Ударенным ἀπο, περί противостоят лишь безударные проклитические ἀπο (ἀπό), περί (περί), у которых знак грависа перед следующим словом свидетельствует только об отсутствии ударения. Однако ссылка на гравис над последним слогом не доказательна, так как этот знак стал здесь применяться только в византийской акцентуационной системе. В более ранних папирусах, если на препозитивном, т. е. проклитическом двусложном, предлоге вообще ставится ударение, то обычно в виде грависа на первом слоге, как в окситонных словах.

Античная традиция о месте и характере ударения в слове всегда исходит из предположения, что слово ортотонично. Для определения места и характера тона в проклитике надо ее поставить в такие фразовые условия, чтобы она оторвалась от последующего слова и стала акцентно самостоятельной. В проклитической группе типа περί καλοῦ (= περικαλοῦ), где предлог несомненно проклитичен, слоги πε-ρι-, относящиеся к той части слова, которая предшествует ударному слогу, должны составлять тонально восходящую группу. О тональном движении внутри слова у нас, правда, нет прямых сведений, но нотные тексты показывают, что предударные слоги обычно дают картину неубывающей и притом чаще всего возрастающей тональности. Слог -ρι поэтому должен произноситься на более высоком тоне, чем слог πε-. Возьмем теперь группу типа περί δικαιοσύνης, где группа слогов, предшествующая ударному слогу, слишком велика и неизбежно должна распасться на части. Естественно думать, что в этих условиях περί либо оторвется полностью от δικαιοσύνης, либо получит добавочное ударение внутри проклитической группы. И в том, и в другом случае περί окажется окситонным. Окситонность, таким образом, есть фразовый вариант проклитичности. Именно из этого фразового варианта исходили античные грамматики, когда определяли двусложные предлоги как окситонные. Сточки зрения системы греческого языка исторической эпохи грамматики были совершенно правы, считая ударение постпози-

тивных предлогов „анастрофическим“. В греческом языке этого времени наречию *πέρι* ‘чрезвычайно’¹⁶ и постпозитивному предлогу *πέρι* (γῆς *πέρι*) с парокситонным ударением противостоит безударность препозитивного предлога *πери* с ортотоническим вариантом *περί*.

Проклитический характер предлогов и союзов обнаруживается также в акцентуационной трактовке их при редукции конечного гласного. Ортотоническое окситонное слово в случае редукции не теряет ударения, а переносит его на предшествующий слог: *πόλλ’ ἔπαθον* вместо *πολλά*. Между тем в таких словах, как *παρά*, *ἀλλά*, этого не происходит, и они трактуются как безударные: *παρ’ ἐμοῦ*, *ἀλλ’ ἐγώ*.

Добавочным подтверждением проклитичности предлогов и союзов являются акцентные соотношения в эолийском диалекте. Особенность этого диалекта — „баритонеса“, отведение ударения ортотонических слов на наиболее дальнее место, допустимое по общим законам греческого ударения: *σέφος* вместо *σοφός*, *δύνατος* вместо *δυνατός* и т. д. (ср. стр. 96 и сл.). Между тем грамматики прямо указывают, что на предлоги и союзы эолийская „баритонеса“ не распространяется.¹⁷ Происходит это явно потому, что дело идет не о действительно окситонных, а о безударных словах, которые лишь в определенных фразовых условиях приобретают конечное ударение.

Условиями, в которых проклитика становится ортотонической, являются полсжение в паузе, например у Эсхила (Pers. 102) — *συνβαίνει γάρ οὐ τὰ μὲν, τὰ δ’ οὐ*, или перед энклитикой — *κατά τινος*.

При соединении двух проклитик в одно слово возникает составная проклитика, которая, становясь по каким-либо условиям ортотонической, имеет, как простая проклитика, окситонное ударение — *ἀποπρό*, *πριπρό* и т. п.; в некоторых случаях, однако, возникали колебания: *παρέξ* и *πάρεξ*.

Энклитики

Гораздо лучше разработано в античной грамматической традиции учение об энклитиках. Система обозначений ударения в энклитических группах восходит уже к Аристарху,¹⁸ однако систематизация энклитик установилась позже, во времена Аполлония и Геродиана. К энклитикам грамматики относят слова следующих четырех категорий.

1. Ряд частиц: *γε*,¹⁹ *τε*, *τοι*, *νυ(ν)* — в отличие от наречия *νῦν* ‘теперь’ — *θυ(ν)*, *κε(ν)*. *ῥα*, *περ*. Некоторые источники присоединяют сюда частицы *μέν*, *δέ*, *γ.ρ*, *μάλα*, *οὖν*, которые в современных изданиях, как правило, ортотонируются. Наблюдения

С. И. Соболевского подтверждают это указание. „Энклитиками были, — пишет С. И. Соболевский,²⁰ — кроме традиционных, вообще все частицы и союзы, ставящиеся после слова, как $\mu\acute{\epsilon}\nu$, $\delta\acute{\epsilon}$, $\gamma\acute{\alpha}\rho$, $\delta\acute{\eta}$, $\omicron\upsilon\upsilon$, $\alpha\upsilon$ “. К этой же категории относятся пишущиеся обычно слитно с предшествующим словом $-\upsilon\epsilon$, $-\delta\epsilon$ (указательное), $-\pi\tau\epsilon$, $-\eta$ (например, $\tau\acute{\iota}\eta$, атт. $\tau\acute{\iota}\eta$), $-\chi\iota$.

В связи с последней группой следует заметить, что такие написания, как $\nu\alpha\acute{\iota}\chi\iota$, $\eta\delta\epsilon$, $\omega\tau\epsilon$, $\kappa\alpha\acute{\iota}\pi\epsilon\rho$ и т. п., имеют острое ударение энклитических групп. Если бы это было ударение ортотонического слова, оно было бы по общему закону аттического диалекта (стр. 47) обложенным.

Все эти частицы, будучи односложными или двусложными пиррихической формы, являются „короткими“ (стр. 54) словами, не превышающими своим объемом размеров конечного ансамбля греческого слова.

2. Косвенные падежи личных местоимений допускали со времен общеиндоевропейского языкового состояния чередование ортотонических и энклитических форм. Так, в греческом языке энклитические формы местоимения 1-го лица ед. числа $\mu\omicron\upsilon$ ($\mu\epsilon\omicron$, $\mu\epsilon\upsilon$, $\mu\epsilon\delta\epsilon\nu$), $\mu\omicron\iota$, $\mu\epsilon$, ср. д.-и. $m\acute{e}$, $m\acute{e}$, $m\acute{a}$, противостоят ортотоническим $\epsilon\mu\omicron\upsilon$ ($\epsilon\mu\acute{\epsilon}\omicron$, $\epsilon\mu\acute{\epsilon}\upsilon$, $\epsilon\mu\acute{\epsilon}\delta\epsilon\nu$, дор. $\epsilon\mu\acute{\epsilon}\omicron\varsigma$ и т. д.), $\epsilon\mu\omicron\iota$, $\epsilon\mu\acute{\epsilon}$, ср. д.-и. $m\acute{a}ma$, $m\acute{a}h\upsilon am$, $m\acute{a}m$; во 2-м лице ед. числа энклитическим $\sigma\omicron\upsilon$ ($\sigma\epsilon\omicron$, $\sigma\epsilon\upsilon$, $\sigma\epsilon\delta\epsilon\nu$), $\sigma\omicron\iota$ ($\tau\omicron\iota$), $\sigma\epsilon$ (дор. $\tau\upsilon$), ср. д.-и. $t\acute{e}$, $t\acute{e}$, $tv\acute{a}$, соответствуют ортотонические $\sigma\omicron\upsilon$ ($\sigma\acute{\epsilon}\omicron$, $\sigma\acute{\epsilon}\iota\omicron$, $\sigma\acute{\epsilon}\upsilon$, $\sigma\acute{\epsilon}\delta\epsilon\nu$, дор. $\tau\acute{\epsilon}\omicron\varsigma$ и т. д.), $\sigma\omicron\iota$ ($\tau\omicron\iota$), $\sigma\acute{\epsilon}$, ср. д.-и. $t\acute{a}va$, $t\acute{u}b\upsilon am$, $tv\acute{a}m$; то же в 3-м лице: энклитические $\omicron\upsilon$ ($\acute{\epsilon}\omicron$, $\acute{\epsilon}\upsilon$), $\omicron\iota$, $\acute{\epsilon}$ — ортотонические $\omicron\upsilon$ ($\acute{\epsilon}\omicron$, $\acute{\epsilon}\iota\omicron$, $\acute{\epsilon}\upsilon$, $\acute{\epsilon}\delta\epsilon\nu$, дор. $\acute{\epsilon}\omicron\upsilon$ и т. д.), $\omicron\iota$, $\acute{\epsilon}\omicron\iota$, $\acute{\epsilon}\omicron\iota$, $\acute{\epsilon}$ и т. д.; такое же чередование грамматики устанавливали в форме винительного падежа единственного числа анафорического местоимения $\alpha\upsilon\tau\omicron\nu$.²¹

Энклитическими являлись неэмфатические формы местоимений, и в схолиях к Гомеру часто разбирается вопрос, признавать ли какую-нибудь форму 2-го или 3-го лица ортонной или энклитической. Этот вопрос старая александрийская традиция, восходящая к Аристарху, разрешала на основании смысловых моментов и стремилась с помощью интерпретации текста определить, находится ли лицо или предмет, на который указывает местоимение, в оппозиции к другому лицу или предмету. Позднейшие грамматики предпочитали опираться на соображения формального характера и установили ряд правил для определения ортотоничности или энклитичности местоимения в зависимости от его синтаксической позиции.²² К таким правилам относится, например, положение, что местоимение должно быть ортотонично в предложном словосочетании или когда оно присоединено с помощью союза,

например *καί, ἤ*. Эти правила, может быть, связаны с проклитическим характером предлогов и союзов. С другой стороны, ортотоническим признается местоимение, которое усилено прибавлением *αὐτός* или имеет возвратное значение. Перечисленные энклитические формы косвенных падежей личных местоимений единственного числа не превышают своим объемом конечного ансамбля греческого слова. Иначе обстоит дело с соответствующими формами 1-го и 2-го лица множественного числа: *ἡμῶν ὑμῶν, ἡμῖν ὑμῖν, ἡμᾶς ὑμᾶς*. Когда эти формы, превышающие объемом конечный ансамбль, оказывались в энклитической позиции, образовывавшаяся группа по общему закону греческой акцентуации не могла получить ударения более далекого, чем предпоследний слог местоименной формы: *ἡμῶν ὑμῶν, ἡμῖν ὑμῖν, ἡμᾶς ὑμᾶς* и т. д. Энклитическая позиция в этом случае приводила не к полной потере ударения, а только к изменению его места. Центральное ударение ортотонического слова в энклитической позиции изменялось на дальнейшее ударение. Античные грамматики были хорошо знакомы с этим явлением и отдавали себе отчет в его причине.²³ Однако формы эти, встречающиеся у трагиков, уже в их время являлись архаическими, и аттическая проза ими не пользуется.²⁴

Формы 3-го лица множественного числа *σφῶν, σφέων, σφίσι, σφέ, σφᾶς, σφέας* допускают энклису: *καί σφων, καί σφιν, καί σφας, καί σφεων* (*σφεων* — с синизесой в один слог), *καί σφισι, καί σφεας*.²⁵

Формы родительного-дательного падежа двойственного числа местоимений 1-го и 2-го лица *ὑῶν, σφῶν* грамматики считают всегда ортотоничными, в отличие от 3-го лица *σφῶε, σφῶν*, допускающих энклису. Если верить этим сообщениям, греческий язык расходится в этом отношении с древнеиндийским, имеющим чередование ортотонических и энклитических форм также и в двойственном числе. Однако формы эти в эпоху грамматиков уже давно вышли из употребления, и они могли не иметь в этом вопросе твердой традиции.

Грамматики рассматривают безударные формы местоимений только как энклитики. Как мы уже указывали (стр. 61), С. И. Соболевский вносит в это традиционное представление поправку: формы эти могли быть и энклитиками и проклитиками в зависимости от места, занимаемого ими по отношению к слову, с которым они связаны по смыслу.

3. Неопределенное местоимение *τις* во всех его формах и родственные по происхождению неопределенные наречия, восходящие к и.-е. основе **kⁿo-* — *ποι, ποι, ποθεν, πη, πως, ποτε, ποω* 'еще', *ποδι* — в отличие от морфологически тождественных

вопросительных форм (τίς, ποῦ, ποῖ, ποῦθεν, πῇ, πῶς, πότε, πῶ, πόθι), являющихся оротоническими.²⁶

4. Формы настоящего времени глаголов εἶμι и φημί. кроме форм 2-го лица единственного числа εἶ, φής (φης). Это единственные в греческом языке глаголы, у которых ни одна из форм настоящего времени не превышает конечного ансамбля. К вопросу о происхождении этой энклисы мы вернемся впоследствии в связи с проблемой происхождения дальнего ударения в личных формах глагола.

Как мы увидим, это дальнее ударение связано с былой энклитической позицией глагола, особенно в тех группах, состоявших из наречия (впоследствии префикса) и глагола, из которых возникли составные глаголы. Следы такой же былой энклитической позиции имени в группе „наречие (впоследствии предлог)+имя“ мы находим в таких сращениях, как ἐμπροσθεν, ἐμβραχί, διάπεντε, и т. п. Однако в историческое время такие группы уже не являются продуктивными.

Группа, образованная присоединением энклитического слова к предшествующему оротоническому, составляет акцентуационное единство, ударение которого следует общим законам греческого языка. Ударение энклитической группы в целом может не совпасть с ударением оротонического слова, и именно это обстоятельство вызывало усиленное внимание античных грамматиков к явлению энклисы и заставляло отмечать ударение энклитических групп при переписке текста. Правила, устанавливаемые грамматиками для ударения энклитических групп, довольно сложны. Формулируя их, античные теоретики учитывают лишь место ударного слога, вид ударения в оротоническом слове и количество слогов энклитики, не принимая во внимание ритмическую структуру как самого энклитического слова, так и неударной части оротонического. Вполне возможно поэтому, что в античных правилах имеются искусственные моменты, однако в основе своей они укладываются в общие закономерности греческой акцентологической системы и несомненно соответствуют действительности.

Был, по-видимому, период, когда присоединение энклитики имело своим последствием перемещение ударения в неокситонном оротоническом слове, переход его на последнюю гласную мору.²⁷ Следы этого имеются в таких сросшихся группах, как τῶσσοις + γε > τῶσσόσγε, ἐνθα + δε > ἐνθάδε. Такое же явление, как известно, имеется и в латинском языке: itāque в отличие от составного слова itāque. Сюда же относятся уже упомянутые нами случаи типа ὡσπερ < ὡς + περ, ὡστε < ὡς + τε, где оротоническое слово получает акут, т. е. ударение

на последней мере. В историческое время принципы энклисы уже иные. Ударение ортотонического слова остается неизменным, но, если это ударение находится за пределами зоны ударности энклитической группы, ортотоническое слово получает на своей последней мере второе ударение, принадлежащее уже энклитической группе в целом: *ἀνδρῶνός τε, σῶμά τε*. Однако второе ударение не может следовать за первым непосредственно — стык ударений не допускается, — и первое ударение должно быть отделено от второго по крайней мере одной морой понижающегося тонального движения. Носителем такого понижения может быть нисходящая часть долгого гласного, несущего на себе облеченное ударение, например вторая мора -ω- в *σῶμά τε*, или слог (одноморный или двухморный), как в *πόλεμός τε, ἀνδρῶνός τε*. Но первая мора акутированного гласного последнего слога является уже носительницей восходящего тонального движения и *λέγῳπότε невозможно. Поэтому в группе, составленной из парокситонного слова и двусложной энклитики, второе ударение на ортотоническом слове не допускается, и акцентное единство оказывается разорванным: *λόγος ἐστί*.

Традиционные правила античных грамматиков почти во всех случаях непосредственно вытекают из этих основных принципов. Этих правил пять соответственно с устанавливавшимися в античной теории пятью разновидностями ударения в зависимости от его качества и места в слове.

1. Если ортотоническое слово окситонно, то его ударение остается ударением энклитической группы: *ἀγαθός — ἀγαθός τε, ἀγαθός ἐστί, ἀγαθός πῶς*. Общие законы размеров зоны ударности в греческом языке при этом не нарушаются в связи с тем, что энклитика не превышает своим объемом конечного ансамбля греческого слова.

Исключениями могли бы являться формы родительного падежа множественного и двойственного числа неопределенного местоимения *τινῶν, τινῶν*, составляющие ямб, однако с тех пор, как в силу *metathesis quantitatis* создались ударения типа *πόλεως*, а в дальнейшем *δούσεως, βαδύγῃως* (стр. 55), ямбическая и даже спондеическая структура перестала быть невозможной для конечной группы.

Интересно указание схолиев к Гефестиону,²⁸ что окситонный слог, к которому присоединяется энклитика, типа *Ζεός τε*, удлиняется по сравнению с окситонным слогом при отсутствии последующей энклитики. Такое удлинение, не делающее долгого слога трехморным, служит, очевидно, лишь показателем большей его „интенсивности“ и может быть связано с наличием динамического ударения в энклитической группе.

В александрийской системе обозначения ударения только союзы, частицы, предлоги — μή, ἄν, δέ, ἀλλά, ἐπί и т. д., которые, как мы видели, обычно являются проклитиками, — получают знак акута, когда за ними следует энклитика. Энклитические группы с окситонным ортотоническим более чем односложным именем или глаголом в ранних папирусах не получали никакого обозначения; впоследствии установились две разные системы. Ортотоническое окситонное слово или получало гравис на предпоследнем слоге — ζῶας περ, θεοί τε, δοίω περ и т. д.,²⁹ или, как это имеет место в папирусе парфения Алкмана,³⁰ знак акута на конечном слоге: σὺλκί[ς] τε.

2. Если ортотоническое слово парокситонно — ἵππος, то:

а) в случае односложной энклитики ударение ортотонического слова остается ударением энклитической группы — ἵππος τε, ἵππος πως (в случае долготы энклитики опять-таки на основании допустимости ямбической или спондеической конечной группы);³¹

б) в случае двусложной энклитики энклитическая группа разрывается, энклитическое слово теряет акцентуационную связь с предшествующим словом и становится ортотоническим: ἵππος ἐστί.

Разрыв энклитической группы обусловлен тем, что двусложная энклитика требовала бы ударения энклитической группы на последнем слоге парокситонного слова, а это невозможно по закону недопустимости двух непосредственно следующих друг за другом ударений в слове. Высвободившаяся из группы энклитика может действительно приобрести по фразовым условиям ударение, если за ней следует пауза, например ἵππος ἐστί в конце предложения. Гораздо чаще, однако, служебное слово присоединяется к последующему в качестве проклитики. Античная теория проклитик не учитывала (стр. 58) и приравнивала их к ортотоническим словам; отсюда традиционная формулировка правила. Этим переходом энклитических слов в проклитическую позицию объясняется также и то, что, приобретая ударение, двусложные энклитики становятся окситонными (ср. стр. 62): ἐστί в противоположность ортотоническому ἔστί, τίνα, τινές и т. д. в противоположность ортотоническим τίνα, τίνες.

Правила о группе, состоящей из парокситонного слова и односложной или двусложной энклитики, вполне укладываются, таким образом, в общую систему. Однако в акцентуации текстов, а иногда и в указаниях грамматиков имеются отклонения от этих правил: в энклитической группе рассматриваемого типа, особенно если последние два слога ортотонического слова имеют трохеический ход (—υ), парокситонное

слово иногда получает добавочный акут на последнем слог: ἄλλός τις, ἔστι τις, ἐνθά ποτε, Λάμπέ τε (Θ 185), φύλλά τε καὶ φλοῖόν (Α 237), τυφθέντά τε, ἔσαν οἱ (Ζ 289) и т. п.³² Особенно часто отмечаются такие добавочные ударения на конечном слог парокситонного слова перед формами множественного и двойственного числа местоимения 3-го лица, начинающегося на σφ-: ³³ ἐνθά σφας (ρ 212), ὄφρά σφιν (Μ 7), ὅθι σφισι (Ψ 138) и т. д. Эти указания грамматиков получили многочисленные подтверждения в папирусных текстах.

Для объяснения столь неожиданной акцентуации было выдвинуто несколько толкований. Уилер,³⁴ затем Мейе³⁵ и Ваккернагель,³⁶ исходя из примеров типа φύλλά τε, ἐνθά τε, предположили, что они представляют точную параллель к φύλά τε: в гомеровском тексте сочетание гласного с сонантом (λ, μ, ν, ρ), с этой точки зрения, имело еще дифтонгический характер, свойственный ему с индоевропейских времен; стало быть, у Гомера φύλλα и ἐνθα были еще пропериспоменами и традиция гомеровского исполнения сохранила здесь древнее ударение таких энклитических групп. В александрийскую эпоху основания для этой акцентуации уже были непонятны — φύλ- или ἐν- являлись уже закрытыми слогами с кратким гласным и акцентуация рассматриваемого типа распространилась на парокситонные слова, не содержавшие древнего дифтонга: ἔστι и т. д.³⁷ Понятно, что это происходит преимущественно в парокситонных словах с трохеическим окончанием.

Другое объяснение предложил Шпехт,³⁸ а затем Бонфанте³⁹ и Балли.⁴⁰ Как уже было указано, исторической акцентуации энклитических групп предшествовала другая, с обязательным ударением на последнем слог ортотонического слова, и ударение, свойственное ортотоническому слову в изолированном положении, лишь впоследствии вернулось в энклитическую группу. В ударении типа ἵνά σφισι Шпехт видит промежуточный этап между более древним *ἵνά σφισι и позднейшим ἵνα σφισί, возникшим с появлением закона о недопустимости соседних ударений в слове. Действие этого закона Бонфанте и Балли ограничивают аттическим диалектом и κοινῇ, ссылаясь на то, что именно в текстах Гомера и лириков встречается рассматриваемая нами необычная акцентуация.

Трудно признать это объяснение сколько-нибудь вероятным. Два соседних ударения без понижения тона между ними можно себе представить только в том случае, если они равной высоты: в случае неравенства одно из этих повышений потеряло бы свое значение акцентуационной вершины.

Теория Шпехта предполагает, таким образом, ударение, распространяющееся на два слога. В некоторых языках это бывает, но греческая традиция не знает ни о чем подобном. С другой стороны, если бы в гомеровском диалекте действительно имело место такое ударение энклитической группы, мы должны были бы ожидать его очень часто, а между тем оно встречается лишь в единичных случаях.⁴¹ Наконец, при объяснении Шпехта остается неясным, почему такая акцентуация встречается почти только в словах с трохеическим окончанием, а не у любых парокситонов.

В отличие от упомянутых двух объяснений, в основе которых лежит взгляд на рассматриваемые написания как на свидетельства о некоем лингвистическом факте, Лаум⁴² выдвигает объяснение чисто графического порядка. Он думает, что знак острого ударения на последнем слоге парокситонного слова перед энклитическим $\tau\epsilon$ имел целью устранить возможность истолкования $\tau\epsilon$ как глагольного окончания, например $\Lambda\Lambda\mu\text{ΠETE}$ ($\Lambda\acute{\alpha}\mu\text{πε}\tau\epsilon$) и $\Lambda\Lambda\mu\text{ΠETE}$ ($\Lambda\acute{\alpha}\mu\text{πε}\tau\epsilon$). На такие явления обращают внимание схолиасты.⁴³ Действительно, в папирусах имеется несомненная тенденция к графической дифференциации между энклитической группой и составным словом (в античных терминах — между паратесой и синтесой). Ради такой дифференциации прибегают даже к графическому изменению качества ударения: $\acute{\epsilon}\pi\epsilon\iota\ \pi\omicron\tau\epsilon$ вместо $\acute{\epsilon}\pi\epsilon\iota$ у Вакхилида (III, 23) в отличие от $*\acute{\epsilon}\pi\epsilon\iota\pi\omicron\tau\epsilon$ (ср. $\epsilon\iota\pi\omicron\tau\epsilon$) или $\pi\omicron\lambda\lambda\acute{\omega}\nu\ \tau\epsilon$ (E 176 в Пар. Ох. II, 223) вместо $\pi\omicron\lambda\lambda\acute{\omega}\nu\tau\epsilon$.⁴⁴ Очень возможно, что этот прием обозначения энклитической группы распространился за пределы омографов в тесном смысле слова, становясь обычным перед энклитическим $\tau\epsilon$, и в особенности перед энклитиками, не употребительными в аттическом диалекте или в $\chi\omicron\iota\nu\acute{\eta}$, как например $\nu\nu$ ($[\tau]\alpha\nu\acute{\iota}\chi\alpha\ \nu\nu$ — Коринна 1, 16)⁴⁵ или местоимения с начальным $\sigma\varphi$ -. Если принять объяснение Лаума, сохранив при этом гипотезу Уилера — Мейе относительно следов дифтонгического произношения группы „гласный + ρ, λ, μ, ν“, то наблюдаемая в папирусах картина постановки ударений на двух последних слогах парокситонного слова перед энклитикой не будет вызывать затруднений. Византийская система акцентуации к этому приему уже не прибегает.

3. Если ортотоническое слово пропарокситонно, то энклитическая группа получает добавочное ударение на последней мере этого слова, иными словами — акут на последнем слоге: $\acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\omicron\varsigma$ — $\acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\acute{\omicron}\varsigma\ \tau\epsilon$, $\acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\acute{\omicron}\varsigma\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota$, $\acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\acute{\omicron}\varsigma\ \pi\omega\varsigma$. Акцентуация эта непосредственно вытекает из установленных нами принципов ударения греческих энклитических групп

в историческое время (стр. 67) и засвидетельствована уже в александрийской системе.⁴⁶

4. Если ортотоническое слово имеет облеченное ударение на предпоследнем слоге, энклитическая группа также получает добавочное ударение на последней слого, т. е. акут на последнем слоге: $\sigma\omicron\mu\iota\lambda$ — $\sigma\omicron\mu\iota\lambda$ τε, $\sigma\omicron\mu\iota\lambda$ ἐστί, $\sigma\omicron\mu\iota\lambda$ πως. Этот случай совершенно аналогичен предыдущему: у пропериспоменов, равно как и у пропарокситонов, ударение на последней слого, принадлежащее энклитической группе, отделено от ударения ортотонического слова морой нисходящего тонального движения. Также и это правило засвидетельствовано для александрийской системы с прямым указанием на Аристарха.⁴⁷

В рассмотренных нами четырех случаях устанавливаемые грамматиками правила ударения энклитических групп в полной мере вытекали из общих законов греческой акцентуации. Труднее обстоит дело с последним, пятым случаем.

5. Если ортотоническое слово имеет облеченное ударение на последнем слоге, то это облеченное ударение остается ударением энклитической группы: $\phi\omega\varsigma$ — $\phi\omega\varsigma$ τε, $\phi\omega\varsigma$ ἐστί, $\phi\omega\varsigma$ πως. В группе $\phi\omega\varsigma$ τε облеченное ударение на предпоследнем слоге группы при краткости ее конечного гласного укладывается в закономерности греческого ударения; $\phi\omega\varsigma$ ἐστί или $\phi\omega\varsigma$ πως этим закономерностям противоречат. Правило, однако, древнее. Схолии М к γ 134 рекомендуют написание τῷ σφεῶν: „σφεῶν является энклитикой, однако τῷ сохранит облеченное ударение.“⁴⁸ Самая формулировка („однако“) свидетельствует в том, что древний грамматик находил здесь некоторое противоречие между своим правилом и общей системой. Исследователи нового времени неоднократно предлагали отвергнуть древнее правило и восстановить целостность системы. Так, Годфрид Герман⁴⁹ считал, что в этом случае группа разрывается: $\phi\omega\varsigma$ ἐστί. Действительно, такая трактовка с точки зрения системы была бы самой последовательной, и авторитет Г. Германа побудил многих издателей следовать этому правилу в эдиционной практике. Однако древние грамматики нигде не предлагают чего-либо подобного, и приведенный нами схолий показывает, что в группе τῷ σφεῶν — σφεῶν ощущалось как энклитика. Другое толкование предложил Ваккернагель.⁵⁰ Он думает, что в этих случаях ортотоническое слово произносилось с акутом *φῶς ἐστί и *φῶς πως, а облеченное ударение сохранялось только графически, поскольку оно было свойственно соответственным словам вне энклитических групп. К соображению Ваккернагеля можно было бы прибавить, что таким путем грамматики не только сохраняли

обычное ударение слова, но и проводили ту дифференциацию между энклитической группой и составным словом, к которой они всегда стремились: $\pi\tilde{\omega}$ $\pi\tilde{o}t\epsilon$ — энклитическая группа и $\pi\tilde{o}\pi\tilde{o}t\epsilon$ — составное слово.⁵¹ Если это правильно, придется признать, что в этих случаях сохранилось древнее ударение энклитических групп (стр. 66) на последней мере, рядом с которым уже не восстанавливалось обычное ударение ортотонического слова на предшествующей мере того же гласного. При скудости сколько-нибудь древних свидетельств об этом ударении известная неясность все же остается.⁵²

Разумеется, возникновение энклитической группы может претерпевать модификации в зависимости от фразовых условий. Выше (стр. 61 и 65) уже отмечалось указание С. И. Соболевского, что энклитическое местоимение может стать проклитическим в зависимости от своего места в предложении. К этому нужно прибавить, что всякое энклитическое слово, способное оказаться в начале предложения (или в начале стиха), становится проклитическим⁵³ и даже — например, если за ним следует пауза — ортотоническим. Так,

Ἦμεῖς δὲ τί φάτε; — φασί. κατανεύουσι γάρ.
Eccl. 72.

Когда энклитика следует за проклитическим словом, это последнее обычно получает ударение энклитической группы: $\omicron\tilde{\upsilon}$ $\tau\tilde{i}\varsigma$ (графически может изображаться как одно слово $\omicron\tilde{\upsilon}\tau\tilde{i}\varsigma$, но относящиеся сюда правила правописания являются поздними и в значительной мере произвольными) — в отличие от составного имени $\omicron\tilde{\upsilon}\tau\tilde{i}\varsigma$ ('Никто'), которым Одиссей назвал себя у Киклопа. Однако в группе $\omicron\tilde{\upsilon}\chi$ $\epsilon\tilde{\sigma}\tau\tilde{i}$ грамматическая традиция, хотя и поздняя,⁵⁴ рассматривает глагол как ортотонический. Колебания мы находим и в ударении составных слов, образовавшихся из сращения проклитики и энклитики, — $\tau\tilde{o}\tilde{i}\nu\tilde{o}\nu$ и $\tau\tilde{o}\tilde{i}\gamma\tilde{a}\tilde{r}$. В иных случаях это различие в ударении используется для семантической дифференциации: $\omicron\tilde{\upsilon}\chi\tilde{o}\nu$ ('однако не') и $\omicron\tilde{\upsilon}\chi\tilde{o}\tilde{\upsilon}\nu$ ('стало быть').

Более сложный случай представляет собой сочетание двух или нескольких последовательных энклитик. По правилам грамматиков такие последовательные энклитики („синэнклитики“), все, кроме последней, получают акут, а предшествующее им ортотоническое слово трактуется по общим законам энклитических групп. Так, Аполлоний⁵⁵ приводит в качестве примера Е 812: η $\nu\tilde{o}$ $\sigma\epsilon$ $\pi\tilde{o}\nu$ $\delta\epsilon\tilde{o}\varsigma$ $\iota\tilde{s}\chi\tilde{e}\iota$. У Псевдо-Геродиана⁵⁶ мы находим в качестве выдуманного примера ряд из шести энклитических слов: „ $\epsilon\tilde{i}$ $\pi\epsilon\tilde{r}$ $\tau\tilde{i}\varsigma$ $\sigma\epsilon$ $\mu\tilde{o}\iota$ $\varphi\tilde{h}\tilde{r}\tilde{i}$ $\pi\tilde{o}\tilde{t}\epsilon$ “. В основе этого правила лежит принцип, что всякое энклитическое

слово передает свое ударение предшествующему — проклитика εἶ является носительницей острого ударения, переданного ей энклитикой περ, а περ вновь получает свое ударение от последующей энклитики τις и т. д. Искусственность правила бросается в глаза. В греческом предложении даже семантически полноценное односложное слово тяготеет к безударности, а здесь оказывается, что в ряду последовательных частиц каждая получает ударение. Противоречит это также ритмическим правилам греческого языка, не допускающим двух восходящих ударений на соседних гласных морах (стр. 67). Грамматики сами чувствовали искусственность своего правила, и у Псевдо-Геродиана за приведенным примером шести последовательных энклитик следует оговорка, что это бывает редко из-за трудности произнести такой большой ряд „одним духом“.⁵⁷

Очевидно, правило грамматиков не соответствовало действительности. В текстах мы нередко находим иную акцентуацию синэнклитик. Некоторые рукописи не акцентуируют в этих случаях все энклитики подряд, а чередуют ударность с безударностью. В папирусах энклитическое местоимение никогда не получает ударения, хотя бы за ним следовала другая энклитика.⁵⁸

Не подтверждают папирусы и другого византийского правила, согласно которому на энклитику переходит ударение элидируемого перед нею гласного: χαλός δ' ἐστίν вместо χαλός δέ ἐστίν. Папирусы в этих случаях дают акцентуацию типа χαλός δ' ἐστίν.

В теории энклитических групп, разработанной античными грамматиками, был, таким образом, ряд искусственных моментов и графических условностей. С другой стороны, теория эта не давала ответа на ряд вопросов, возникавших перед византийскими и позднейшими европейскими издателями акцентуируемых сплошь античных текстов. Однозначной нормы, охватывающей все случаи, вероятно, и нельзя было дать, поскольку фразовые ударения всегда зависят от многообразных смысловых и ритмико-интонационных моментов. Европейские издатели античных текстов испытывали особые затруднения из-за того, что обычные правила об ударении энклитических групп вступали в противоречия с требованиями интерпункции и фонетическими явлениями на стыке слов (ἐλίσια, краса и т. п.).⁵⁹ Единой эдиционной практики здесь не установилось.

ОКСИТОННЫЕ СЛОВА ВО ФРАЗОВЫХ УСЛОВИЯХ

Как мы уже указывали (стр. 17—18), знак „тупого“ ударения (*gravis*), употреблявшийся в александрийской акцентуационной системе для обозначения неударного слога, примерно с V в. н. э. получил новые функции и начал ставиться исключительно на конечном ударном слоге окситонных слов внутри предложения. Окситонные слова отныне имеют знак акута либо в паузе, либо когда за ними следует энклитика. В этом последнем случае речь идет, конечно, об ударении энклитической группы, которая уже не является окситонной (*ἀρχαῖος τις* и т. п.). Гравис, таким образом, становится вариантом акута окситонных слов в определенных фразовых условиях. Византийские источники приписывают устранение постановки грависа на неударных слогах „грамматикам новейшего времени“, которые установили это правило „для того, чтобы не царапать книг“.⁶⁰ Действительно, по мере того как переходили к сплошной акцентуации текстов, добавочные знаки на неударных слогах, вроде ΘΕΟΔΩΡΟΣ, оказывались излишними. Однако по вопросу о том, почему акут окситонных слов должен быть заменен внутри предложения грависом, источники не дают никаких объяснений. Они только констатируют факт, что в связной речи акут „усыпляется“,⁶¹ а знак препинания или присоединение энклитического слова „пробуждают“ этот акут. Никакого различия между значением грависа на конечном слоге окситонного слова и на неударных слогах источники не проводят. По смыслу всех сообщений о значении грависа мы должны прийти к выводу, что окситонные слова, находясь не в паузе, теряют свое ударение.

Такой вывод представляется совершенно невероятным. Скептически относиться к этому заставляет нас то обстоятельство, что ни один источник не сообщает о таком, казалось бы, важном явлении. Затем, если верить византийскому правилу, может оказаться безударной длинная серия последовательных окситонных слов. Сами византийцы отметили целый стих „Илиады“

εἰ μὴ μητρὶν περικαλλῆς Ἠερῖβοια,
Ε 389

в котором оказывается одно акутовое ударение на последнем слове. Наконец, в V в. н. э., как мы увидим в главе VIII, греческое ударение уже получило тот динамический характер, который сохраняется поныне в новогреческом языке. Между тем в новогреческом языке ударение окситонных слов

внутри предложения не подвергается никаким особым модификациям. Все эти соображения уже издавна заставляли исследователей искать для грависа окситонных слов некоего иного значения, отличного от простой неударности; отсюда — ряд различных гипотез.

Г. Герман и другие старые исследователи⁶² видели в конечном грависе лишь модификацию акута, своего рода ослабленное острое ударение. Другие (Мистели, Эрлих),⁶³ чтобы избежать прямого противоречия с античными свидетельствами, отождествляли этот гравис со средним тоном (μεσση) древних грамматиков (стр. 40). Ваккернагель⁶⁴ высказал предположение, что окситонные слова внутри фразы действительно теряли свое музыкальное ударение, но сохраняли динамическое; поскольку наши источники учитывают только музыкальное ударение, у них были все основания отождествлять этот низкий тон с неударностью и обозначать его тем же знаком, что и неударность. По мнению Вандриеса,⁶⁵ конечный „тяжелый“ слог отличался от неударного лишь „психологически“, в сознании говорящего, благодаря своей способности в других фразовых условиях, хотя бы перед самой незначительной паузой, подняться до уровня акута. Взгляды Вандриеса легли в основу истолкования системы греческого ударения у Р. Якобсона,⁶⁶ который объявил острое ударение на последнем слоге „фонетическим вариантом безударности“, извратив, таким образом, нормальное соотношение вещей: гравис, в чем бы он ни состоял, является фразовым вариантом акута, а не наоборот.⁶⁷

Против гипотез о безударности окситонных слов свидетельствуют, между прочим, и ноты Дельфийского гимна, показывающие, что конечный слог в условиях, когда на нем принято ставить знак грависа, не отличался от прочих ударных слогов и имел ноту не ниже, а зачастую и выше, чем предшествующий слог. Однако, как отметил Ваккернагель,⁶⁸ слово, следующее за окситонным, никогда не начинается с более низкого тона, чем последний слог окситонного слова: тональное движение не понижается, а остается либо на том же уровне, либо еще более повышается по сравнению с окситонным словом.

Указать тот принцип, на основании которого один и тот же знак грависа мог обозначать с одной стороны — неударный слог, а с другой — окситонную ударность вне паузы, лучше всего удалось русскому слависту Мазингу, который посвятил в своей работе о сербо-хорватском ударении специальный экскурс проблеме чередования акута и грависа в греческом языке. Мазинг сам не подозревал, что в александрийской акцентуационной системе гравис ставился на не

ударном слоге, но предложенное им объяснение распространяется также и на этот случай. Он пришел к выводу, что постановка знаков грависа или акута сигнализирует о линии последующего тонального движения. Знак акута ставится тогда, когда тональное движение после ударного слога идет вниз (послеударная часть пропарокситонного или парокситонного слова: ἀνθρωπος, παιδεύω) или совершенно прекращается (пауза после окситонного слова: ἀγαθός). Знак грависа указывает на то, что тональное движение после отмеченного им слога идет вверх. Исследователь имел при этом в виду гравис на конечном слоге окситонного слова, за которым следует либо ударный слог следующего слова, либо его начальные, т. е. повышающиеся в тоне слоги. Но этот принцип объясняет также постановку грависа на слогах, предшествующих ударному. Открытая Ваккернагелем закономерность в полной мере подтвердила предположения Мазинга, который не мог еще подозревать, что между окситонным словом и следующим за ним не происходит понижения тональности.

Работа Мазинга, трактовавшая о южнославянских языках, осталась почти неизвестной лингвистам, занимавшимся греческим ударением.⁶⁹ Изучение проблемы грависа пошло по совершенно иному пути в связи с тем, что появились сомнения в обоснованности самой традиции постановки конечного грависа в окситонных словах.

Мы уже имели возможность убедиться в том, что свидетельства, относящиеся к сравнительно более древнему времени, не только не содержат указаний на правило о конечном грависе окситонных слов, но даже противоречат ему. Таковы свидетельства Платона (стр. 31) и Дионисия Галикарнасского (стр. 35). Сюда же можно присоединить свидетельство Деметрия Византийского у Филодема (De roēmatis), согласно которому сочетание ἀλός ἐκτός неприятно для слуха из-за нагнетения двух акутов.⁷⁰ Если мы обратимся к нашему основному акцентологическому источнику Геродиану то во „Всеобщей просодии“, где рассматриваются ударения, изолированных слов, он, может быть, и не имел случая поставить вопрос о чередовании акута и грависа в фразовых условиях. В античной грамматической системе вопросы фразового ударения относились к разделу ἀνάγνωσις — громкого выразительного чтения с соблюдением пауз и ударений. У Геродиана этим вопросам был посвящен особый трактат. В эпитоме Псевдо-Аркадия конец оглавления „Всеобщей просодии“ сопровождается припиской о существовании наряду с 20 книгами „Всеобщей просодии“ особой книги об анагностических вопросах (τὸ ἀναγνωστικὸν εἶδος); сюда относятся

паузы — *διαστολή*, синалэфы и „прочие сопутствующие чтению явления“, как например то, что имя *Ζεὺς* в сочетании *Ζεὺς δ' ἐπεὶ οὖν Τρωᾶς* (N1) не имеет острого ударения, но имеет его в сочетании *Ζεὺς τε καταχθόνιος* (I 450).⁷¹ Это последнее прямо касается интересующего нас вопроса, но рассмотрение восходящих к Геродиану просодических схолиев к Гомеру показывает, что речь идет только об односложных окситонных словах, у которых акут заменяется грависом: *Α 51 ΦΘΑΝ ΔΕ*, *N 1 ΖΕΥΣ Δ(Ε)*, *Α 216 ΧΡΗ ΜΕΝ* и т. п.⁷² Во всех этих примерах слово, следующее за односложником, в свою очередь односложно, но практика акцентуации в письме позволяет несколько расширить это правило. В гомеровских папирусах мы встречаем десятки случаев постановки грависа на односложном окситонном слове. В огромном большинстве случаев следующее слово или тоже односложное, или имеет ударение на первом слоге. Мы уже знаем, что греческий язык избегал столкновения ударений на двух соседних морах (стр. 67). Когда за окситонным односложником, с его последней ударной морой, непосредственно следовала ударная мора следующего слова, язык, по-видимому, подчинял первое слово высокому тону второго. Это правило может восходить к общеевропейским временам: в д.-и. *Ṣataraṭha brāhmaṇa* слово с ударением на последнем слоге утрачивает его перед начальным ударным слогом следующего слова. Есть, однако, примеры, когда следующее за односложником слово имеет ударение не на начальном слоге, и тем не менее односложник отмечается грависом, т. е. имеет как бы проклитический характер. Например, *ἰς Ὀδυσῆος* (Ψ 720) в папирусе 128 Британского музея.⁷³ На то, чтобы такое же правило распространялось на более чем односложные окситонные слова, сохранившиеся подлинными материалы Геродиана не указывают. Другое дело псевдогеродиановский трактат *Περὶ ἐγκλινομένων*:⁷⁴ здесь уже дано обычное византийское правило.

Сложнее обстоит с грамматическим наследием Аполлония Дискола, отца Геродиана. Традиционный текст Аполлония Дискола содержит места, в которых излагается византийское правило о конечном грависе окситонных слов. В трактате о местоимении мы находим разграничение между „энклитоменами“, теряющими острое ударение на последнем слоге, и „энклитиками“, которые не только теряют ударение, но и передают его предыдущему слову.⁷⁵ Однако, кроме этого места, Аполлоний никогда не проводит такого разграничения между этими двумя терминами, и исследователи, считавшие этот текст подлинным, были вынуждены прибегать к многочисленным конъектурам в других местах, чтобы привести их

в согласие с рассматриваемым текстом. Последний издатель трактата о местоимении П. Маас признал этот текст интерполяцией.⁷⁶ Не менее подозрительно и место „Синтаксиса“ (IV, 57), где в рассуждении о происхождении слова $\epsilon\iota\sigma\acute{o}$ < $\epsilon\iota\varsigma$ $\acute{o}$ введено не относящееся к делу правило о грависе окситонных слов во фразе с ссылкой на любимый византийскими грамматиками стих „Илиады“ Е 389, приведенный нами выше (стр. 74).⁷⁷ Наличие таких интерполяций заставляет относиться с осторожностью также и к тексту в книге о наречии (р. 169, 22—24), который сам по себе никаких подозрений не вызывает. Аполлоний приводит здесь место из Софрона, содержащее дорийскую окситонную форму наречия $\kappa\alpha\lambda\acute{o}\varsigma$, которая, находясь внутри фразы, должна произноситься с „энклисой“, т. е. с грависом вместо акута.⁷⁸ В других случаях, когда Аполлоний касается грависа окситонных слов,⁷⁹ речь идет об односложных частицах или местоимениях.

Изучение античной акцентуационной теории и практики написания окситонных слов явилось одной из основных задач неоднократно уже упоминавшегося (стр. 15 и др.) обширного исследования Лаума. Как мы знаем, Лаум в результате рассмотрения акцентуации ряда текстов, преимущественно гомеровских, пришел к выводу, что византийская практика является канонизацией приема, возникшего в результате графического беспорядка в папирусах поздней империи. Он приводит много фактов, показывающих, что и в эллинистическое время, и в первые века империи писцы не применяли правила о конечном грависе более чем односложных окситонных слов внутри фразы и ставили в этих случаях либо акут, либо — и притом гораздо чаще — гравис на слоге, предшествующем ударному. В текстах, которые Лаум положил в основу своего исследования, замена акута грависом имеет место только в односложных словах. Все места у Аполлония, которые предполагают византийское правило, Лаум не считает подлинными.

Богатый материал Лаума мог бы убедить читателей его книги,⁸⁰ если бы автор не пошел по пути сознательного игнорирования тех фактов, которые противоречат его теории. Традиция гомеровской акцентуации разобрана у Лаума очень полно, но лирические тексты, в том числе такие известные, как папирус парфения Алкмана, выпали из его исследования. После того как Лаум, не дожидаясь выхода своей запоздавшей печатанием большой книги, опубликовал предварительные выводы в виде журнальной статьи,⁸¹ вопросом об акцентуации лирических текстов занялся Гислер (стр. 15). Его исследование во многом подтвердило выводы Лаума, но по-

интересующему нас вопросу о замене акута грависом в многосложных словах Гислер пришел к совершенно иному выводу, чем Лаум. В лирических текстах он обнаружил ряд случаев применения правила о грависе многосложных окситонных слов внутри предложения и об акуте этих же слов перед паузой или перед энклитикой. Правило это, которое Лаум считал византийским, Гислер отнес к александрийским временам.

Книга Лаума в полном виде вышла в свет в 1928 г., через пять лет после появления диссертации Гислера. Однако Лаум не счел нужным даже упомянуть о работе Гислера. Он опубликовал свой старый текст, повторив в предисловии его основные тезисы, в том числе и те, которые Гислер оспаривал, и сообщил читателям, что его книга стала ему самому внутренне чужда, поскольку его интересы отошли от вопросов, рассматриваемых в этой книге.⁸² В этом нельзя не усмотреть научной недобросовестности, нежелания считаться с фактами, которые заставили бы модифицировать выдвинутую теорию.

Действительно, акцентуация лирических текстов происходит по иным правилам, чем в гомеровском тексте. Акцентуацию эту можно рассмотреть на папирусе парфения Алкмана. Дата его точно не установлена — примерно середина I в. н. э. Здесь мы находим акут на окситонных словах перед энклитикой *σὺλαχι[ς]* τε (72), *ερατᾶ[τ]*ε (76), — явление, которое материал Лаума давал только для гораздо более позднего времени, — и перед паузой, отмеченной в папирусе: *ἐνετικός*· (51), *γλάυξ*· (87). Кроме этих случаев, акут стоит на слове *ἰανθερίς* (76), которое находится в явной паузе (хотя и не обозначенной на папирусе), и на слове *αὐτᾶ* (85) перед приложением. В пяти случаях⁸³ мы имеем гравис в конце более чем односложных окситонных слов: *ἄ κλεννᾶ χοραγός* (44), где окситонное слово находится внутри синтагмы; *ἄ δε δευτερα πὲδ ἀγιδῶ το εἶδος* (58) — окситонное слово опять внутри синтагмы; *βιᾶ-τᾶν* (4) и *κόρυτᾶν* (5) тесно связаны с последующими несохранившимися именами; *[σ]τοί* (82) — обращение перед начальным ударным слогом следующего слова *δέξασθε*. В других случаях, где окситонное слово не связано тесной синтагматической связью с последующим, оно обозначено грависами на предшествующих слогах: *ἀγιδῶ* (42), *πᾶγον* (48), *οἰεῖδης* (71); этот же прием один раз применен при последующей энклитике: *ἀστᾶ-φίς* (74) — в соответствии с наблюдениями Лаума.

В папирусе Алкмана мы находим, таким образом, не позднейшее механическое византийское правило о постановке грависа на любом окситонном слове, за которым не следует

пауза или энклитика, а гораздо более осмысленную попытку воспроизведения фразовой интонации: гравис на окситонном слове мы находим либо тогда, когда оно составляет единую синтагму с последующим словом, либо тогда, когда это последующее слово имеет ударение на первом слоге. Материал здесь, конечно, невелик, но основная тенденция ясна.

Наши выводы не противоречат наблюдениям Лаума, а только дополняют их. Необходимо признать, что в поздней античности существовали две системы акцентуации. Одна из этих систем, более древняя, восходящая к Аристарху и не принимавшая в расчет фразового ударения, исследована Лаумом. Впоследствии рядом с ней возникла другая система, учитывавшая тональное движение внутри синтагмы. Конечный слог окситонного слова при всех условиях сохранял свое словесное ударение и был выше предшествующих ему слогов, но в тональном движении синтагмы мог не составлять вершины и оставаться ниже ударного слога следующего слова, носившего на себе синтагматическое ударение. Это и служило основанием для постановки грависа на таком конечном слоге. Наличие паузы отмечалось акутом. Знаки акута и грависа получили в этой системе примерно то значение, которое для них устанавливал Мазинг. Почему такая акцентуация применялась именно по отношению к лирическим текстам с их дорийской диалектной окраской, трудно сказать.⁸⁴ Здесь необходимо дополнительное исследование с учетом всех опубликованных за последние сорок лет акцентуированных папирусных текстов. Вероятнее всего, это связано с деятельностью какой-то грамматической школы.

Акцентуационная реформа, имевшая место около 400 г. н. э., была вызвана потребностями устранить тот графический беспорядок, о котором писал Лаум. Но реформа эта канонизовала не просто „графическую ошибку“, а опиралась на боковую линию акцентуационной традиции, известную нам из текстов лирических поэтов. Византийцы уже не понимали принципов этой традиции. Гравис окситонных слов, созданный для внутрисинтагматической позиции, они механически обобщили на всякое внутрифразовое положение, что и привело к указанным выше нелепостям и трудностям истолкования.

Для сплошного письма, без разделения на слова, гравис представлял, однако, некоторое преимущество, сигнализируя о границе слова.

Окситонные слова позволили нам, таким образом, установить в греческом языке фразовое ударение синтагмы. На другой след синтагматического ударения мы имели уже воз-

возможность указать в связи с нотами гимнов Месомеда.⁸⁵ Не случайно, может быть, что и папирус парфения Алкмана и гимны Месомеда относятся к периоду римской империи, ко времени, когда моменты динамизма в греческом ударении уже должны были нарастать. Весьма вероятно, что именно в синтаксической фонологии эти динамические моменты давали себя знать с наибольшей силой.

SANDHI

К модификациям словесного ударения в фразовых условиях относятся и явления *sandhi*, когда ими бывает затронут ударный слог. Геродиан в своем трактате на „анагностические“ темы (стр. 76, 77) рассматривал явление синалэфы (συναλήψυς) — редукции конечного гласного перед гласным началом следующего слова. Кроме синалэфы, на стыке гласных, находящихся по обе стороны словораздела, возможна афэреса (ἀφαίρεσις) — выпадение начального гласного второго слова, и краса (κράσις) — слияние гласных в один долгий. При синалэфе ударного гласного в окситонном слове ударение переходит на предшествующий слог: πᾶλλ' ἔπαθον = πολλὰ ἔπαθον, φοβέρ' εἶπερ = φοβερὰ εἶπερ, δεῖν' ἄλγῃ = δεῖνὰ ἄλγῃ. Лаум⁸⁶ обращает внимание на то, что правило это стало соблюдаться в письме очень поздно, но его формулирует Геродиан в несомненно подлинном отрывке,⁸⁷ и оно не должно по существу возбуждать сомнений. При восходящем акцентном ходе окситонных слов в форме φοβέρ' слог -ῆε- должен был произноситься выше, чем слог φο-; если же слово после синалэфы оказывалось односложным, то оно, вероятно, претерпевало во фразовых условиях модификации, свойственные односложникам вообще. Грамматики даже спрашивали себя, не надлежит ли в таких случаях, как δεῖν', ставить облеченное ударение, как если бы элидировалась форма δεῖνα. Геродиан в разных сочинениях отвечал на этот вопрос по-разному,⁸⁸ но самая проблема, конечно, надуманная. О том, что при синалэфе проклитик ударение не отступает назад, см. стр. 63.

Явлений афэресы грамматики не нормируют. Только в рукописях мы находим такие чтения, как ᾗ μὴ ῥιγες (Ant. 446), ὅτε δὴ ῥῖων (Eq. 632).

Явление красы, при котором ударение последующего слова сохраняется на прежнем месте, представляет интерес для акцентологической теории, когда в двусложном слове с последним кратким гласным первый краткий гласный в результате красы стал долгим. Возникает ли из слияния τὰ ἄλλα

τᾶλλα или τᾷλλα? Зенодот писал в начале В и К ὧλλοι (< οἱ ᾗλλοι), но в рукописях этот вопрос решается по-разному, и твердой традиции не было. Для поздних грамматиков различие между акутом и циркумфлексом оставалось только графическим. В современных изданиях тоже не установилось единой практики.⁸⁹

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ УДАРЕНИЯ

Свободное, смысловразличительное ударение приобретает функции морфемы. Оно становится, в качестве ли дополнения к другим морфемам или самостоятельно, средством словообразования или словоизменения, характеризуя определенные грамматические типы. Как мы уже говорили, греческий язык не является единым в отношении смысловразличительной функции своего ударения. В золийском диалекте, где ударение занимает фиксированное место, на крайней границе общегреческой зоны ударности, оно лишено грамматической функции. Поэтому мы здесь, как и в вопросе о месте ударения, будем исходить из картины аттического диалекта и *χοινή*, где грамматическая роль ударения прослеживается наиболее полно. Те отрывочные сведения, которыми мы располагаем об отличиях дорийского ударения от аттического, будут рассмотрены в главе о диалектах.

В главе о месте ударения мы уже видели (стр. 49), что акцентное различие нередко служит для дифференциации лексем, имеющих одинаковый фонемный состав. С наличием такого рода оппозиций связаны были первые упоминания о вопросах ударения, которые дошли до нас в памятниках греческой письменности. Обилие примеров этого рода заставляло античных грамматиков составлять длинные списки слов разного значения, противостоящих друг другу по одному только различию в ударении.¹ Такую же дифференцирующую роль может играть ударение в системе форм одного слова. Однако „оппозитивному“ ударению в греческом языке гораздо чаще свойственна словоразличительная, чем форморазличительная функция. В огромном большинстве случаев греческое флектируемое слово имеет определяемое некоторым законом постоянное место ударения, проходящее через всю систему его форм и характеризующее уже не одну ка-

кую-нибудь форму, а всю лексему в целом; форморазличительная функция сводится чаще всего лишь к возможности варьировать острое и обложенное ударение на последнем слоге (ἐχθράς — ἐχθράς).

Для характеристики этого места ударения, свойственного греческой лексеме, установленная нами (стр. 53—54) фонологическая классификация типов ударения является столь же недостаточной, как и традиционные категории греческих грамматиков. И в том, и в другом случае сводятся воедино фонетически сходные явления различного морфологического порядка: παιδεύω, φέρω, с одной стороны, и παιδεύων, φέρων — с другой, одинаково входят, по античной классификации, в категорию парокситонов, а с установленной нами точки зрения — в тип дальнего ударения на море, предшествующей конечному ансамблю. Однако морфологические функции этих двух пар ударений совершенно различны. В личных глагольных формах παιδεύω и φέρω мы имеем связанное ударение, и для его морфологической характеристики существенно лишь то, что оно находится на самом дальнем месте, возможном в данной форме слова по общим законам греческого ударения, а не его конкретное место на предпоследнем слоге или на море, предшествующей конечному ансамблю. Если мы вместо παιδεύω и φέρω возьмем формы повелительного наклонения παιδεύε, φέρε, то они подчиняются тому же закону наиболее далекого возможного ударения, а между тем παιδεύε имеет ударение уже на третьем от конца слоге, а φέρε — на первой море конечного ансамбля. Иначе будет обстоять дело с причастием παιδεύων, φέρων. Как показывает форма именительного падежа среднего рода παιδεύον (а не *παιδεύον, которое было бы возможно при краткости конечного гласного), это ударение более тесно связано с определенным слогом и может в системе склонения этого причастия продвинуться лишь вперед, если этот слог по общим законам греческого ударения окажется за пределами зоны ударности — παιδεύοντων, φερόντων. Точно так же прилагательные εὐδαίμων и ὕλεις в своих формах именительного падежа ед. ч. м. р. имеют фонетически сходное ударение, но формы именительного падежа ед. ч. ср. р. обнаружат их морфологическое несходство: εὐδαίμον, ὕλην. Прилагательное εὐδαίμων, как и глагол παιδεύω, имеет ударение на крайней границе зоны ударности, которое отступает назад, если только это позволяет краткость конечного гласного; ударение ὕλεις связано со слогом -λη-, никогда не отступает назад и только может продвинуться вперед, если слог -λη- окажется вне зоны ударности. Именно то обстоятельство, что ударение

бывает тесно связано с определенным слогом, позволяет использовать его как словообразовательное средство. Для акцентологической характеристики *θηροτρόφος* 'питающий диких животных' существенно не только его место, но и его противопоставление — *θηρότροφος* 'питающийся дикими животными'.

Поэтому наряду с фонологической характеристикой места ударения в конкретных формах слова нам понадобятся и иные акцентологические понятия для определения места ударения как морфемы. В этом отношении надо различать две категории флектируемых слов: спрягающийся глагол и склоняющиеся имена; к этой последней категории принадлежат также именные формы глагола (причастия, инфинитивы).

Личные формы простого неслитного глагола всегда имеют, как мы уже видели на примере *παίδεω*, рецессивное ударение, т. е. ударение на крайней границе зоны ударности, как она устанавливается для данной формы общими законами греческого ударения. В зависимости от числа слогов в слове и его ритмико-вокалической структуры рецессивное ударение может принимать самые различные формы: *τίθημι*, *παιδεύω*, *παίδεω*, *πέμπω*, *κεῖμαι*, *φέρε*. В односложной форме, содержащей долгий гласный, рецессивное ударение всегда окажется на первой мере и будет реализовано диакритическим знаком: *βῆ*, *σχῶ*. Окситонное ударение в личной глагольной форме возможно только тогда, когда она одноморна — *δός*, т. е. когда ударение возможно только в фонетическом, а не в фонологическом смысле.

То обстоятельство, что рецессивное ударение греческого глагола распространяется только на личные формы, не захватывая именных, заставляет искать объяснение этого явления в синтаксической позиции личных глагольных форм. Возникновение такого ударения уже давно объяснено Ваккернагелем.² Исходным моментом послужил при этом тот факт, что в древнеиндийском языке личный глагол самостоятельного предложения, не занимающий первого места в фразе, не имеет ударения и становится энклитикой; в придаточном предложении или в начале фразы ударение глагола восстанавливается. Ваккернагель сопоставил с этим рецессивное ударение, которое получали в энклитической позиции местоимения, превышающие своим объемом конечный ансамбль: *ἤμων*, *ἤμιν* и т. д. (стр. 65). Отсюда предположение, что рецессивное ударение личных форм греческого глагола имеет такое же происхождение.

Согласно гипотезе Ваккернагеля, греческий язык унаследовал от общеевропейского языкового состояния упо-

требление личного глагола, как в энклитической, так и в ударенной форме. Когда в греческом языке возникло ограничение зоны ударности концом слова, согласно известным нам законам, длинные энклитические группы, содержавшие глагол в качестве последнего члена, рассыпались и глагол получил при этом рецессивное ударение. Перемещение произошло также и в составных глаголах, которые возникли из энклитических групп и, до ограничения ударения, имели его на превербе: *ἄποφερομεν (или вернее *ἀπόφερομεν, ср. стр. 66) > ἀποφέρομεν. Во многих случаях возникшее таким образом рецессивное ударение энклитических форм совпало с обычным ударением тонических форм: φέρω, φέρομεν, ἔφερον, ср. д.-и. bhārami, bhārāmaḥ, ābharam. Это акцентное тождество бывших энклитических и тонических форм было обобщено на все случаи в пользу свойственного бывшим энклитическим формам рецессивного ударения. Распространилось оно и на те формы, объем которых не превышал конечного ансамбля: φέρε получило свое ударение по аналогии φέρω. Только настоящее время двух глаголов εἶμι и φημί, в котором не было ни одной формы, превышающей конечный ансамбль, осталось энклитическим.³

Позднейшие слияния преобразовали рецессивное ударение, продвинув его в ряде случаев вперед от крайней границы зоны ударности: τιμάω > τιμῶ, ποιέω > ποιῶ, τιμάμαι > τιμῶμαι и т. д. Образовавшийся новый тип нерецессивного глагольного ударения с циркумфлексом на последнем или предпоследнем слоге получил некоторое распространение в формах, которые не произошли из слияния, но ощущались как однотипные со слитными формами: τιθεῖσι (< *τίθεντι), δίδωσι (< *δίδουσι) по типу ἰστέσι (< *ἰστέαντι). Такое распространение имеет место главным образом в атематическом спряжении.

Происхождение рецессивного ударения глагола из бывшей энклитической группы объясняет также акцентную трактовку составных глаголов. Как мы уже видели (стр. 66), энклитическая группа некогда имела ударение на последнем слоге ортотонического слова. Составной глагол произошел из присоединения энклитического глагола к ортотоническому слову, превратившемуся в преверб. Поэтому ударение составного глагола не отходит (при счете от конца слова) дальше последнего слога преверба: συμπρέες, ἀπόδος, хотя с точки зрения границы зоны ударности в этих словах возможно было бы ударение на третьем от конца слоге, и тоническое слово ἄπο имело парокситонное ударение. Глагольное приращение и удвоение трактуются как префиксы, и ударение не от-

ступает (считая от конца слова) за их пределы: *κατέσχον, ἀνέσχον, ἐπέσχον, ἀφίχηται*.⁴

Гораздо большее разнообразие типов ударения мы находим в именах.

Сравнительная грамматика индоевропейских языков устанавливает в именном склонении противопоставление „сильных“ и „слабых“ падежей: сильные падежи характеризовались ударением на основе с полной (или удлинённой) ступенью элемента, предшествующего окончанию, а слабые падежи — ударением на окончании и нулевой ступенью элемента, предшествующего окончанию. Греческие формы *πατήρ, πατέρα*, с одной стороны, *πατήρς, πατρί* — с другой, дают представление об этих соотношениях. Эта подвижность ударения уже в общеиндоевропейский период сменилась в большинстве случаев принципом неподвижного ударения на одном из слогов именной основы. По терминологии де Соссюра, маргинальное ударение слабых падежей уступило место единому колумнальному ударению основы. В парадигме склонения ударные слоги находятся отныне на одной „колонке“. Поскольку этот слог принадлежит основе и не зависит от окончания, место его может быть с фонетической точки зрения определено только при счете от начала слова. В греческом языке древнее подвижное ударение сохранилось лишь в незначительных следах. К их числу относится маргинальное ударение родительного и дательного падежей односложных слов III склонения (*ποδός, ποδί, ποδῶν, ποσί, ποδοῖν*), распространившееся в греческом языке на двусложные формы этих падежей, независимо от происхождения двусложности: *οἰός, κυνός, γουνός*.⁵

Другим пережитком старины является рецессивное ударение в формах звательного падежа: *πάτερ, ἀδελφε, γύναι, δέσποτα, πόνηρε, Ζεῦ* (βασιλεῦ, вероятно, уже по аналогии с *Ζεῦ*). Происхождение этой рецессивности таково же, как в глаголе. Оно связано с былой энклисой звательного падежа. В древнеиндийском языке формы звательного падежа, находящиеся не в начале фразы, теряют свое ударение, а в начале фразы имеют его на первом слоге, каково бы ни было обычное место ударения слова.

Колумнальное ударение подверглось в греческом языке существенным модификациям в силу закона ограничения ударения концом слова. Оно может занимать место не далее третьего слога от конца основы и должно продвигаться вперед всякий раз, когда соответствующий слог оказывается вне зоны ударности. Тогда оно переходит на ближайшее место внутри зоны ударности, т. е. на крайнюю ее гра-

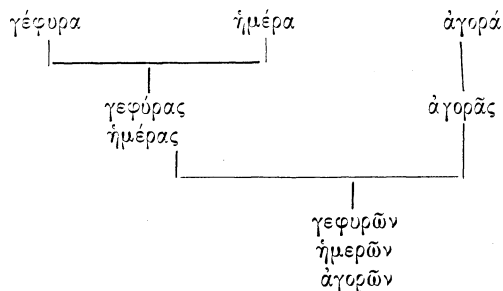
ницу: $\theta\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$ — $\theta\alpha\lambda\acute{\alpha}\sigma\sigma\eta\varsigma$. Ударение уже не абсолютно прикреплено к слогу: оно, правда, не отступает назад на предыдущий слог, но продвигается по мере надобности вперед.

Слияние может привести к дальнейшему продвижению ударения вперед. Рядом с $\theta\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$ — $\theta\alpha\lambda\acute{\alpha}\sigma\sigma\eta\varsigma$ находим $\theta\alpha\lambda\alpha\sigma\sigma\omega\upsilon\acute{\nu}$ < $*\theta\alpha\lambda\alpha\sigma\sigma\acute{\alpha}\omega\upsilon\acute{\nu}$. В пределах слога слияние может приводить и к противоположному эффекту — к замене акута циркумфлексом, т. е. к отступлению ударения на одну мору назад: $\acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\acute{\alpha}$ — $\acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\grave{\alpha}\varsigma$. В связи с этим следует заметить, что в именах I и II склонения, имеющих ударение на последнем слоге, циркумфлекс в родительном и дательном падежах всех чисел восходит к происходившим в разное время слияниям.

Традиция школьной грамматики рекомендует при определении места ударения слова исходить из формы именительного падежа ед. ч. для существительных и именительного падежа ед. ч. м. р. для прилагательных. Это не всегда оправдывается, как мы видели на примере слова $\epsilon\ddot{\upsilon}\delta\alpha\iota\mu\omega\upsilon$, которое в действительности имеет рецессивное ударение (ср. форму $\epsilon\ddot{\upsilon}\delta\alpha\iota\mu\omicron\nu$), продвинувшееся в форме именительного падежа ед. ч. м. р. вперед из-за долготы последнего гласного. Следует исходить по возможности из форм с краткостью последнего гласного. Для того чтобы определить морфологическую природу ударения в существительных I склонения на - $\acute{\alpha}$, типа $\alpha\iota\tau\acute{\iota}\alpha$, надо взять форму именительного падежа мн. ч. $\alpha\iota\tau\acute{\iota}\alpha\iota$ с одноморным - $\alpha\iota$ (стр. 55), и это покажет нам, что ударение здесь действительно связано с предпоследним слогом, а не продвинулось на него в связи с долготой - α .

Некоторым именным категориям свойственно рецессивное ударение. Сюда относятся, например, имена среднего рода III склонения: $\pi\acute{\epsilon}\lambda\alpha\gamma\omicron\varsigma$, $\pi\omicron\iota\eta\mu\alpha$, $\psi\epsilon\delta\delta\omicron\varsigma$, $\pi\omicron\rho$; имена I склонения на - $\acute{\alpha}$: $\theta\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$, $\mu\omicron\upsilon\sigma\alpha$, $\rho\acute{\iota}\varsigma\alpha$; отвлеченные слова с суффиксами - $\tau\iota$ -, - $\sigma\iota$ -: $\pi\omicron\iota\eta\sigma\iota\varsigma$, $\mu\grave{\eta}\tau\iota\varsigma$; прилагательные в сравнительной и превосходной степени на - $\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$, - $\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$: $\sigma\omicron\phi\acute{\omega}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$, $\sigma\omicron\phi\acute{\omega}\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$ и мн. др. Наряду с этим существуют имена с фиксированным ударением на последнем слоге основы, а также на предпоследнем, с которого ударение уже может продвинуться вперед, если предпоследний слог основы оказывается за пределами зоны ударности. Балли предложил называть имена с ударением на последнем слоге основы акротоническими, а на предпоследнем — месотоническими. Так, активные причастия настоящего времени являются месотоническими: $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\upsilon\omicron\upsilon$, $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\upsilon\omicron\nu$, $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\upsilon\omicron\nu\omicron\tau\omicron\varsigma$, но $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\upsilon\omicron\nu\omicron\tau\omega\upsilon$, а активные причастия аориста II — акротоническими: $\lambda\iota\pi\acute{\omega}\nu$, $\lambda\iota\pi\acute{\omicron}\nu\omicron\tau\omicron\varsigma$; имена I склонения на - $\acute{\alpha}$ могут быть и акротоническими, и месотоническими: $\acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\acute{\alpha}$, $\alpha\iota\tau\acute{\iota}\alpha$, и т. д.

Поскольку в именах с рецессивным ударением по закону ограничения ударения концом слова и в результате слияния ударение передвигается на один или два слога вперед, а в месотонических именах — на слог вперед, слова, разнотипные в акцентно-морфологическом отношении, нередко имеют фонетически однотипные формы:

Отсюда — возможности аналогических воздействий, переходы из одного акцентно-морфологического типа в другой. Так, у прилагательных II склонения с рецессивным ударением — *δίκαιος*, *δίκαιον*, ж. р. *δίκαια*, который должен был бы быть месотоничным (стр. 88), перешел в рецессивный тип — именительный падеж мн. ч. *δίκαιαι*, родительный падеж мн. ч. *δίκαιων* (а не **δίκαιῶν*), — в результате однотипности ударения м. и ж. р. в ряде падежных форм: *δίκαιοις* и *δίκαιαῖς*, *δίκαιοις* и *δίκαιαῖς* и т. д. Некоторые другие примеры будут приведены ниже, в разделе об аттическом диалекте (стр. 99). Пути этих аналогических воздействий подробно рассматривает Курилович в своем исследовании о греческом ударении.⁶

Рассмотрение грамматических функций ударения в древнегреческом словообразовании выходит за рамки настоящей работы. Для этого был бы необходим исторический анализ как суффиксального словопроизводства, так и словосложения.⁷ Ограничимся только замечанием, что в словосложении, большинство типов которого имеет рецессивное ударение, действует тот же закон, который мы наблюдали в сложных глаголах: рецессивное ударение сложного имени не отступает за конечный слог первого члена сложения: *τετράπλος*, звательный падеж *δαίφρον* и т. д.⁸ Это лишний раз доказывает, что сложные слова с рецессивным ударением возникли из энклитических групп и сохраняли древнее ударение этих групп на последней мере ортотонического слова.

Разновидности оппозитивного ударения, поляризующегося для семантических различий, разобраны в „*Traité...*“ Ван-

дрииеса.⁹ Греческий язык противопоставляет помощью дифференциации ударения имена действия именам деятеля, орудия или объекта действия. Во II склонении имена действия при этом баритонны: *τρόχος* 'бег' — *τροχός* 'колесо', *αἶθος* 'жар' — *αἶθός* 'опаленный' (то же в древнеиндийском — *nomina actionis* и *nomina agentis*), в первом склонении они, наоборот, окситонны: *ἀρπαγή* 'хищение' — *ἀρπάγη* 'крюк', *καμπή* 'изгиб' — *κάμπη* 'гусеница'. В результате возникает оппозиция родов в именах, образованных от одного глагольного корня: *βολή* — *βόλος*, *κοπή* — *κόπος*, *φορά* — *φόρος*, *βιστή* — *βίστος* и т. д. Составные имена на -ος со вторым глагольным членом,¹⁰ имеющим краткий гласный в корневой части, противопоставляют помощью дифференциации ударения активное и пассивное значение композитов: *θηροτρόφος* 'питающий диких животных' — *θηρότροφος* 'питающийся дикими животными', *λιθοβόλος* 'метатель камней' — *λιθόβολος* '(кровь) пролившаяся от удара камня'. Качественное прилагательное противопоставляется предмету-носителю качества: *λευκός* 'белый' — *λεῦκος* 'белорыбца', *σκολιός* 'кривой' — *σκόλιον* 'круговая песня'. Собственные имена очень часто образуются от нарицательных или прилагательных и причастий помощью дифференциации ударения. В большинстве случаев собственное имя получает при этом рецессивное ударение: *πυρρός* 'рыжий' — *Πύρρος*; *γλαυκός* 'светло-голубой' — *Γλαῦκος*; *καρπός* 'плод' — *Κάρπος*; *λαλαγή* 'шум, болтовня' — *Λαλάγη*; *διογενής* 'богородный' — *Διογένης*. Это рецессивное ударение восходит, вероятно, к формам звательного падежа, рецессивное ударение которых (стр. 87) распространилось на всю парадигму собственного имени.¹¹ Однако, однажды став средством образования собственных имен, акцентная дифференциация приводит к тому, что от имен с рецессивным ударением образуются акротонические или месотонические собственные имена: *σφῆζόμενος* — *Σφῆζομενός*, *δεξιμένη* — *Δεξιμενή*, *ἄξιος* — *Ἀξίος* (вероятно, из более древнего *Ἀξιός*, по закону Уилера: см. стр. 112) и т. д.

УДАРЕНИЕ В ДИАЛЕКТАХ

Мы рассматривали вопрос о месте ударения и его грамматических функциях в греческом языке, исходя из данных ионийско-аттического диалекта в той мере, в какой он отразился в общегреческой литературной *χοινή*. Теперь нам необходимо обратиться к другим диалектам греческого языка, а также к тем особенностям аттического и ионического диалектов, которые отличают их от *χοινή*. При этом придется учитывать, что наша информация об акцентной системе диалектов, отличных от ионического и аттического, крайне скудна. Сведения о многочисленных говорах различных областей греческого мира, которыми мы располагаем, в первую очередь основаны на эпиграфическом материале; между тем надписи, как мы уже указывали при рассмотрении источников акцентологической традиции (стр. 15), никогда не акцентуются. Приходится ограничиваться теми фактами, которые приводят грамматики, — а они интересовались почти исключительно литературными текстами, — и также теми данными, которые спорадически попадают в акцентуированных литературных папирусах, т. е. данными о диалектах, имевших свою литературу, в особенности литературу поэтическую. Лесбийские лирики, Алкман, Пиндар, Коринна, Феокрит — вот те материалы, которые прежде всего были в центре внимания античных ученых. Грамматическая традиция и материал акцентуированных текстов позволяют поэтому ввести в наше рассмотрение, кроме ионийско-аттического, лишь дорический, беотийский и эолийский диалекты. При этом, говоря об „эолийском“, мы имеем в виду не эолийскую группу диалектов в целом, а малоазийско-эолийский; практически мы имеем дело с Лесбосом и его литературными представителями. Однако и для этого ограниченного количества греческих диалектов мы зачастую располагаем лишь отрывочными, иногда даже противоречивыми сведениями, которые позво-

ляют лишь наметить общие акцентологические закономерности данной диалектной группы. Грамматики, как правило, указывают только на те особенности, которые отличают ударение в том или ином диалекте от принимаемого ими за норму ионическо-аттического ударения, но делают это по случайным поводам. Отсутствие указания на диалектные особенности обычно не дает права умозаключать *ex silentio*, что этих особенностей не было. Надлежит также иметь в виду, что для вопроса об ударении в диалектах можно сослаться лишь на те показания грамматиков, где прямо говорится об ударении. Там, где диалектная форма приводится ради других особенностей, византийские источники, проводящие принцип сплошной акцентуации, очень часто ставят ионийско-аттическое ударение, т. е. поступают совершенно так же, как нынешние издатели эпиграфических диалектных текстов. Свидетельской ценности такие показания не имеют. В результате мы располагаем по отношению к дорийскому и особенно беотийскому лишь группой разрозненных фактов, не позволяющих к тому же провести какой-нибудь дифференциации между отдельными говорами внутри такой обширной диалектной группы, как дорийская.

ДОРИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ

Фрагментарность наших сведений и неясность того, к какому говору относятся традиционные античные наименования, нигде не дают себя чувствовать в такой мере, как в отношении дорийского диалекта.¹ Когда грамматики говорят о дорийском диалекте, они имеют в первую очередь в виду хоровую лирику — Алкмана, Стесихора, Ивика, Пиндара, доризирующие хоры аттической драмы, а с другой стороны, сидилийскую комедию Эпихарма и буколки Феокрита, но совпадали ли полностью акцентные системы у всех этих поэтов, мы не знаем. Рассматривая отличия дорийского ударения от ионийско-аттического, можно было бы подумать, что дорийский диалект имеет тенденцию продвигать ударение на мору вперед,² но во многих случаях неизвестно, какое ударение является более древним и не следует ли считать, что в ионийско-аттическом оно отступило на мору назад. Неясно также и то, в какой мере мы имеем здесь дело с фонетическим законом, а не с заменой ударения в порядке морфологического новообразования по аналогии с другими формами. Так, если мы находим в 3-м л. мн. ч. парокситонные дорийские формы *ἐστάσαν*, *ἐφάσαν*, *ἐλύσαν*, *ἐδεΐραν*, *ἐκράξαν*, *ἐλάβον*, *ἐφάγον*, *ἐλέγον*, *ἐτρέχον*³ — в отличие от пропарокситонных

ионийско-аттических ἔστησαν, ἔλαβον, ἔλεγον и т. д., в то время как в формах 1-го л. ед. ч. ἔλαβον, ἔλεγον и т. д. дорийское ударение совпадает с ионийско-аттическим,⁴ многие исследователи, начиная с Густава Мейера,⁵ видят в этом позднейшее морфологическое новообразование по аналогии с 1-м и 2-м л. мн. ч.: ἔλέγον по образцу ἐλέγομεν, ἐλέγετε. Но уже Аренс⁶ указывал на то, что в 3 л. мн. ч. некогда было окончание *-ντ и что конечный слог был тогда долгим. На это можно было бы возразить, что греческая акцентологическая система принимает во внимание не долготу слога, а долготу гласного (стр. 48). Однако такое возражение справедливо лишь для исторического времени. В окончании *-οντ группа -ον- перед конечным согласным некогда имела дифтонгический характер и трактовалась как долгий гласный.⁷ С этой точки зрения, дорийское парокситонное ударение активных форм 3-го л. мн. ч. может рассматриваться уже не как морфологическая инновация, а как сохранение древнего ударения, установившегося еще до отпадения конечных смычных. В совершенно аналогичном положении находятся дорийские формы винительного падежа мн. ч. основ на -ο- с конечным элементом -ος (< *-ονς, ср. ион.-атт. -ους) типа ἀμπέλως (например, Феокрит 5, 109) при именительном падеже ед. ч. ἄμπελός. Также и здесь могло бы быть сохранение древнего ударения при дифтонге в конечном слоге, в то время как Г. Мейер и его последователи предпочитают толковать это как морфологическое новообразование по аналогии с другими косвенными падежами множественного числа: ἀμπέλων, ἀμπέλους. Несколько сложнее обстоит дело с именительным падежом мн. ч. основ на -ο- и -α-, где парокситонным формам именительного падежа ед. ч. соответствуют при именительном падеже ед. ч. ἄνθρωπος и т. д.⁸ парокситонные формы мн. ч.: ἄνθρωποι, ἄγγελοι, ἀποστόλοι, φιλοσόφοι, λυπουμένοι, τυπτομένοι;⁹ в папирусе парфения Алкмана — γεραῖάτοιοι, μῆστᾰμένοι; ἐχούσαι — в папирусе Алкмана (Ох. Рар. I, 13).¹⁰ Можно было бы предположить, что в дорийском конечные дифтонги -οι, -αι всегда трактуются как долгие, но этому противоречит хорошо засвидетельствованное пропарокситонное ударение медиальных форм глагола типа λέγεται.¹¹ Поэтому здесь больше оснований ссылаться вместе с Г. Мейером на аналогическое воздействие прочих падежных форм мн. ч. ἀνθρώπων, ἀνθρώποις, ἀνθρώπος; однако даже в этом случае необходимо считаться с возможностью, что дорийский диалект сохранил в неизменном виде древнее ударение. Как известно, греческие формы именительного падежа мн. ч. на -οι, -αι не являются исконными — они заменили собой, по ана-

логии с местоименным склонением, более древние именные формы на *-ως (ср. оск. и гот.-ōs, д.-и.-āh) и *-āz (ср. оск.-ās, гот.-ōs, д.-и.-āh). Поскольку система греческого ударения установилась, как мы увидим в дальнейшем, еще во времена общегреческого языкового состояния, нет ничего невозможного в том, что при замене конечных *-ως и *-āz на -οι и -αι дорийский диалект сохранил древнее ударение этих форм.

Таким образом, ряд значительных отличий дорийского ударения от ионийско-аттического допускает диаметрально противоположные истолкования своих исторических соотношений. Ограничимся поэтому наиболее ясным и несомненным, в первую очередь тем, что касается общей акцентологической системы дорийского диалекта.

Дорийский диалект имеет все типы ударения, установленные акцентологической традицией, кроме пропериспоменов. Мы находим окситоны с ударением как на кратком, так и на долгом гласном: ἄμέε, νοέν, φρατήρ, Ποτιδάν; периспомены: ἄμφοτερᾶν, παντῶν, κρυφᾶ; парокситоны с ударением на кратком или долгом гласном, независимо от количества последнего гласного: ἐλέγον, σπρίσθες, ἀνθρώποι, γυναῖκες, Φάλγες; пропарокситоны: μαρτύρεται, πέρις. Ионийско-аттическим пропериспоменам γυναῖκες, δραμεῖται соответствуют, таким образом, дорические парокситоны γυναῖκες, δραμεῖται.¹²

Основной закон ударения должен быть сформулирован для дорийского диалекта несколько иначе, чем для ионийско-аттического (стр. 53). Дорийское ударение, как и ионийско-аттическое, имеет три места. Оно совпадает с ионийско-аттическим, допуская ударность на последней гласной море слова (конечное ударение) и на гласной море, непосредственно предшествующей конечному ансамблю (дальнее ударение); однако оно расходитя с ионийско-аттическим в отношении места центрального ударения, которое в ионийско-аттическом падает на начальную мору конечного ансамбля (γυναῖκες, т. е. γυῖ:ναι̣:κες), а в дорийском на предпоследнюю гласную мору слова (γυναῖκες, т. е. γυῖ:ναι̣:κες). При трохеическом конечном ансамбле (⏟ ⏟) в дорийском диалекте акцентологически омертвлена начальная мора, а в ионийско-аттическом срединная.

Фонологическое интонационное различие между острым и обличенным ударением имеется в дорийском, как в ионийско-аттическом, только на последнем слоге; но в то время как ионийско-аттический допускает обличенное ударение в качестве фонетического варианта также и на предпоследнем

слоге, дорийский пользуется на обоих неконечных слогах только острым ударением.

Проходящее через всю систему соответствие ионийско-аттического обремененного ударения в предпоследнем слоге дорийскому острому мы рассмотрим с исторической точки зрения¹³ в следующей главе. Внешнее сходство с этим соответствием имеет другое, относящееся к конечному слогу, но не представляющее собой всеобщего закона. В односложных словах аттическим периспоменам Γλαῦξ, σκῶρ соответствуют дорийские окситоны Γλαύξ, σκῶρ.¹⁴ В этом случае дорийский сохранил, вероятно, более древнее ударение, а аттический перенес его на первую мору по аналогии с более чем односложными словами, которые в основах на -х-, -γ- имеют месотоническое ударение — κῆρυξ, ἀλώπηξ, φεψάλοξ, а в среднем роде имен III склонения рецессивное — πῶν, πέλαγος, ἀλειφαρ и т. д. В наречиях на -ως дорийские формы καλῶ-ς, σοφῶ-ς¹⁵ восходят к инструменталису на -ω с акутовой интонацией, ср. д.-и. *padā* (с -ā, неспособным к растяжению).¹⁶ Ионийско-аттическая форма καλῶς возникла либо по аналогии других циркумфлектированных форм парадигмы основ на -ο- (καλῶν, καλῶι), либо восходит к и.-е. аблативу на *-ō- с циркумфлексной интонацией, ср. д.-и. *vīkād* (с -ā-, допускающим растяжение), гом. τῶ 'поэтому'.¹⁷ В других случаях отклонения дорийского ударения от ионийско-аттического связаны с дорийскими инновациями. Сюда относятся формы родительного падежа мн. ч. местоимений мужского-среднего рода: τοῦτῶν, τῆνῶν, ἀλλῶν, в которых обремененное ударение возникло по аналогии с родительным падежом мн. ч. основ на -α-: ἀμφότερᾱν, ἀχρᾱν, где конечное -ᾱν < -ᾶων < и.-е. *-āsōm¹⁸ (окончание местоименного происхождения). Влияние модели τοῦτῶν и т. д. сказалось на соотносительных местоименных наречиях: οὕτῳς, παντῳς, далее ἀλλᾶ, παντᾶ, τοῦτεῖ, τῆνεῖ, τοῦτῳ, τῆνῳ. Формы родительного падежа мн. ч. односложных основ III склонения παιδῶν, Τρωῶν, παντῶν, а также наречия типа ἀμᾶ, διχᾶ допускают различные толкования. Вообще отсутствие сведений о дорийском ударении для очень многих форм, в том числе для родительного и дательного падежей ед. ч. и дательного падежа множественного числа I и II склонений, затрудняет суждение по этим вопросам.

Некоторые особенности дорийского ударения, как например ударность предпоследнего слога в именительном падеже мн. ч. на -οι при ударности третьего от конца в именительном падеже ед. ч. у существительных, сравнительной и превосходной степени прилагательных, причастий (πολέμοι, ἐσχάτοι, φιλεουσμένοι и т. д.), перенесение ударения на предпослед-

ний слог в формах 3-го л. мн. ч. (ἐλέγαν, ἐμπρήσαν) и т. п., наблюдаются также и в позднейшее время в среднегреческом и новогреческом языке, равно как и в цаконском диалекте.¹⁹ Разумеется, и здесь можно было бы предположить действие тех же процессов аналогии, при помощи которых некоторые исследователи объясняют возникновение этих явлений в дорийском диалекте. Тогда перед нами было бы лишь типологическое сходство. С другой стороны, при широкой распространенности дорийских говоров на территории Элады нет ничего невозможного в допущении, что характерные черты дорийского ударения сохранялись в разговорной *κοινή* некоторых областей, перешли в среднегреческий язык и дожили до нашего времени.

ЭОЛИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ

Яснее всего обстоит дело с так называемым эолийским диалектом, под которым античная грамматическая традиция разумеет, как уже было сказано, литературный язык лесбийских лириков. Диалект этот занимает особое место в акцентологической системе греческого языка, поскольку в отличие от всех прочих известных нам греческих диалектов он имеет связанное ударение, отведенное по направлению к началу слова настолько, насколько это позволяет общегреческая акцентная система. То, что мы определили по отношению к ионийско-аттическому диалекту как „рецессивное ударение“ (стр. 85), лежащее на „крайней границе зоны ударности“ (стр. 52) или на первой мере слова, меньшего по своему объему, чем зона ударности, — является для эолийского постоянным местом ударения. Грамматики неизменно подчеркивают поэтому „баритонность“ эолийского диалекта, недопустимость в нем ударения на последнем слоге.²⁰ Она явилась одним из оснований для распространенной у древних авторов теории, будто латинский язык, который тоже не имеет ударения на последнем слоге и, стало быть, является „баритоничным“, представляет собой не что иное, как ответвление эолийского диалекта.²¹

В эолийском оказываются возможными лишь немногочисленные акцентные типы: для односложных слов $\smile$ *πάν*,²² $\simeq$ *Σδεῦς*; для двусложных слов $\smile \times$ *σῆφος*, *σῶφος*, $\smile$ — *Πήλεος*, $\simeq$ $\smile$ *ἄϊμος*; для более чем двусложных $\times \times$ *πόταμος*, *δύνατος*, *Ἀφροδίτα*, *εἰρήνη*, *Θήβαις*, $\times \times$ — *δυνατός*, *Ποσειδάων* и т. д. Таким образом, там, где малый объем слова не допускает „дальнего“ ударения за пределами конечного ансамбля, мы находим „начальное“ ударение (стр. 54), которое, как и

в ионийско-аттическом диалекте, находится на первой море конечного ансамбля. Об отличном от „начального“ „конечном“ ударении говорить не приходится, поскольку в одноморных неэнклитических словах типа πᾶν „конечное“ ударение равносильно „начальному“. При трехморности конечного ансамбля (◡◡◡) срединная мора акцентологически мертва, опять-таки как и в ионийско-аттическом диалекте. Трактровка конечных дифтонгов -οι, -αι также не отличается от ионийско-аттического диалекта.

Свидетельства грамматиков исключают из закона об эолийской „баритонности“ лишь предлоги и союзы,²³ которые допускают ударение на последнем слоге: ἀνά, κατά, ἀτάρ, αὐτάρ и т. д. Мы уже говорили о причинах этой окситонности (стр. 63): речь идет о безударных, проклитических словах, которые, как и всякая проклитика, могут в определенных фразовых условиях оторваться от последующего ортотонического слова и стать окситонными.²⁴

Таким образом, ритмико-вокалическая структура слова однозначно определяет эолийское ударение, и характерные для общегреческой системы акцентные противопоставления в словах одинакового фонемного состава, типа τροχός — τροχός и т. д., в эолийском диалекте оказываются утраченными. Ударение как словообразовательное средство здесь невозможно, и эолийский диалект вынужден компенсировать эту утрату использованием суффиксальных морфем.²⁵

Будучи связанным, эолийское ударение не имеет смысло-различительной функции, хотя и сохраняет свое демаркационное, словоразграничительное значение. В связи с этим также и интонационные различия акута и циркумфлекса теряют фонологическое значение и выступают в качестве фонетических вариантов ударности. Фонологической оппозиции мор внутри гласного уже нет, и счет мор сохраняет значение лишь при установлении границ конечного ансамбля слова (начиная со слога, которому принадлежит предпоследняя гласная мора слова, см. стр. 52). Той решающей роли, которую счет мор играл в прочих говорах, в эолийском он уже не имеет. Более значительную роль приобретает счет слогов: в двусложном слове ударение всегда на первом слоге, а в более, чем двусложном, — на предпоследнем слоге, когда конечный гласный долгий, и на третьем от конца, когда этот гласный краткий. Возможно, что именно эта особенность эолийской просодии отразилась на характере эолийского стихосложения, которое в очень малой мере использует приравнение долгого к двум кратким и строится на чуждом

общегреческой стиховой системе принципе изосиллабизма, фиксации постоянного количества слогов в стихе.²⁶

Трактовка ударения на первом долгом гласном двусложного слова при краткости последнего гласного совпадает, таким образом, с ионийско-аттическим, а не с дорийским. Становление эолийской акцентной системы нужно себе поэтому представлять на базе ионийско-аттического как обобщение рецессивного ионийско-аттического ударения и вытеснение прочих акцентных типов. О времени этого процесса можно сказать только то, что он предшествует окончательному оформлению гомеровских поэм, которые сохранили ряд следов эолийского ударения (стр. 101).

БЕОТИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ ²⁷

Об отличительных чертах беотийского диалекта грамматики сообщают очень немного характерного. Опираясь на их свидетельства, Мейстер в свое время мог установить только то, что беотийский диалект допускал окситонность более чем односложных слов²⁸ и, стало быть, не разделял эолийской тенденции к отводу ударения с последнего слога. Положение дела несколько изменилось с опубликованием берлинского папируса, содержавшего стихотворения Коринны²⁹ с многочисленными знаками ударения. На этом папирусе мы находим многочисленные пропарокситоны, не отличающиеся от ионийско-аттической нормы, и ряд периспоменов: $\pi\tilde{\eta}\varsigma$ (атт. $\pi\alpha\tilde{\iota}\varsigma$), $\tau\tilde{\upsilon}\varsigma$ (атт. $\tau\omega\tilde{\iota}\varsigma$) и т. д. Противоречивую картину представляет трактовка ударения на долгом гласном предпоследнего слога при краткости конечного гласного. Некоторые слова, как $\varphi\omega\delta\lambda\omega\nu$, $\Phi\tilde{\upsilon}\beta\omega\varsigma$ [$\chi\alpha\lambda\epsilon\pi$] $\tilde{\eta}\sigma\iota\nu$, $\tilde{\omega}\rho\theta\epsilon\nu$, акцентуированы по ионийско-аттической норме как пропериспомены, но чаще мы находим в этом случае дорийскую парокситонность — $\lambda\acute{o}\nu[\sigma\upsilon\nu]$, $\acute{\epsilon}\pi\iota\tau'$ (= $\acute{\epsilon}\pi\epsilon\iota\tau\alpha$), $\text{F}\alpha\delta\epsilon\iota\alpha\nu$, $\acute{\alpha}\sigma[\sigma\upsilon\nu]$, $\epsilon\iota\sigma\chi[\upsilon\nu]$ — и формы именительного падежа мн. ч. I склонения: $\mu\acute{\omega}\sigma\eta$, $\chi\acute{\omega}[\cdot]\eta$ (где $\eta < \text{общегреч. } -\alpha\iota$). Надо полагать, что прав Бонфанте, относя пропериспомены за счет нормализующей работы писца, который по привычке или даже сознательно, ради большей доступности диалектного текста, вводил ионийско-аттическое ударение.³⁰ Если это так, следует признать, что беотийскому диалекту была свойственна та же общая акцентологическая система, что и дорийскому. Однако в частных вопросах акцентуации беотийский диалект не совпадал с дорийским. Так, в формах 3-го л. мн. ч. мы находим ударение $\acute{\epsilon}\tau\alpha\tau\tau\omega\nu$, $\acute{\epsilon}\chi\acute{o}\sigma\mu\iota\omega\nu$. Если можно доверять цитате, приводимой из Геродиана, но не специально по во-

просу об ударении, относительно беотийских форм ποιοῦμεν, λεγόμεν³¹ (атт. ποιοῦμεναι, λεγόμεναι), в беотийском не произошло дорийской парокситонесы этих форм. Беотийский диалект, будучи в основе эолийским, испытал значительное дорийское влияние. Очевидно, он отделился от малоазийско-эолийского еще до того, как в этом последнем создалось связанное ударение, и занимает по своим акцентным закономерностям среднее место между чисто дорийской и ранне-эолийской, общей с ионийско-аттическим диалектом, акцентной системой.

АТТИЧЕСКИЙ ДИАЛЕКТ

Специфические акцентные признаки аттического диалекта, не вошедшие в литературную κοινή, немногочисленны и касаются лишь отдельных деталей. В некоторых словах аттический диалект сохранил архаические особенности, исчезнувшие в других говорах. Мы упоминали уже (прим. 3 к гл. V) об окситонных формах 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения аориста λαβέ, εὔρε и т. п. Сопоставляя греческое ударение с ведийским, Ваккернагель³² установил архаичность акротонического ударения -τής после и.-е. основ на *-ú-, *-r-, сохранившегося в аттическом τραχυτής (ср. гом. βραδυτής, ταχυτής, ἀνδροτής), в противоположность месотоническому ударению в именах, где тот же суффикс присоединяется к основам на -ο-: νεότης, φιλότης.³³ В κοινή этот последний тип вытеснил окситонные образования.

С другой стороны, в аттическом диалекте мы нередко наблюдаем стремление отодвинуть ударение назад там, где это позволяет аналогия других форм слова. Так, в бранных словах πονηρός, μόχθηρός 'негодяй', μωρός 'дурак', часто употреблявшихся в форме звательного падежа с архаическим рецессивным ударением (стр. 87) — πόνηρε, μόχθηρε, μῶρε, — это рецессивное ударение распространилось и на именительный падеж — πόνηρος, μόχθηρος, μῶρος.³⁴ В прилагательных II склонения именительному падежу ед. ч. ж. р. αἰτία или ἡμέρα соответствовал именительный падеж мн. ч. -αἰτιαί, ἡμέραι по модели рецессивного ударения форм именительного падежа ед. ч. м. р. αἴτιος, ἡμέρος. Это соотношение было распространено на омонимные существительные, и от существительных αἰτία, ἡμέρα тоже стали образовываться формы именительного падежа мн. ч. αἰτιαί, ἡμέραι; отсюда в дальнейшем стали появляться формы типа συνδέσσαι, τραγῳδαί, χορμῳδαί, против которых Геродиан возражал, считая их „не подлинно аттическими“.³⁵

Все эти отклонения касаются единичных слов или форм. Более серьезное значение имеет только установленный Вандриесом³⁶ закон, согласно которому аттические пропериспомены при предшествующем кратком слоге становятся пропарокситонами: ...◡ ≅ ◡ > ...◡ — ◡. На этом основании аттические формы ἄγροικος, ἄχρειος, γέλοιος, ἔρημος, ἔτοιμος, ὁμοῖος, τρόπαιον противостоят общегреческим ἀγροῖκος, ἀχρεῖος, γελῖος и т. д. Этим же объясняется ἔγωγε < *ἐγῶγε (ἐγῶ + γε), ἔμοιγε < *ἐμοίγε (ἐμοί + γε) при ἐμέγε. Это же мы видим в многочисленных словах на -αιος, -ειος, -οιος, где пропериспомена ἀρχαῖος, ἀνδρεῖος, αἰδοῖος и т. д. противостоят пропарокситоны типа δικάιος, τέλειος, γέλοιος. Однако здесь есть ряд исключений, легко объясняющихся воздействием двух акцентных типов друг на друга: πωλαῖος, λοχεῖος, ἑτεροῖος, с другой стороны — δεῖλαιος, δοῦλειος, θεμιστεῖος и т. п.

В некоторых случаях изменения, происшедшие в фонетическом порядке по закону Вандриеса, по-видимому, привели к морфологическим новообразованиям. Например, имена с суффиксом -ητ- имеют акротоническое ударение основы, когда предпоследний слог долгий — ἐσθῆτης, и месотоническое в случае краткости этого слога — πέντης. Вероятно, древним ударением было *πενής, *πενῆτος, но *πενῆτος > πέντης, и ударение косвенных падежей закрепилось как ударение основы — πέντης. Гомеровскому ἦώς соответствует аттическое ἔως; ударение отодвинулось назад, вероятно, в форме ἐώθεν < *ἐώθεν.³⁷

Основные акцентологические закономерности греческого языка, как мы видели (стр. 48), основаны на ритмико-вокалическом принципе отсчета гласных мор. Однако при распределении ударений внутри зоны ударности, определяемой ритмико-вокалическим принципом, могут играть роль уже ритмико-силлабические моменты — долгота слога, а не гласного. На этом основан закон Вандриеса, и мы в дальнейшем еще будем иметь случай наблюдать действие ритмико-силлабического момента при перемещении ударения внутри зоны ударности.³⁸

Хронологической датировке закон Вандриеса не поддается.³⁹ Ионийско-аттические пропериспомены в огромном большинстве случаев возникли в результате слияний гласных: ἀγροῖκος < *ἀγρό(F)οικος, ὁμοῖος < ὁμόιος. Очень возможно, что уже в эпоху каких-либо слияний возникла тенденция к сохранению тонической структуры слова с соответствующим перенесением ударения на открытый гласный слога, предшествующего конечному ансамблю. Обобщение этого типа структуры слов привело к закону Вандриеса.

Об ударениях типа ἔλεως, βαδύγῃρος, где конечный ансамбль получает ямбический или даже спондеический ход, мы уже говорили (стр. 55).

Во всех рассмотренных нами случаях изменение совершается в едином направлении от конца слова назад. Центральное или конечное ударение заменяется дальним. Это та тенденция, которая получила полное завершение в эолийском диалекте.

ГОМЕРОВСКОЕ УДАРЕНИЕ

В главе об источниках греческой акцентологической традиции мы уже разбирали вопрос о достоверности гомеровского ударения (стр. 21—22). Исследования Ваккернагеля⁴⁰ показали, что акцентуация гомеровских поэм у грамматиков не является ни механическим перенесением позднейшей ионийско-аттической нормы, ни плодом произвольного домысла, а содержит в себе значительные элементы древней рапсодической традиции исполнения греческого эпоса. Поскольку гомеровские поэмы оформлены на ионийском диалекте, а текст их восходит к аттической редакции,⁴¹ вполне естественно, что гомеровское ударение, если не считать незначительного слоя позднейших аттицизмов, не содержит серьезных отклонений от того, что следует себе представлять как ионийско-аттическую норму до эпохи слияния гласных. Вместе с тем гомеровский текст сохранил ряд акцентных архаизмов — упомянутые выше ударения βαδύτης, ταχύτης, ἀνδρός, следы маргинального ударения θάρεται, τάρφεται, может быть χαοστέρης, ἀγυῖη и т. д. В этих остатках старины и заключается основной интерес гомеровского ударения для греческой акцентологии. Прочее имеет значение только с точки зрения истории эпического языка как древнейшего литературного языка греков. Эпос зародился в „ахейской“ среде II в. до н. э., диалект которой, как стало теперь известно после дешифровки „микенских“ надписей, принадлежал к центрально-греческой группе и был близок к аркадо-кипрскому и эолийскому. В дальнейшем его культивировали малоазийские эолийцы и ионяне. Нет поэтому ничего удивительного, что в ряде случаев, особенно в собственных именах и малоупотребительных в живом языке словах, мы находим дальнейшее ударение эолийского типа: Κύπρις, ἄχοιτις, Κοῦρητις, αἰγίοχος, ἀποῦρας, υἱός и т. д.

Рассмотрение ударения по диалектам показывает, что их акцентные системы имеют общегреческую основу. Этой основе принадлежит ограничение ударения определенной зоной, не

выходящей за пределы моры, предшествующей конечному ансамблю. Общегреческой является и акцентная валентность конечного ансамбля. К общегреческому состоянию восходит система видов ударения — острое и обложенное — и трех типов в зависимости от занимаемого места в слове: конечное, центральное и дальнее. Общегреческий характер имеют и основные закономерности, связанные с грамматическим использованием ударения, — рецессивное ударение в глаголах, а в именном склонении колумнальный принцип с незначительными остатками маргинальности и с поправками, вытекающими из закона о зоне ударности. Наблюдавшиеся нами отклонения от глагольной рецессивности и колумнального принципа в дорийском диалекте представляют собой позднейшее явление, на какую бы точку зрения мы ни встали при их истолковании. Позднейшей инновацией является также обобщение рецессивного ударения в эолийском диалекте. Наиболее значительное расхождение, которое нам удалось установить, касается места центрального ударения: предпоследняя гласная мора слова в дорийском, первая мора конечного ансамбля в ионийско-аттическом. Для того чтобы правильно оценить это расхождение, необходимо поместить его в историческую перспективу.

ГЛАВА VII

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГРЕЧЕСКОЙ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Историческое истолкование греческой акцентологической системы требует выхода за пределы греческого материала и может быть дано только на материале сравнительно-исторической реконструкции той акцентной системы, которую можно было бы приписать общеиндоевропейскому языковому состоянию. Для этой сравнительно-исторической реконструкции используются, кроме древнегреческого, только древнейший — ведийский — санскрит и балто-славянские языки; некоторые дополнительные данные, как мы уже указывали (стр. 26—27), можно извлечь из германских языков на основании закона Вернера. Прочие ветви индоевропейской семьи настолько преобразовали акцентную систему, что не дают значительного материала для реконструкции общеиндоевропейского состояния.

Место и.-е. ударения наиболее ясно для нас в тех случаях, когда ведийское ударение совпадает с греческим: д.-и. *pítā* — греч. *πατήρ*, д.-и. *rādāḥ* — греч. *πόδες*, д.-и. *radām* — греч. *πόδων*. При расхождении этих двух источников помощь оказывают германские языки, свидетельство которых чаще всего подтверждает ведийское ударение, оставшееся более консервативным, чем ударение греческого языка. Из всех этих данных вытекает, что и.-е. тоническое слово имело одно главное ударение. Существовали ли рядом с ним побочные — неизвестно. Это главное ударение было свободным, оно не было прикреплено к какому-либо определенному месту в слове и не зависело от различия в долготе и краткости отдельных гласных или слогов: д.-и. *bhāramāṇaḥ* 'несущий' — греч. *φέρμενος*. Свободный характер и.-е. ударения сохранился в русском языке, но древнее место его во многих случаях изменилось.

Свободное общеиндоевропейское ударение имело дистинктивный характер и, как самостоятельная морфема, служило для лексической и грамматической характеристики. Греческий и древнеиндийский языки одинаковым образом дифференцируют помощью одного лишь ударения ряд словообразовательных типов, которые естественно возвести к общеиндоевропейскому состоянию. Сравнительно-историческая реконструкция сохраняет следы различных этапов истории грамматического использования ударения. Смена маргинального ударения колунальным в именном склонении совершилась уже в общем прошлом индоевропейских языков. Наличие энклитических частиц, местоимений, известное тяготение обращения и глагольного предиката в личной форме к более низкому ударению во фразе также может быть спроецировано в общеиндоевропейское языковое состояние.

В ведийском и греческом, т. е. в наиболее консервативных, с точки зрения места, языках, это ударение было музыкальным, что засвидетельствовано показаниями как древнеиндийских, так и греческих грамматиков (гл. II). Засвидетельствовано музыкальное ударение также и для латинского языка.¹ Естественно думать, что это восходит к общеиндоевропейскому языковому состоянию. Для музыкального характера общеиндоевропейского ударения показательно, что как в ведийском и древнегреческом, так и в общеславянском, общегерманском, общекельтском и т. д. ударение не оказало сколько-нибудь значительного влияния на изменение вокалической структуры, что обычно происходит в языках с динамическим ударением.² О том, что ударение не играло большой роли в ритмической структуре речи и ритм оставался чисто количественным, свидетельствуют все древнейшие стиховые системы индоевропейских языков — ведийская, греческая, латинская.³

Два типа интонации, известные из греческого языка — акутовую и циркумфлексную — большинство исследователей считает восходящими к общеиндоевропейскому языковому состоянию. Гипотезу эту впервые опубликовал Беэценбергер,⁴ но к ней еще до этого пришел Ф. Ф. Фортунатов, который развил ее в стройную теорию.⁵ В то время как Беэценбергер и другие западноевропейские лингвисты разрабатывали учение о двух видах индоевропейской интонации в последнем слоге, по Фортунатову — двойственность слоговых интонаций распространяется на все слоги. Фортунатов различает два вида долготы в индоевропейском языке. „Относительно долгих слоговых гласных о. и. е. языка, — пишет он, — надо заметить, что в них долгота была двоякая по качеству (в за-

висимости от различия в происхождении долгой гласной): в большинстве случаев «длительная» (т. е. «непрерывистая»), а в других, более редких случаях «прерывистая», именно, вероятно, «нисходяще-восходящая» в тоническом и экспираторном отношениях... Для определения двух этих видов долгих гласных в о. и. е. языке главные показания дают балтийские и затем славянские языки; в др. инд. языке в его ведийском наречии о. и. е. гласные с «прерывистой» долгой распадались, как свидетельствует метр, на гласные двух слогов⁶. Например, в окончании родительного падежа мн. ч. вед. ām (ср. греч. -ῶν, лит. -ū) во многих случаях приравнивается к -aam. Возникла прерывистая долгота, главным образом в результате слияния или в порядке компенсаторного процесса при выпадении последующего звука. Из и.-е. и балт.-слав. прерывистой долготы развилось в ударном слове литовское восходящее ударение (обозначаемое циркумфлексом), в общеславянском — нисходящее. Из общеиндоевропейской длительной долготы развилось литовское нисходящее ударение, обозначаемое акутом, в общеславянском — восходящее. К и.-е. прерывистой долготе восходит в греческом ударном слове обелеченное ударение монофтонгов, которому соответствует литовское восходящее — родительный падеж ед. ч. ж. р. греч. θεῶς, лит. gerōs ('доброй'); к и.-е. длительной долготе восходит греческий акут монофтонгов, которому соответствует литовское нисходящее — именительный падеж ед. ч. ж. р. греч. θεῆς, лит. gerb-jī ('добрая'). Совпадение, однако, неполное. В дифтонгах греческого языка качество долготы изменилось: в формах местного падежа ед. ч. лит. vergė, ст.-сл. РѢТ конечный гласный восходит к и.-е. дифтонгу с длительной долготой, а в именительном падеже мн. ч. vergai, РѢИ — к и.-е. дифтонгу с прерывистой долготой; в греческом — обратная картина: местный падеж ед. ч. — ἰσθρῶι, именительный мн. ч. — ἄγαθοι.

В греческом языке двойственность индоевропейских интонаций сохранилась лишь в последнем слове; в предпоследнем слове она имеет место не во всех диалектах — в дорийском ее нет, и происхождением своим она обязана позднейшим процессам греческого слияния гласных; сравнительные данные ни в одном случае не позволяют отнести ее к общеиндоевропейскому прошлому.

Против теории индоевропейских слоговых интонаций выступил Ю. Курилович.⁷ По его мнению, греческие и балтославянские интонации не имеют единого происхождения и самостоятельно развились в каждой из ветвей. Одним из его главных аргументов является различная роль интонаций в гре-

ческой и балто-славянской фонологической системе. Однако различие функций, которое интонации получили в историческом развитии разных языков, не может служить основанием для отказа от сопоставления их в сравнительно-историческом плане. Уже то обстоятельство, что Курилович в своей реконструкции общиндоевропейского языкового состояния постулирует не музыкальное ударение, а динамическое, заставляет отнестись к его гипотезам очень осторожно. Однако критика теории Куриловича в целом выходит за рамки настоящей работы, и мы ограничимся рассмотрением его взглядов на происхождение греческой акцентологической системы.

Греческий язык сохранил индоевропейскую музыкальную природу ударения. Основным отличием греческой акцентной системы от индоевропейской является замена и.-е. свободного ударения греческим ограниченно-свободным, в пределах определенной зоны ударности (стр. 52): *bhéromenos (ср. д.-и. bháramānah) > φέρομενος. Мы уже видели, что конечный ансамбль и зона ударности — явления общегреческие, предшествующие выработке диалектных отличий.

О причинах возникновения греческого ограниченно-свободного ударения возможны только догадки, и поиски этих причин могут происходить в самых различных направлениях. Исследователи очень часто приписывают изменение ударений воздействию иноязычного субстрата. Бругман, например, считался с возможностью, что греки заимствовали свое правило ограничения у того неизвестного нам народа, который они поглотили при переселении на Балканский полуостров.⁸ Это одна из тех гипотез, которые легко высказать, но невозможно контролировать, подтвердить или опровергнуть какими-либо доводами. Не отрицая в принципе такой возможности, исследователь, однако, будет искать других объяснений, исходя из внутренних законов развития языка. Не может быть случайным, что во всех ветвях общиндоевропейское акцентное состояние рано или поздно изменилось. Очевидно, многообразие индоевропейских акцентуационных типов, некоторая акцентная рыхлость слова вызвали потребность в унификации, в повышении централизующей роли ударения. Создание в греческом языке зоны ударности в конечной части слова было одним из способов удовлетворить эту потребность. В эолийском диалекте на базе ограниченно-свободного ударения произошла фиксация рецессивного типа. Сходными, хотя и не тождественными путями происходило развитие и в некоторых других ветвях — латинском языке, позднейшем санскрите. Здесь также было создано связанное ударение, очевидно, на той же основе фиксации рецессивного

типа ограниченно-свободного ударения, в котором зона ударности тоже была ограничена концом слова, но по закону, несколько отличному от норм греческого языка.

О происхождении греческой зоны ударности, простирающейся на три, а при трохенческом исходе — на четыре конечных моры, высказывались различные мнения. При этом чаще всего постулировались некие сопутствующие греческой норме явления, неизвестно при каких условиях возникшие и вызывавшие в качестве последствия греческий акцентный закон. Так, Гэдли⁹ исходил из представления о постепенном понижении тона в послеударных слогах; при этом он принимал три ступени тона — высокий, средний и низкий — и считал, что греческий язык, как и латинский, стремился избежать двух низких тонов в конце слова. Из наличия этих трех тонов вытекало ограничение ударения концом слова. Сходное объяснение в несколько усложненной форме предложил А. А. Шахматов,¹⁰ ссылаясь на аналогичные явления в общеславянском языке. Исследователи, исходившие из акцентной модели германских языков (Уилер, Гирт и др.),¹¹ предполагали появление добавочного ударения (*Gegenton*) на крайней границе зоны ударности, вытеснившего ударение на предшествующих местах слова. Представлялось, однако, невероятным, чтобы, например, в типе **φέρμενος* возникло добавочное ударение **φέρμενος* в непосредственном соседстве, и приходилось прибегать к более сложным предположениям. Недостатком всех этих гипотез была их произвольность: условия, с которыми связывалось ограничение ударения концом слова, возникали немотивированно, без связи с какими-либо известными нам явлениями языка.

В этом отношении значительный шаг вперед представляет гипотеза Куриловича. Как мы уже говорили (стр. 105), Курилович отрицает унаследованный характер греческих интонаций, и, с его точки зрения, существенное отличие греческой акцентной системы от индоевропейской состоит не только в создании ограниченной зоны ударности, но и в возникновении интонаций. Оба процесса он рассматривает как тесно связанные один с другим и ищет для них единого объяснения — в греческих слияниях. В греческом языке слияния гласных предпоследнего и последнего слога приводили к возникновению циркумфлексной интонации ($\acute{a} + a > \tilde{a}$) и акутовой ($a + \acute{a} > \acute{\tilde{a}}$) в последнем слоге слитной формы. Эта оппозиция, нейтрализованная во всех слогах, кроме последнего, создает в конце слова зону, допускающую интонационные различия. Отсюда — конечный ансамбль, имеющий форму $—\cup\cup$, который становится фонологически конститутивной

частью слова. Это повлекло за собой, по мнению Куриловича, переоценку рецессивного (начального) ударения. В словах со структурой $\times \cup$ начальное ударение начинает расцениваться как ударение на слоге, предшествующем конечному ансамблю. По этому образцу перестраивается рецессивное ударение и в словах с иной ритмической структурой ($\times \times -$, $\times \times \times \cup$, $\times \times \times -$ и т. д.).¹²

Предположение Куриловича плохо согласуется с известными нам фактами истории греческого языка. Создание конечного ансамбля и зоны ударности представляет собой общегреческое явление. Сложный и своеобразный закон, лежащий в основе греческой акцентной системы, нельзя себе представить возникшим в греческих диалектах совершенно самостоятельно в эпоху, когда контакты между диалектами уже ослабели. Это общегреческое явление должно быть также и прагреческим. Между тем слияния, о которых идет речь, относятся к гораздо более позднему периоду. Микенские надписи XV—XIII вв. до н. э. не знают тех слияний, которые свойственны позднему греческому языку. В эпическом языке неслитные формы преобладают перед слитными, и относится процессы слияния и их последствия к преддиалектной эпохе, т. е. к третьему тысячелетию до н. э., нет никакой возможности. Курилович сам это чувствует; во втором издании он подчеркивает, что имеет в виду „доисторические и преддиалектные слияния“.¹³ Примеров он не приводит, и все факты, которыми он оперирует в дальнейшем, относятся к слияниям более позднего времени.

Помимо этой хронологической трудности, исходный пункт в рассуждении Куриловича представляется извращением действительных соотношений. Основой всей гипотезы является тот факт, что слияние предшествующего ударного гласного с последующим неударным и слияние предшествующего неударного с последующим ударным приводит к двойственности интонаций только в последнем слоге слитной формы. Чем же объяснить, что в предшествующих слогах слияние в обоих случаях приводит не к двойственному, а к единому результату? Всегда это толковали в том смысле — и другой возможности истолкования нет, — что нейтрализация циркумфлексной и акутовой интонаций в других слогах вызвана законом ограничения ударения. Закон ограничения является не следствием, а предпосылкой того явления, из которого исходит Курилович. Таким образом, устанавливаемая связь между интонациями и законом ограничения ударения оказывается мнимой. Вместе с этим падает и другое утверждение автора, который ссылается на отсутствие закона ограничения

ударения в ведийском и балто-славянском как на аргумент против истолкования интонаций в качестве результатов индоевропейских слияний.¹⁴ Если бы действительно греческие интонации не были унаследованы и возникли в результате греческих же слияний, это произошло бы уже после того, как установился закон об ограничении ударения. Для самого же закона надо искать другого объяснения.

В этих условиях новая догадка о происхождении греческой зоны ударности покажется, вероятно, не лишней.

Примем вместе с Гэдли и Шахматовым, что в греческом слове за ударной морей восходящего тона имеет место постепенное нисхождение, для которого язык располагает двумя тонами. Эта послеударная часть неокситонного слова может содержать либо одну мору, либо две, либо при трохеическом исходе слова (— ∪) три моры, при том, однако, условии, что одна из мор долгого гласного акцентно мертва, так что и в этом случае нисходящая часть имеет два тона. В каких условиях создалось в греческом языке такое тональное движение?

Исследователи (Уилер, Гирт и др.) неоднократно отмечали, что закономерности энклитических групп совпадают с общим законом о границах зоны ударности. Думаю, что можно пойти дальше и в энклитических группах, состоящих из ортотонического слова и частицы или местоимения, обнаружить модель закона о зоне ударности.

Мы уже видели (стр. 66), что некогда ортотоническое слово получало в энклитической группе конечное ударение: $\acute{\epsilon}\nu\theta\acute{\alpha}\lambda\epsilon < \acute{\epsilon}\nu\theta\alpha \delta\epsilon$, $\tau\acute{o}\sigma\sigma\acute{o}\varsigma\gamma\epsilon < \tau\acute{o}\sigma\sigma\acute{o}\varsigma \gamma\epsilon$, ср. лат. тип *bonāque*. И.-е. энклитические частицы и местоимения были как правило односложные: *k^he, ср. д.-и. са, греч. τε, лат. que; *ue, *uo, ср. д.-и. va vā, греч. Fω-ς, лат. ve; д.-и. tē, греч. μοι; д.-и. tā, греч. με. Все неокситонные типы греческого ударения в ритмико-вокалическом отношении эквивалентны тональному типу, возникающему из сочетания конечной ударной моры ортотонического слова и энклитического односложника. Действительно, слог с кратким гласным содержит одну гласную мору; слог с долгим гласным или дифтонгом, имеющим краткий первый элемент, содержит две моры, и ему эквивалентны два кратких гласных; слог со „сверхдолгим“ (—) дифтонгом, имеющим долгий первый элемент, тоже двухморен, но ему, с ритмико-вокалической точки зрения, эквивалентен трохей (— ∪) с отсутствием тонального движения внутри долгой части. Здесь возникают следующие типы:

. . × ∪ (τε), ср. μεγάλα, γυναικες;

... $\times \overline{\cup}$ (πως, ποτε), ср. πολίτης, πόλεμος;
 ... $\times \overline{\cup}$ (τωι, σφωε), ср. πολέμω, ἀνθρώπος.

Это, с одной стороны, тип ударения на предпоследней мере, т. е. дорийское центральное ударение, и тип ударения на мере, предшествующей конечному ансамблю, т. е. общегреческое дальнейшее ударение.

Тональное движение, установившееся в энклитических группах с односложной или ритмически эквивалентной ей энклитикой, перешло затем на другие энклитические группы, в том числе на возникшие из энклитических групп составные слова, которые получили при этом, как мы уже видели (стр. 86), рецессивное ударение: *ἐφερομεν > ἐφερομεν, *ἀποφερω > ἀποφέρω, *ἀποδίδωμι > ἀποδίδωμι. Основную массу слов, имевших ударение далее чем на третьем от конца слоге, составляли сложные слова. Передвижение ударения в этих словах вперед повлекло за собой аналогичное передвижение в простых словах: *φερόμενος > φερόμενος.

Распространение тонального движения, возникшего в энклитических группах с односложной энклитикой, легче всего объяснить, если это было тональное движение какого-то нового типа. Самое возникновение конечного ударения в ортотоническом слове перед энклитикой, очевидно, знаменовало его какое-то новое качество, централизовавшее вокруг него энклитическую группу. Труднее установить, в чем состояло это качество. Это могло быть, например, усиление динамического момента.¹⁵

Картина усложнится, если мы примем вместе с Фортунатовым, что и.-е. прерывистая долгота была нисходяще-восходящей,¹⁶ а длительная (по крайней мере в дифтонгах) — восходяще-нисходящей.¹⁷ Как нам известно (стр. 41), в греческом языке обремененное ударение имеет восходяще-нисходящий, а острое ударение — восходящий ход. Это означает, что в греческом языке произошло коренное изменение природы интонаций. Если и.-е. прерывистая долгота была нисходяще-восходящей, а длительная — восходяще-нисходящей, то краткому ударному гласному, вероятно, присуще было нисходящее тональное движение. В этих условиях новизна конечного ударения ортотонического слова в энклитической группе могла состоять в том, что это фразовое ударение было восходящего типа, создавало кульминацию в точке стыка ортотонического и энклитического слова, за которой следовало нисходящее тональное движение энклитики. Это был именно тот тип ударения большей централизующей силы, который, зародившись в рассмотренных нами группах, рас-

пространился на все другие положения, вытеснив другие типы. С созданием восходящего акута на кратком гласном перестроились и другие виды греческого ударения, акут на долгом и циркумфлекс, принявшие отныне свою исторически известную нам форму. При этом в дифтонгах, находившихся в исходе слова, старая прерывистая долгота перешла в греческую акутовую интонацию, а старая длительная долгота — в греческую обложенную интонацию. Отсюда то противоречие между греческим и балто-славянским ударением, которое мы видели в дифтонгах (стр. 105). В связи с этой реинтерпретацией старых дифтонгов окончания дательного падежа, восходящие к древним дифтонгам с первым долгим элементом, которые имели и.-е. долготу особого типа,¹⁸ получили обложенное ударение — $\tilde{\phi}$, $\tilde{o}\iota\varsigma$. При последующих греческих слияниях создавшийся тип обложенного восходяще-нисходящего ударения приобрел большую продуктивность — $*\acute{\alpha}\chi\alpha\theta\acute{o}\sigma > \acute{\alpha}\chi\alpha\theta\tilde{\omega}$ или $\acute{\alpha}\chi\alpha\theta\tilde{o}\tilde{\omega}$, $\pi\acute{o}\iota\epsilon\omega > \pi\acute{o}\iota\tilde{\omega}$, $\eta\mu\epsilon\rho\acute{\alpha}\omega\nu > \eta\mu\epsilon\rho\tilde{\omega}\nu$ и т. д. — и распространился за первоначальные пределы (стр. 86), особенно в ионийско-аттической ветви.¹⁹

Если предложенное объяснение закона о зоне ударности правильно, то дорийское центральное ударение на предпоследней мере древнее, чем ионийско-аттическое на первой мере конечного ансамбля. Разница между этими двумя типами имеет место только при трохеическом исходе слова, где дорийскому парокситону соответствует ионийско-аттический пропериспомен. Возникновение пропериспомена безусловно связано с греческими слияниями: $\nu\acute{\iota}\chi\theta\acute{o}\mu\epsilon\nu > \nu\acute{\iota}\chi\theta\tilde{\mu}\epsilon\nu$. Слияния эти поддержали развившийся в греческом языке тип восходяще-нисходящего обложенного ударения и содействовали тому, что в ионийско-аттическом диалекте при ударении на долгом гласном трохеического исхода слова это ударение перешло со второй меры на первую в соответствии с местом ударения неслитной формы. Обложенное ударение на предпоследнем слоге стало формой рецессивного ударения для двусложных слов; таковы глаголы $\eta\lambda\theta\tilde{o}\nu$, $\eta\gamma\tilde{o}\nu$, или существительные среднего рода $\sigma\tilde{o}\mu\alpha$, $\delta\tilde{o}\rho\omega\nu$ и т. д.

Закон о зоне ударности — важнейшее отличие греческого ударения от свободного индоевропейского, сохранившегося в ведийском языке. Однако сопоставление греческих слов с соответствующими ведийскими²⁰ обнаруживает некоторые отклонения, не зависящие от закона о зоне ударности. Не следует думать, что инновации всегда на стороне греческого языка. Языки со свободным ударением очень часто допускают диалектные варианты, и нет оснований думать, чтобы в общеиндоевропейском языковом состоянии дело обстоило.

иначе. Тем не менее, как мы уже говорили (стр. 103), ведийское ударение в общем консервативнее греческого и отклонения греческого от ведийского требуют исторического объяснения. Одну из закономерностей, управляющих этими отклонениями, удалось обнаружить Уилеру в неоднократно уже упоминавшейся книге о греческом именном ударении.²¹ Согласно закону Уилера, окситонные слова дактилической слоговой структуры переносят в греческом языке ударение на слог назад: — $\cup\cup$ > — $\cup\cup$. Так, и.-е. прилагательные с суффиксом *-lo- окситонны: $\pi\alpha\chi\upsilon\lambda\acute{o}\varsigma$, ср. д.-и. $ba\acute{h}ulāḥ$, но $\pi\omicron\iota\kappa\iota\lambda\acute{o}\varsigma$, ср. д.-и. $re\acute{s}alāḥ$, $\acute{\alpha}\gamma\chi\upsilon\lambda\acute{o}\varsigma$ — д.-и. $aṅkurāḥ$, $\alpha\iota\acute{o}\lambda\acute{o}\varsigma$, $\sigma\tau\omicron\mu\acute{o}\lambda\acute{o}\varsigma$ и т. д. То же в составных словах: $\beta\omicron\upsilon\mu\acute{o}\lambda\lambda\acute{o}\varsigma$, но $\beta\omicron\upsilon\kappa\acute{o}\lambda\acute{o}\varsigma$, $\pi\alpha\tau\rho\iota\kappa\acute{o}\tau\omicron\nu\acute{o}\varsigma$. Закон этот все же имеет много исключений. Отход окситонного ударения на мору назад встречается и в словах с недактилическим исходом, и наоборот — слова с дактилическим исходом иногда сохраняют свою окситонность. Поэтому уже давно возникали сомнения в правильности закона Уилера.²² Однако всегда приходится считаться с возможностью аналогических воздействий в разные стороны, так что закона Уилера эти исключения, может быть, и не компрометируют. Самая закономерность связана, вероятно, с тенденцией ослабить противоречие между тоническим и ритмическим движением слова: в дактилическом исходе ритмическое движение влечет к сверхкраткости, а тоническое к удлинению конечного гласного.²³ Некоторые другие спорадические отклонения греческого языка от ведийского Гирт пытался обобщить в формуле об отступлении ударения с предпоследней моры на предшествующую,²⁴ например греч. $\nu\acute{\eta}\mu\acute{o}\varsigma$, д.-и. $nā\acute{v}i\upsilon\alphaḥ$, но сам признавал, что не все в этом законе ясно.

Против всех попыток установить фонетические законы отклонений греческого ударения от древнеиндийского, помимо закона о зоне ударности, выступил Курилович. Он считает, что все отклонения имеют не фонетическое происхождение, а вызваны аналогическими процессами в связи с колебаниями колонки ударности в именном склонении. Несомненно, он во многом прав, и предшествующие исследователи, главным образом Гирт, напрасно искали фонетические законы там, где мы в действительности имеем дело с морфологическими процессами. Закон Уилера я все же сохранил бы, а те отклонения, о которых писал Гирт, надо объяснять либо следуя Куриловичу, либо считать вариантами, унаследованными от общеиндоевропейского языкового состояния.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРЕЧЕСКОЙ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Древнегреческая акцентологическая система, функционирование и происхождение которой мы рассматривали в предыдущих главах, возникла еще в общегреческом языке и существовала вплоть до времен античной *χοινή*. Здесь она перешла в иную систему, функционирующую в греческом языке до настоящего дня. Трансформация эта захватила не только акцентную систему, но распространилась и на все просодические отношения. Количественная разница между краткими и долгими гласными исчезла; вместе с тем отошла в прошлое и система интонаций. Ударение стало по преимуществу динамическим, хотя и сохранило, особенно в диалектах,¹ момент музыкальности.² Ударный гласный, не в исходе слова, длительнее, чем неударный. Место ударения в основном осталось старое; небольшие отклонения вызваны по большей части процессами морфологической аналогии, акцентным воздействием одних форм слова на другие.³ В результате современный греческий язык имеет ограниченно-свободное ударение, располагающееся на одном из трех конечных слогов слова. Варианты ударной колонки в парадигме склонения и спряжения, зависевшие в античной системе от количества последнего гласного, в настоящее время уже являются немотивированными. В письме сохраняются древние обозначения долгих гласных или дифтонгов и даже знаки акута, грависа и циркумфлекса по античным правилам; но это графические варианты, за которыми уже не лежат фонетические противопоставления. Соответственно изменилось и использование просодии в стихе. Стихосложение из квантитативного стало тоническим.⁴

Переход, полный или частичный, музыкального ударения в динамическое представляет собой явление, наступившее

во всех ветвях индоевропейских языков. Причины этого перехода пока не установлены и вряд ли могут изучаться в рамках одного языка. Недостаточно исследован и более частный вопрос — о соотношении между динамизацией ударения и утратой количественных противопоставлений. Оба эти процесса явно взаимосвязаны, но является ли один — и какой именно — причиной другого, остается неясным. Обычно принято считать, что ведущая роль принадлежит ударению, что переход музыкального ударения в динамическое механически приводит к удлинению ударного гласного и сокращению неударных гласных; это сопровождается упадком самостоятельных квантитативных противопоставлений. Не входя в эти сложные проблемы, мы ограничимся вопросом о датировке перехода одной акцентной системы в другую в греческом языке. Процесс перехода одного ударения в другое был несомненно медленным и длительным, но нас будет интересовать момент, когда новое качество уже обнаруживается в языке.

Прямых свидетельств об изменении акцентной системы нет. Для говорящих эти медленные языковые изменения проходили незамеченными. Византийцы, например, не подозревали, что их ударение чем-либо отличается от древнего. Для датировки акцентной трансформации приходится обращаться к данным косвенного порядка.

П. Кречмер в 1890 г. опубликовал статью, в которой пытался определить время перехода греческого музыкального ударения в динамическое на основании потери чувства количественных противопоставлений гласных в письменных документах.⁵ Изучая по папирусам и надписям различные формы дисграфии гласных, он пришел к выводу, что со II в. до н. э. смешение между ϵ и γ , между $\omicron$ и ω , постановка $\epsilon\iota$ для ι и $\alpha\iota$ для ϵ приобретают уже настолько частый характер, что можно говорить о начавшейся в это время утрате различия между краткими и долгими гласными. Более того, он находил, что в большинстве случаев буквы, употреблявшиеся для долготы, обозначают ударный гласный, а буквы, служившие для краткости, — неударный. Это позволило ему заключить о переходе музыкального ударения в динамическое в народно-разговорном греческом языке II—I вв. до н. э. Тем самым исчезало и различие интонаций.

Более поздние исследования не подтвердили результатов Кречмера. Ряд фактов, которые он приводит, оказался основанным на ошибочных чтениях. Подробное исследование фонетики эллинистических папирусов, предпринятое Майзером,⁶ показало, что путаница одинаково происходит в удар-

ных и неударных слогах и что, например, ϵ вместо $\dot{\epsilon}$ гораздо чаще встречается в неударном, чем в ударном слоге. Для вывода, что ударный гласный стал произноситься более длительно, материал дисграфий эллинистического времени не дает оснований. Различение между ϵ и η и т. д. в письме всегда было связано не только с количественными, но и с тембровыми противопоставлениями. Так, в классический период истории греческого языка краткие ϵ , o были закрытыми, а долгие η и ω — открытыми. В дальнейшем процесс монофтонгизации греческих дифтонгов привел к перестройке фонологической системы, в результате которой в парах ϵ — η , o — ω краткий и долгий член противопоставления поменялись местами в смысле своей тембровой характеристики: краткие стали открытыми, долгие — закрытыми.⁷ В этом процессе взаимного передвижения звуков ощущение их тембрового противопоставления ослабевало и явилось причиной той путаницы в письме, из которой исходил Кречмер. К тому же орфография египетских папирусов, в которой отражались навыки иноязычного населения, недостаточно усвоившего греческий язык, не может быть показательной для процессов, совершавшихся в европейской Греции.

Метод Кречмера оказался, таким образом, неудачным. С другой стороны, Мирамбель⁸ обратил внимание на то, что процесс превращения греческих дифтонгов (с первым кратким элементом) в монофтонги, который тянется с V по I в. до н. э., происходил одинаковым образом и в одинаковое время для дифтонгов под ударением и без ударения. Эта равномерность редукции ударного и неударного дифтонгов свидетельствует о том, что сколько-нибудь значительного усиления ударного гласного в это время еще нет. Дата, предложенная Кречмером для перехода греческого музыкального ударения в динамическое, оказывается слишком ранней.

Разумеется, при широком распространении греческого языка в эллинистический и римский периоды среди населения с другими языковыми навыками, в разных областях этот переход мог происходить в разное время, но нас здесь интересует коренная Греция и литературный греческий язык. Наиболее достоверными данными для датировки интересующего нас процесса мы располагаем в использовании ударения для ритмической организации художественной речи. Просодические отношения языка служили материалом для стиха и ритмической прозы. Со времен Исократа ритмическая концовка (клаузула) была необходимым средством организации речи в прозаическом произведении, претендовавшем на некоторую литературность. К просодическому развитию языка

проза, в особенности ораторская речь, обращавшаяся к живой аудитории, была более чувствительна, чем поэзия, и первые несомненные свидетельства о совершившейся в языке просодической трансформации мы имеем именно в прозе. Квантитативная клаузула, учитывавшая долготы и краткости, переходит в акцентную, учитывающую ударение.

В. Мейер, установивший впервые эту смену в ритмическом принципе клаузулы, следующим образом сформулировал свои наблюдения: в греческой прозе IV—XVI вв. н. э. господствует принцип регулирования двух последних ударений перед смысловой паузой таким образом, чтобы между ними находилось не менее двух неударных слогов; послеударная часть последнего слова уже не нормируется: *διαλέγονται ἄνθρωποι; ἀπάντων ἀνθρώπων; ἅπας σοφός; σοφίαν τιμᾷ.*⁹ Долгота и краткость как ударных, так и неударных слогов при этом безразличны. Потеря просодической значимости квантитативных отношений, счет слогов вместо счета мор — все это свидетельствует о доминирующей роли динамического ударения. Поскольку закон этот применяется в художественной прозе начиная с IV в. н. э., можно считать, что во II—III вв. н. э. соответствующее просодическое качество уже установилось в языке.¹⁰ Подготавливалось оно, конечно, давно, и накопление динамического момента в ударении происходило постепенно.

Поэзия была консервативнее и продолжала применять по традиции старую квантитативную метрику тогда, когда в живом языке для нее уже не было основания.¹¹ Нонн и его школа (V в. н. э.), пользующиеся старым стихосложением, начинают, правда, учитывать ударение в наиболее чувствительной конечной части стиха. В конце гексаметра Нонн избегает пропарокситонных слов. Однако систематическое стремление хотя бы частично сочетать стиховое повышение с словесным ударением появляется у представителей квантитативной поэзии лишь позже (византийские анакреонтики), между тем как христианская поэзия гимнов уже с конца IV в. н. э. переходит на акцентуирующий принцип (Григорий Назианзин).¹²

Таким образом, переход музыкального ударения в динамическое совершился в греческом языке примерно в то же время, что и в латинском. Это далеко не единичный пример общих процессов, происходивших в греческом и латинском языках в эпоху империи.¹³

Совершившаяся в языке акцентологическая трансформация отразилась и в терминологии грамматиков. Как уже было сказано, они о трансформации не подозревали и продолжали

применять старые акцентологические термины музыкального происхождения, сопровождая их комментариями, свидетельствующими о динамическом характере ударения: ῥωννύσαι 'усиливать', σφοδρῶς 'сильно', χροιστικῶς 'громко' — терминами такого рода византийские грамматики поясняют новое греческое ударение.¹⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ О понятии слога см.: A. A. Hill. *Juncture and syllable division*. *Language*, 30, 1954, стр. 439—447; M. Durand. *La notion de syllabe*. *Orbis*, IV, 1955, стр. 230—234; B. Malmberg. *The phonetic basis for syllable division*. *Stud. Linguistica*, 9, 1955, стр. 70—87; E. Haugen. *The syllable in linguistic description*. For Roman Jakobson. Den Haag, 1956, стр. 213 сл.

² R. Jakobson. *Über die Beschaffung der prosodischen Gegensätze*. „*Mélanges van Ginneken*“, Paris, 1937, стр. 25 сл.; N. Trubetzkoy. 1) *Die phonologischen Grundlagen der sogenannten „Quantität“*. *Scritti in onore di A. Trombetti*. Milano, 1938, стр. 155 сл. 2) *Grundzüge der Phonologie*. *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 7, 1939; M. Sánchez Ruipérez. *Cantidad silábica y métrica estructural en griego antiguo*. *Emerita*, XXIII, 1955, стр. 79 сл.; И. М. Тронский. *Слоговая структура древнегреческого языка и греческое слоговое письмо* (печатается в сб. в честь акад. В. В. Струве).

³ N. Trubetzkoy, ук. соч.

⁴ Теоретически возможно, что $\mu\alpha\lambda$ - членилось не $\mu\alpha$ - λ -, а $\mu\alpha^{\lambda}$ - λ -, но разрешить этот вопрос с фонетической точностью невозможно, а функционально предполагаемое нами членение вытекает из краткости, т. е. однородности слога $\mu\alpha$ - и долготы, т. е. двухморности слога $\mu\alpha\lambda$ -. К тому же если бы сильноначальный согласный ощущался принадлежащим к обеим морам, в письме возникала бы тенденция к его удвоению, чего обычно, кроме как в согласном σ , не наблюдается. Предположение Марузо (*Qu'est-ce que l'allongement „par position“?* *Rev. d. Etud. Latines* XXXII, 1954, стр. 100—102 и *L'allongement dit „par position“ dans la métrique Latine*. Там же, XXXIII, 1956, стр. 344—351) о том, что к сильноначальному согласному закрытого слога надлежало бы присоединить первую часть следующего за ним согласного (в нашем примере $\mu\alpha\lambda^{\pi}$ - $\pi\eta$), наталкивается на возражение того же порядка: мы ожидали бы тенденции к удвоенному написанию второго согласного.

⁵ „*Mélanges Graux*“, 1884, стр. 737 сл. = F. de Saussure. *Recueil des publications scientifiques*. Genève—Heidelberg, 1922, стр. 464 сл.

⁶ W. Kroll. *Randbemerkungen*. *Rhein. Mus.*, LXII, 1907, стр. 91—101.

⁷ Ἐκ δὲ τῶν γραμμάτων τοσοῦτων τε ὄντων καὶ δυνάμεις τοιαύτας ἐχόντων αἱ καλούμεναι γίνονται συλλαβαί. τούτων δὲ εἰσὶ μακραὶ μὲν ὅσαι συνεστήκασιν ἐκ τῶν φωνηέντων τῶν μακρῶν ἢ τῶν διχρόνων, ὅταν μακρῶς ἐκφέρηται, καὶ ὅσαι λήγουσιν εἰς μακρὸν ἢ μακρῶς λεγόμενον γράμμα, ἢ εἰς τι τῶν ἡμιφώνων τε καὶ ἀφώνων· βραχεῖαι δὲ ὅσαι συνεστήκασιν ἐκ βραχείος φωνήεντος ἢ βραχέως λαμβανομένου, καὶ ὅσαι λήγουσιν εἰς ταῦτα (p. 57 U.—R.).

Перевод заимствован из сб. „*Античные теории языка и стиля*“ (М.—Л., 1936, стр. 115).

⁸ О слогоделении в греческом языке см.: E. Hermann. Silbenbildung im Griechischen und in den andern indogermanischen Sprachen (Ergänzungsheft zur Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, № 2), 1923; А. А. Белецкий. Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка). Киев, 1950, стр. 238; И. М. Тронский, ук. соч.

⁹ Ср. стр. 5.

¹⁰ И. М. Тронский, ук. соч.; ср. также: прим. 6 к гл. I.

¹¹ За известными исключениями — *muta cum liquida* и пр.

¹² R. Hiersche. Herkunft und Sinn des Terminus „positivne longa“. Forschungen und Fortschritte, 31, 1957, стр. 280—285.

¹³ Περὶ συνθέσεως ὀνομάτων 18, 119, р. 78 U.—R.

Глава I

¹ H. Steinthal. Geschichte der Sprachwissenschaft, Bd. I. Berlin, 1890; H. Diels. Die Anfänge der Philologie bei den Griechen. Neue Jahrbücher f. d. klass. Altertum, 25, 1910, стр. 1 сл.; И. М. Тронский.

1) Из истории античного языкознания. Сов. языкозн., 2, 1936, стр. 21 сл.; 2) Проблемы языка в античной науке. Сб. „Античные теории языка и стиля“, 1936, стр. 7 сл.

² Fr. 48 D (Etymologicum Genuinum s. v. βίος), перевод Маковельского.

³ Δισσοὶ λόγοι (Διαλέξεις); см.: H. Diels. Die Fragmente der Vorsokratiker, № 83.

⁴ Трактат „Двойные речи“ построен так, что по каждому вопросу излагается два мнения — сначала радикальное, софистическое, утверждающее, что одно и то же является одновременно носителем противоположных качеств — добрым и злым, справедливым и несправедливым и т. д., а затем консервативное, настаивающее на абсолютном различии этих противоположных качеств „как в отношении имени, так и в отношении предмета“ (διαφέρον ὥστερ καὶ τὸν ὄνομα οὕτω καὶ τὸ πρᾶγμα). С. Я. Лурье („История античной общественной мысли“, М. — Л., 1929, стр. 271) высказал весьма вероятное предположение, что „консервативное“ рассуждение восходит к пифагорейскому источнику (в распространительном толковании термина „пифагорейцы“, ср. Δισσοὶ λόγοι 6, 8: Ἀναξαγόρειοι καὶ Πυθαγόρειοι). В пифагорейском его источнике, по крайней мере по отношению к упоминанию ударения, не сомневается и С. В. Меликова-Толстая („Из истории греческой научной мысли и научной терминологии“. Сб. „Памяти академика Н. Я. Марра“, 1939, стр. 407—408).

⁵ Δισσοὶ λόγοι 5, 11.

⁶ Колбасник во „Всадниках“ Аристофана признается, что из музыки он ничего не знает, кроме букв (ст. 188) — οὐδὲ μουσικὴν ἐπίσταμαι, πλὴν γραμμάτων. В состав обучения „грамоте“ входило не только умение пользоваться буквами (στοιχεῖα), но и деление слова на слоги (συλλαβαί). О γραμμάτων συλλαβαί упоминает уже Эсхил (Septem 458), ср. Платон Theaet. 202 сл. Вопросы осознания слогового строя греческого языка встали теперь с новой остротой в связи с дешифровкой крито-микенского слогового письма В. Установленные Вентрисом правила этого письма (M. Ventris and J. Chadwick. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1956, стр. 42 сл.; ср. также: С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. М.-Л., 1957) указывают на то, что заканчивающие слог звуки l, m, n, r, s в письме опускаются, в то время как смычный согласный, предшествующий другому согласному, выражается в письме, получая при этом слоговой гласный следующего слога: ka-ko = χαλκός, но a-re-ku-tu-ru-wo = Ἀλεξτροῦν. Таким образом, уже в микенскую эпоху были ясны

разница между отдельными согласными в смысле их функции в слоге, и согласный, могущий быть в группе согласных только сильноначальным или находиться в конце слова, в письме опускался, а в группе, способной быть сильноконечной, согласные выражались вместе с гласным своего слогового центра. l, m, n, r, s — те самые согласные, которые в последствии получили наименование безгласных звучных (*ἄφωνα οὐκ ἄφθονα*), или полугласных (*ἡμίφωνα*). Из этого мы видим, к сколь давним временам восходят начала греческой фонетики.

⁷ Плутарх, *Per.* 4. Собрание фрагментов Дамона — после Вилламовица (*Griechische Verskunst*, Berlin, 1921, стр. 63—66) у Диалса (*Fragmente der Vorsokratiker* — начиная с 4 изд., № 25^a). О Дамоне см.: А. Е. Раубитсчек. *Damon. Class. et Mediaev.*, XVI, 1955, стр. 78—83.

⁸ Фрагмент, приводимый Александром в комментарии к „Метафизике“ Аристотеля (14, 6); см.: „Античные теории языка и стиля“, стр. 35. Ср.: H. Usener. *Lectiones Graecae*. Rhein. Mus., XXV, 1870, стр. 590; I. Kirchner. *Prosopographia Attica*, I. Berlin, 1901, № 2526.

⁹ Аристотель, *Poet.* 20.4. Перевод Новосадского. Аналогичное указание мы находим и в трактате о частях животных (II, 16, 669^a, 2—8): „Речь составляется голосом из букв, а если бы язык и губы не отличались подвижностью, большую часть букв нельзя было бы произнести: одни из них — прикладывания языка, другие — складывания губ. О том же, каковы они, сколько их и в чем их отличия, надлежит осведомляться у метриков“.

¹⁰ P. Hanschke. *De accentuum Graecorum nominibus*. Diss., Bonn, 1914.

¹¹ См. гл. II.

¹² Ἀριστοξένου ἁρμονικῶν τὰ σωζόμενα. Die harmonischen Fragmente des Aristoxenus. Hrsg. von P. Marquard, Berlin, 1853; Aristoxeni elementa harmonica. Rec. R. da Rios, Romae, 1954; R. Westphal. Aristoxenus von Tarent. Melik und Rhythmik des classischen Hellenenthums, I—II. Leipzig, 1883, 1893; L. Laloy. Aristoxène de Tarente et la musique de l'antiquité. Paris, 1904.

¹³ P. Hanschke (ук. соч., стр. 123) считает его одним из ранних перипатетиков начала III в.

¹⁴ Трактат *Περὶ τῆς τῶν τόνων εὐρέσεως καὶ τῶν συγμίστων αὐτῶν*, сохранившийся в *Parisinus* 2102 (так наз. эпитома Аркадия) и *Parisinus* 2608 (грамматика Феодосия), принадлежит, вероятно, Феодосию. См.: C. G. Alland. *De Arcadii qui fertur libro*. Diss. philolog. Argentoratenses, 7, стр. 18. Текст напечатан у Ленца в издании Геродiana (т. I, стр. XXXVIII—XL).

¹⁵ В первую очередь К. Э. Шмидтом (*Beiträge zur Geschichte der Grammatik der Griechen*. Halle, 1859, стр. 571 сл.).

¹⁶ B. Laum. *Das alexandrinische Akzentuationssystem unter Zugrundelegung der theoretischen Lehren der Grammatiker und mit Heranziehung der praktischen Verwendung in den Papyri*. Studien zur Gesch. u. Kult. d. Altertums, 4. Ergänzungsband, 1928.

¹⁷ Имеются в виду такие случаи, как например *παιδεύετον* и *παιδεύε τον*.

¹⁸ Материал этот собран в известной книге: K. Lehrs. *De Aristarchi studiis Homericis*. Regimontii, 1833. 3-е изд. — Lipsiae, 1882.

¹⁹ Особенно важны данные Псевдо-Сергия: *Grammatici Latini*, IV, p. 529—532; ср.: F. Schöll. *De accentu linguae Latinae veterum Grammaticorum testimonia*. Acta soc. philolog. Lipsiensis, VI, 1886, стр. 79 сл.

²⁰ L. Cohn. *De Heraclide Milesio grammatico*. Berl. Studien, I, 1884, стр. 630 сл.

²¹ 5 книг *Περὶ προσωδίων* (Suid.), сочинения *Περὶ τόνων* (ср.: *Synt.* 131, 1), *Περὶ κατηχημαζμένων τόνων* (Suid., Choeroboscus I, 395, 30 H), *Περὶ τῶν*

διεφευσμένων τόνων (De adverb. p. 169, 25; о значении терминов *κατηναγχασμένους τόνους* и *διεφευσμένους τόνους* см.: K. Lehrs, ук. соч., стр. 384 сл.), *Περὶ σχολίων τόνων* (Suid.). Фрагменты всех этих сочинений собраны у Шнейдера в издании фрагментов Аполлония (Grammatici Graeci, II, 3, стр. 10—16); там же обзор материалов об ударении в сохранившихся произведениях Аполлония.

²² Иоанн Александрийский. *Τονικά παραγγέλματα*, p. 4, 9 (Dind.).

²³ Ср. изложение спора об аналогии и аномалии у Баррона: *De lingua Latina*, VIII—X.

²⁴ *Herodiani Technici reliquiae*. Collegit, disposuit, emendavit, explicavit, praefatus est Augustus Lentz. Tomus I praefationem et Herodianum prosodiam catholicam continens. Lipsiae in aedibus B. G. Teubneri, 1867, CCXXVIII + 564 p. Tomi II fasciculus prior, reliqua scripta prosodiaca, pathologiam, orthographica continens, ibid., 1868, 611p. Tomi II fasciculus posterior, scripta de nominibus, verbis, pronominiibus, adverbis et librum monadicorum continens. Accedunt indices ab Arturo Ludwich confecti, ibid., 1870, V + 612 — 1264 p.

²⁵ В тех рукописях, где эпитома приписывается Феодосию, имеется перед началом первой книги надпись: *Κανόνες τῆς Καθολικῆς Προσφθίας τοῦ σοφιστῆτος Ἡρωδιανοῦ, οὗς περιέτεμε Θεοδοσίος ὁ γραμματικὸς φυλάξας τὸν ἀριθμὸν τῶν βιβλίων*.

Эпитома эта была издана Э. Г. Бэркером (E. H. Barker) (*Ἀρχαῖος περὶ τόνων*, 1820) и М. Шмидтом (1860).

²⁶ L. Cohn, PWRE, 2, 1153 сл.

²⁷ *Τονικά παραγγέλματα*, изданные вместе с трактатом Геродиана *Περὶ σχημάτων* В. Диндорфом (1825), см.: A. Ludwich. *De Ioanne Philopono grammatico*. Ind. lect. Königsberg, 1888—1889.

²⁸ Акцентологический труд Иоанна Филопона „О разноударенных и разнозначащих словах“ (*Περὶ τῶν διαφόρων τόνουμένων καὶ διαφορὰ σημαίνοντων*) лучше всего издан П. Эгенольфом (*Vratislaviae*, 1880). Источниками для этого сочинения могли послужить работы типа трактатов Геренния Филона (I—II вв. н. э.) — *Περὶ διαφορῶν σημαίνονμένων*, Аммония — *Περὶ ὁμοίων καὶ διαφορῶν σημαίνονμένων*, Птолемея — *Περὶ διαφορῶς λέξεως* и т. п.

²⁹ В настоящее время лучше всего изданы у Гильгарда в т. IV „*Grammatici Graeci*“ (1894).

³⁰ *Περὶ ἐγκλησιμένων* — у И. Беккера: *Anecdota Graeca*, III (1821), p. 1149.

³¹ Это так называемый „Комментарий четырех мужей“, возникший не позже 600 г. и содержащий материал, экскерпированный из четырех источников: Дидим — *Περὶ τῆς Ἀριστάρχειου διορθώσεως* („О чтении Аристарха“), Аристоник — *Περὶ τῶν Ἀριστάρχου σημείων* („О критических знаках, применявшихся Аристархом“), Никанор — *Περὶ ἱλιακῆς στιμῆς* („О знаках препинания в «Илиаде»“; издано Л. Фридендером, 1850) и Геродиан — *Περὶ ἱλιακῆς προσφθίας*. Схолии эти впервые издал Анс де Виллазон (J. B. G. d'Anse de Villoison) в 1788 г.

³² Ср. отчеты о литературе к греческим грамматикам, составлявшиеся П. Эгенольфом в „*Jahresberichte über die Fortschritte der klassischen Alterthumswissenschaft*“ (XXXVIII, 1884, стр. 54 сл.; LVIII, 1889, стр. 265 сл.).

³³ См., например: P. Egenolff. 1) *Critica in Herodianum technicum*. Rhein. Mus., XXXV, 1880, стр. 98—104, 564—568; XXXVI, 1881, стр. 490—505; 2) *Ad Herodianum, περὶ διχρόνων librum*. Philologus, XXXIX, 1880, стр. 352—363; 3) *Die orthoepischen Stücke der byzantinischen Literatur*. Programm Mannheim. 1886—1887; 4) *Die orthographischen Stücke der byzantinischen Litteratur*. Programm Heidelberg. 1887—1888; A. Hil-

gard. Excerpta ex libris Herodiani Technici. Programm Heidelberg. 1886—1887; R. Schneider. Bodleiana. Lipsiae, 1887; а также P. Egenolff. Zu Lentz' Herodian. Philologus, LIX, 1900, стр. 238—255; LXI, 1902, стр. 77—132, 540—576; LXII, 1903, стр. 39—63.

³⁴ Ср. работы: С. Galland. 1) De Arcadii qui fertur libro de accentibus. Diss. Philolog. Argentoratenses, VII, 1882; 2) Die Quantitätslehre Herodians. Verhandl. d. XXXVI Versamml. deutsch. Philologen und Schulmänner, 1883, стр. 294—298; 3) Arcadius und das Bachmannsche Λεξικόν τῆς γραμματικῆς. Rhein. Mus., XXXVII, 1882, стр. 26—34; 4) Die Interpolationen im Arcadius. Hermes, XVII, 1882, стр. 24—33.

³⁵ Ἐκ τῶν Ἡρωδιανοῦ περὶ ἐγκλινομένων (Lentz, I, стр. 551—564). О псевдогеродиановском характере этого произведения см.: В. Лаум, ук. соч., стр. 143 сл., 488.

³⁶ Некоторые замечания о методе восстановления комментария четырех мужей на основании схолиев Venetus A и о вылушивании из этого комментария материалов, восходящих к Геродиану, см.: В. Лаум, ук. соч., раздел о гомеровских схолиях, стр. 65—98. Лаум считает, что ядро схолиев ВТ древнее Геродиана и содержит, особенно Т, материал аристарховской традиции.

³⁷ Это тем более следует помнить, что современные издатели в целях облегчения понимания эпиграфических текстов снабжают их надстрочными знаками (ударениями, придыханиями, долготами и т. д.), расставляя при этом ударения по правилам аттического диалекта, или κοινῆ, в памятниках таких диалектов, об ударении которых мы либо не имеем никаких сведений (например, в аркадо-кипрских надписях), либо наши данные являются очень неполными (например, в дорийских надписях). Эта практика акцентуации, рассчитанная на читателя, заинтересованного в содержании памятников, а не в их звучании, имеет свои основания, но нельзя забывать об условности такой акцентуации.

³⁸ Аристотель. Περί ποιητικῆς, 25, р. 461^a, 21—23.

³⁹ Аристотель. Περί σοφιστικῶν ἐλέγχων, р. 177^b, 2—7; οὐ γάρ ὁ αὐτὸς λόγος γίνεται διαιρούμενος, εἴπερ μὴ καὶ τὸ ὅρος καὶ ὅρος τῇ προσφθιά λεχθὲν σημαίνει ἕτερον. ἀλλ' ἐν μὲν τοῖς γεγραμμένοις ταῦτον ὄνομα, ὅταν ἐκ τῶν αὐτῶν στοιχείων γεγραμμένον ᾗ καὶ ὡσαύτως, καὶ κεῖ δ' ἤδη παράστημα ποιοῦνται, τὰ δὲ φθεγγόμενα οὐ ταῦτα.

⁴⁰ В. Лаум, ук. соч., стр. 106 сл.

⁴¹ См. прим. 16. Книга Лаума увидела свет с большим опозданием, лишь в 1928 г., и автор предварительно опубликовал свои важнейшие результаты в статье „Alexandrinisches und byzantinisches Akzentuationssystem“ (Rhein. Mus., LXXXIII, 1920, стр. 1—34).

⁴² J. Giessler. Prosodische Zeichen in den antiken Handschriften griechischer Lyriker. Diss., Giessen, 1923. Работа эта вышла до появления большой книги Лаума, но предварительная статья Лаума в „Rheinisches Museum“ Гислеру была уже известна, и он с ней отчасти полемирует.

⁴³ В. Лаум, ук. соч., стр. 431.

⁴⁴ См. стр. 10.

⁴⁵ В. Лаум, ук. соч., стр. 405.

⁴⁶ Такая же система акцентуации предупредного (а также послеударного) слога применяется в Ведах, и это совпадение показывает, что для музыкального ударения это было вполне естественным.

⁴⁷ См.: Ватиканские схолии к Дионисию Фракийскому, 153, 30 (Hilgard): ἐν τῇ [τελευταίᾳ] συλλαβῇ τῇ μὴ ἐχούσῃ τὸν κύριον τόνον τὸ παλαιὸν [ἐπὶ τέλους] ἐτίθετο· νῦν δὲ [ἐπὶ τέλους] εἰς τὸν τόπον τῆς ὀξείας ἐν τῇ συνεπείᾳ τίθεται· εἰ μὲν γὰρ εἴποις Εἰρηταὶ λόγος σοφὸς ὀξείαν εἰς τὸ -ΦΟΣ θῆσεις, εἰ δ' ἀναστρέψας εἴποις Σοφὸς Εἰρηταὶ λόγος βαρεῖαν εἰς τὸ -ΦΟΣ θῆσεις.

ἔδοξε δὲ οὕτω τοῖς νεωτέροις τῶν γραμματικῶν, ὥστε μήτε τὰ βιβλία καταχαράσσεσθαι ταῖς καθ' ἑκάστην συλλαβὴν βαρεῖαις, μήτε τὴν βαρεῖαν παντελῶς τοῦ τυποῦσθαι ἀποπεσεῖν παρὰ τὸ μὴ ὅλως ὑπουῆποτε τίθεσθαι.

О правомомерности теории Лаума см. гл. IV.

⁴⁸ J. Vendryès. *Traité d'accentuation Grecque*. Paris, 1929, стр. 14—16.

⁴⁹ В посмертной статье „Zur Frage über die Accentuation der Wörter und Wortformen im Griechischen“ (Rhein. Mus., XLIII, 1888, стр. 1—20, 220—235). Эта же статья была напечатана по-русски: К вопросу об акцентуации слов и грамматических форм в греческом языке. ЖМНП, 1889, январь, кл. фил., стр. 1—36.

⁵⁰ Неожиданную поддержку недавно получил взгляд Люгебиля со стороны такого осторожного и в общем склонного опираться на античные показания исследователя, как С. И. Соболевский. В статье „Заметки о греческом произношении на основании наблюдений над строением стиха в комедиях Аристофана и в трагедиях“ (Сб. „Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию“, 1956, стр. 225—240) С. И. Соболевский признал „скептические соображения Люгебиля“ „вероятно, во многих отношениях правильными“. Каких-либо дополнительных доводов к аргументации Люгебиля С. И. Соболевский не приводит. Надо думать, что эта позиция связана с сомнениями самого С. И. Соболевского относительно музыкального характера греческого ударения. В главе о природе греческого ударения будет показано, что эти сомнения не имеют достаточного основания.

⁵¹ B. Laum. *Über unsere Homerbetonung. Verzeichnis der Vorlesungen an der Staatlichen Akademie zu Braunsberg im Sommer 1926*.

⁵² Схолии А 52: Πάμφιλος θαμεῖται λέγει ὡς ὀξεῖται, Ἀρίσταρχος δὲ ὡς πυκιναί. ὁμοίως δὲ καὶ τὸ ταρρεῖται. Схолии Q 228: φωρισμῶν Ἀρίσταρχος ὡς χιψωτῶν.

⁵³ B. Laum. *Das alexandrinische Akzentuationssystem...* стр. 10 (со ссылкой на статью Кречмера в: *Ztschr. f. vergl. Sprachforschung*, XXX, 1890, стр. 591 сл.). См. ниже, стр. 114, 115.

⁵⁴ J. Wackernagel. *Beiträge zur Lehre vom griechischen Akzent*. Basel, 1893 (особенно раздел IV — о достоверности гомеровской акцентной традиции); *Akzentstudien III. Zum homerischen Akzent*. Nachr. v. d. Ges. d. Wiss. zu Göttingen. Phil.-hist. Kl., 1914, стр. 97—130.

⁵⁵ J. Wackernagel, ук. соч., стр. 30 сл. Ср.: *Ztschr. f. vergl. Sprachforschung*, XXV, 1881, стр. 36; *Berliner Philolog. Wochenschrift*, 1891, стр. 40.

⁵⁶ Изд. К. Яна 1882 г. Малые трактаты о греческой музыке собраны Карлом Яном (Carolus Janus) в сборнике: *Musici scriptores Graeci*, 1895.

⁵⁷ Напечатаны в „*Musici scriptores Graeci*“. Ср. также: Р. Грубер. История музыкальной культуры, т. I. 2-е изд., М., 1960.

⁵⁸ К упомянутому изданию К. Яна „*Musici scriptores Graeci*“ в 1899 г. было опубликовано дополнение „*Melodiarum reliquiae*“. Сюда вошли: фрагмент первого стасима „Ореста“ Эврипида, изданный Вессели (Mitteilungen aus der Sammlung der Papyrius Erzherzog Rainer, V. 1892); два эпиграфических гимна к Аполлону, найденные в Дельфах (Bull. de corresp. hellénique, XVII, 1893, стр. 569, ср.: XVIII, 1894, стр. 359, 389); эпиграфическая эпитafia Сейкила (Bull. de corresp. hellénique, VII, 1883, стр. 277); три гимна Месомеда, вольноотпущенника Адриана, изданные Беллерманом в 1840 г. С тех пор прибавлялись: оксиринхский папирус с гимном в честь Гермеса (Ох. Пар., VII, № 1015, III в. н. э.); берлинский папирус II в. н. э., изданный Шубертом в „*Sitzungsberichte der Preussischen Akademie*“ (XXVI, 1918, стр. 763 сл.); христианский гимн в Оксиринхе (Ох. Пар., XV, № 1786); каирский фрагмент, опубликован-

ный Маунтфордом в „Journal of Hellenic Studies“ (1931). Новые фрагментарные тексты были изданы в „Symbolae Osloenses“ (31, 1955, стр. 1—87). Подробные сведения о древнегреческих нотных текстах и литературе к ним за 1932—1957 гг. см. в обзоре: R. P. Winnington-Ingram. *Ancient Greek Music. Lustrum*, 3, 1958, стр. 5—57. Недавно опубликована новая монодия с музыкальной нотацией: Ох. Рар., XXV, № 2436, стр. 112—122. Известный нотный текст к 1-й пифийской оде Пиндара, изданный в XVII в. Афанасием Кирхером, вызывает сомнение в своей подлинности.

⁵⁹ Ср. предыдущее примечание. Гимнам этим посвящено подробное исследование: O. Crusius. *Die delphischen Hymnen. Untersuchungen über Texte und Melodien. Philologus*, LII, 1894, *Ergänzungsheft*.

⁶⁰ См. ниже, гл. VIII.

⁶¹ История этого вопроса получила очень подробное, быть может даже слишком подробное, изложение в исследовании: E. Drerup. *Die Schulaussprache des Griechischen von der Renaissance bis zur Gegenwart. Im Rahmen einer allgemeinen Geschichte des griechischen Unterrichts, I—II. Studien zur Gesch. und Kult. d. Altertums. Ergänzungsband, VI—VII, 1930—1932.*

⁶² *De recta Latini Graecique sermonis pronuntiatione* Des. Erasmi Roterodami dialogus. Basiliae, 1528.

⁶³ J. Vossius. *De poematum cantu et viribus rhythmici*. Oxonii, 1673.

⁶⁴ Henrici Christiani Henninii ΕΛΛΗΝΙΣΜΟΣ ΟΡΘΩΙΑΔΟΣ Seu Graecam linguam non esse pronuntiandam secundum accentus; Dissertatio paradoxa; qua legitima et antiqua linguae Graecae pronuntiatio et modulatio demonstratur; atque obiter de linguis earumque fati disputatur. Trajecti ad Rhenum, 1684.

⁶⁵ Написание греческих слов без ударения мы находим у ряда авторов XVIII в. Лессинг, очень часто приводящий греческие слова, никогда не ставит на них ударения; то же у Клопштока. Несомненно, что эти писатели произносили греческие слова по-генниниевски и считали традиционные ударения ошибочными. Интересно отметить, что М. В. Ломоносов тоже часто пишет греческие слова без ударений. Эту манеру он усвоил за границей: в Славяно-греко-латинской академии в Москве обучать могли только по византийской традиции. Очевидно, Ломоносов считал, что западноевропейское чтение основано на достижениях подлинной филологической науки в противность той церковной традиции, согласно которой он некогда сам обучался.

⁶⁶ Происходило это очень медленно. Во многих частях Германии и в Австрии в первой половине XIX в. продолжали читать по-генниниевски. В XX в. генниниевское ударение сохранялось в школьной практике Голландии и некоторых частей Англии. Упомянутое в прим. 61 исследование Дрерупа было вызвано тем, что этот немецкий ученый, приглашенный в 1923 г. на кафедру в Нимвеген, столкнулся у голландских студентов с непривычным для него произношением греческих слов по правилам латинского ударения и заинтересовался происхождением этой манеры. Еще в 1930 г. в Рединге (Англия) вышла книга: Sir G. Young. *Homer and the Greek accents* — в защиту произношения греческих слов по принципу „квантитативности“, будто бы одинаковому в греческом и латинском языках. Автор, специалист по староанглийскому стихосложению, является, конечно, совершенным дилетантом в области античной филологии.

⁶⁷ Godofredi Hermannii *De emendanda ratione Graecae grammaticae pars prima*, 1801, стр. 62: „Haec subtilius quam verius disputata esse“.

⁶⁸ C. Goettling. *Allgemeine Lehre vom Accent der griechischen Sprache*. Jena, 1835.

⁶⁹ Как собрание свидетельств разного характера, расположенное в историческом порядке, интересна своеобразная, несколько дилетантская книжка: K. F. S. Liskovius. Über die Aussprache des Griechischen und über die Bedeutung der griechischen Accente. Leipzig, 1825. Свидетельства о греческом ударении собраны на стр. 187—237.

⁷⁰ C. Goettling, ук. соч., стр. 4.

⁷¹ H. W. Chandler. A practical introduction to Greek Accentuation. Oxford, 1862; 2 изд. — 1881.

⁷² F. Bopp. Vergleichendes Accentuationssystem nebst einer gedrängten Darstellung der grammatischen Übereinstimmungen des Sanskrit und Griechischen. Berlin, 1854.

⁷³ А. Десницкая. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.—Л., 1955, стр. 61 сл.

⁷⁴ E. Sievers. Grundzüge der Lautphysiologie. Leipzig, 1876.

⁷⁵ J. Hadley. On the Nature and Theory of the Greek Accent. Transact. of the Am. Philolog. Association, 1869—1870. Напечатанная в мало распространенном американском издании статья эта стала более широко известна в Европе благодаря немецкому переводу, опубликованному в т. 5 издававшихся Георгом Курциусом „Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik“.

⁷⁶ Таким рецидивом является, например, обширное предисловие Шелля к его сборнику свидетельство о латинском ударении (см. прим. 19). Оригинальные возражения против статьи Шелля были сделаны Ф. Мистели (Erläuterung zur allgemeinen Theorie der griechischen Betonung. Paderborn, 1877) и С. Ждановым (К учению о греческом ударении, СПб., 1878).

⁷⁷ J. Wackernagel. Der griechische Verbalaccent. Ztschr. f. vergl. Sprachforschung, XXIII, 1877, стр. 457—470. Другая теория происхождения греческого ударения была выдвинута в статье: A. Bezenberger. Die Entstehung der griechischen Verbalbetonung. Beitr. zur Kunde d. indogerm. Sprachen, XXX, 1906, стр. 167 сл.

⁷⁸ A. Bezenberger. Grammatische Bemerkungen. Beitr. zur Kunde d. indogerm. Sprachen, 1883, VII, стр. 66.

⁷⁹ B. J. Wheeler. Der griechische Nominalaccent. Strassburg, 1885.

⁸⁰ Обширную библиографию вопроса можно найти у Вандриеса в „Traité d'accentuation Grecque“ (1929) — и в I томе „Griechische Grammatik“ Швицера (1938). Ниже будут указаны только избранные работы наиболее крупных исследователей.

⁸¹ J. Wackernagel. 1) Beiträge zur Lehre vom griechischen Akzent. 1893; 2) Das Zeugnis der delphischen Hymnen über den griechischen Akzent. Rhein. Mus., LI, 1896, стр. 304 сл.; 3) Akzentstudien, I (Nachr. v. d. Ges. d. Wiss. Göttingen, 1909, стр. 50—63), II (там же, 1914, стр. 20—51), III (там же, стр. 97—130). Ср. также его рецензию на кн.: J. Postgate. A short guide to the accentuation of ancient Greek — v. Anzeig. f. indogerm. Sprach- und Altertumskunde, XLIII, 1926, стр. 48—59.

⁸² A. Meillet. 1) Questions d'accentuation. Mémoir. de la Soc. de Linguistique, VIII, 1894, стр. 238 сл.; 2) Les intonations grecques. La Parole, II, 1900, стр. 193 сл.; 3) Sur la place du ton dans les verbes grecs. Mémoir. de la Soc. de Linguistique, XI, 1900, стр. 313 сл.; 4) La place du ton dans les formes moyennes du verbe indo-européen. Там же, XIII, 1905—1906, стр. 110 сл.; 5) Sur l'accentuation grecque. Там же, стр. 245 сл.; 6) De l'accentuation des préverbes. Indogerm. Forschungen, XXI, 1907, стр. 339 сл.

⁸³ J. Vendryès. 1) Un petit problème d'accentuation homérique. „Mélanges de Philologie offerts à F. Brunot“, Paris, 1904, стр. 331 сл.; 2) Notes grecques. Mémoir. de la Soc. de Linguistique, XIII, 1905—1906, стр. 56 сл.; 3) Une loi d'accentuation grecque: l'opposition des genres.

Там же, стр. 131 сл.; 4) L'accent de ἔγωγε et la loi des propérispomènes en attique. Там же, стр. 218 сл.; 5) L'accentuation de Ἰων, Ἰωνες. Bull. de la Soc. de Linguistique, XXV, 1924, стр. 49.

⁸⁴ E. Hermann. 1) Zur griechischen Betonung. Ztschr. f. vergl. Sprachforschung, XL, 1905, стр. 126 сл.; 2) Über die Apokope der griechischen Praepositionen. Indogerm. Forschungen, XXXIV, 1915, стр. 338—365; 3) Die dorische Betonung. Там же, XXXVIII, 1917—1920, стр. 143 сл.; 4) Die böotische Betonung. Nachr. v. d. Ges. d. Wiss. zu Göttingen, 1918, стр. 273—280. Ср. также: Silbenbildung im Griechischen und in den andern indogermanischen Sprachen. Ergänzungsheft zur Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, № 2, 1923.

⁸⁵ H. Ehrlich. 1) Zur griechischen Prosodie, 1. Der Accentus gravis. Ztschr. f. vergl. Sprachforschung, XXXIX, 1904, стр. 571 сл.; 2) Untersuchungen über die Natur der griechischen Betonung. Berlin, 1912.

⁸⁶ P. Kretschmer. Der Übergang von der musikalischen zur expiratorischen Betonung im Griechischen. Ztschr. f. vergl. Sprachforschung, XXX, 1890, стр. 591 сл.

⁸⁷ Подробное рассмотрение греческого ударения можно найти также в пособиях по сравнительной грамматике индоевропейских или классических языков (Brugmann, Meillet, Meillet—Vendryès), по истории и исторической грамматике греческого языка (Meillet, Brugmann—Thumb, Schwyzler, Hirt), греческой диалектологии (Meister, Hofmann), в трудах, посвященных греческому произношению (F. Blass. Über die Aussprache des Griechischen. 3-е изд., Berlin, 1888; E. Sturtevant. The Pronunciation of Greek and Latin. 2-е изд., Philadelphia, 1940). Ср. библиографию, приложенную к русскому переводу книги А. Мейе „Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков“ (М.—Л., 1938).

⁸⁸ H. Hirt. 1) Der indogermanische Akzent. Strassburg, 1895; 2) Akzentstudien. Indogerm. Forschungen, VI, 1896, стр. 344 сл.; VII, 1897, стр. 111 сл.; VIII, 1896, стр. 267 сл.; IX, 1899, стр. 284 сл.; X, 1900, стр. 20 сл.; 3) Zur Entstehung der griechischen Betonung. Там же, XVI, 1904, стр. 71 сл.; 4) Indogermanische Grammatik, 5. Der Akzent. Heidelberg, 1929.

⁸⁹ С. Жданов. К учению о греческом ударении. СПб., 1878.

⁹⁰ А. Шахматов. Об общих явлениях в греческом и славянском ударениях. „Християна. Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Ф. Е. Корша“, 1896, стр. 149—160.

⁹¹ L. Masing. Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents. Nebst einleitenden Bemerkungen zur Accentlehre insbesondere des Griechischen und des Sanskrit. Mémoir. de l'Acad. imp. des Sc. de St.-Pétersbourg, VII sér., XXIII, № 5 (1876).

⁹² J. Vendryès. Traité d'accentuation Grecque. Paris, 1904. 2-е издание этой книги, вышедшее в 1929 г. и перепечатанное в 1945 г., не содержит никаких изменений текста по сравнению с 1904 г., кроме дополнений в библиографическом списке.

⁹³ Аналогичный английский труд J. P. Postgate „A short guide to the accentuation of ancient Greek“ (London, 1924), равно как и статья того же автора „On ancient Greek accentuation“ (Proc. of the Brit. Acad., XI, 1925), остались, к сожалению, мне недоступными.

⁹⁴ Прим. 34.

⁹⁵ Прим. 42.

⁹⁶ R. Jakobson. Z zagadnień prozodji starogreckiej. Сб. „Z zagadnień poetyki. Prace ofiarowane Kazimierowi Wóycickiemu“. Wilno, 1937, стр. 72—87.

⁹⁷ Ch. Bally. Manuel d'accentuation grecque. Berne, 1944.

⁹⁸ J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européennes. Kraków, 1952; 2-е доп. изд. Wrocław—Kraków, 1958. Ср. рецензии Эгусты (Arch. orientální, 21, 1953, стр. 472—474), Леумана (Orient. Literaturzeitung, 50, 1955, стр. 12—15), Лежена (Bull. de la Soc. de Linguistique, XLVIII, 1952, fasc. 2, стр. 23—30), Мартине (Word, 9, 1953, стр. 282—286), В. В. Иванова (Вопр. языкозн., 1954, 4, стр. 125—136) и статью К. Яначека „K základům Kuryłowiczovy nauky o přízvuku v indoevropských jazycích“ (Slavia, XXVI/4, 1957, стр. 489—499).

⁹⁹ Rocznik Slawistyczny, 10, 1931, стр. 1—80; 14, 1938, стр. 1—66; Studi Baltici, 7, 1939, стр. 37—87.

¹⁰⁰ В этой связи следует упомянуть о статьях: F. Specht. Zur griechischen Enklise. Ztschr. f. vergl. Sprachforschung, LV, 1928, стр. 184; G. Bonfante. L'accento beotico. Riv. di filologia, N. S. XII, 1934, стр. 535 сл.; M. Lucidi. L'origine del trisillabismo in greco. Ric. Linguistiche, I, 1, 1950, стр. 69—92.

Глава II

¹ Нет ничего невозможного в том, чтобы противопоставление ударного слога неударному сопровождалось и известным различием длительности. Так, схолиаст к Гестетиону (Scriptores metrici Graeci, ed. R. Westphal, I, 1866, стр. 93) сообщает, что слог с острой просодией, т. е. ударный, длилнее слога с тяжелой просодией, т. е. неударного: например, слог -λος в слове χαλος длилнее, чем в φίλος; слог с обеленным ударением длилнее краткого, но короче долгого (с акутом). Конечный слог, получающий острое ударение в результате примыкания энклитики, длилнее обыкновенного конечного слога с острым ударением. Трудно сказать, к какому времени это свидетельство восходит, но то, что обеленное ударение ясно отличается от острого, свидетельствует об эпохе, когда еще не приходится говорить о преобладании динамического момента. Само по себе свидетельство это не должно вызывать никаких сомнений, поскольку речь идет о различиях нефонологического характера, часто наличествующих в языке рядом с фонологической оппозицией. Не следует только смешивать эти различия, относящиеся к абсолютной длительности (μεῖζων) соответствующих слогов, с фонологическим противопоставлением долгого и краткого слогов, где существенна не длительность как таковая, а различие двухморности и одноморности. Конечные слоги слов φίλος и χαλος (в позиции не перед начальным гласным следующего слова) в равной мере двухморны, хотя и могут отличаться между собой с точки зрения своей абсолютной продолжительности во времени; точно так же долгий обеленный и долгий акутированный в равной мере двухморны.

² Вопросы, связанные с музыкальным ударением, в русской лингвистической литературе наиболее тщательно изучались Е. Д. Поливановым. См. его работы: Музыкальное ударение в говоре Токио. Изв. имп. Акад. наук, 1915, стр. 1617—1638; Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928, стр. 117 сл.; Грамматика японского разговорного языка. М., 1930, стр. 166 сл. (соавтор О. В. Плетнер); ср. также статью: Акцентуация. Литературная энциклопедия, т. I, 1929. Полная библиография трудов Е. Д. Поливанова в статье В. В. Иванова „Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова“ (Вопросы языкознания, 1957, № 3, стр. 73—76). Работы Е. Д. Поливанова интересны для нас также и тем, что автор часто проводит типологические параллели между японским и древнегреческим. Ср. также: K. L. Pike. Tone languages. Ann Arbor, 1948 — где дается описание двух мексиканских языков с политоническим ударением.

³ Οξύς — 'острый, резкий' употребляется по отношению к режущему предмету: φάσανον — Δ 190, βέλος — Δ 185, δόρυ — Δ 490, ξίφος — Δ 530, и т. д.; затем обозначает острую боль: ὀξεῖαι ὀδύναи — Δ 268 (ср.: там же, 269 — ὀξύ βέλος), ἄχος ὀξύ — Т 126; 'резкий', 'яркий' свет: αὐγή ὀξεῖα — Р 371; 'резкий' звук: ὀξεῖα κεκληγώς — Р 89, ὀξύ βοῆσις — там же, 90, ὀξύ κωκύσασα — Σ 72. Впоследствии о звуках птиц: Theogn. 1197 — ὀρνίθος ὀξύ βοῶσης, Soph. Ant. 424 — πικρᾶς ὀρνίθος ὀξύν φθόγγον, Trach. 963 — προύκλαιον ὀξύφωνος ὡς ἀηδών.

Материал см. в кн.: Р. H a n s c h k e, ук. соч., стр. 11 сл.

⁴ Βαρύς — 'давящий весом, отягощающий' — о тяжелых предметах: ἰὸς χαλκοβαρῆς — О 465; 'тяжелой' руке: βαρεῖη χειρὶ — Δ 235; о страшных 'давящих' звуках: спутники Одиссея страшатся голоса Полифема δεισαντες φθόγγον τε βαρὺν αὐτὸν τε πέλωρον — ι 257, πᾶρ Ζητὶ βαρυκτύφῳ — Hes. Theog. 388, βαρύκτυπος Ζεύς — Hymn. ad. Cer. 3 — Во всех этих случаях речь никак не идет о 'слабости' голоса, львы βαρύφθογγοι — Hymn. ad Aphr. 159; Р. H a n s c h k e, ук. соч., стр. 25 сл.

⁵ Аристид Квинтилиан. Περὶ μουσικῆς, ed. A. Jahn, 1882, стр. 58, 13 сл.

⁶ Например, Платон, Phaedr. 268 D.

⁷ Synegeticus 6, 20.

⁸ Ср. гом. μακρὸν αὔσας — Z 66, μεγάλη ἀλαλήτῳ — M 138, и т. п.

⁹ Стр. 9.

¹⁰ Ср.: Гераклит, A 22 D: οὐ γὰρ ἂν εἶναι ἀρμονίαν μὴ ὄντος ὀξέος καὶ βαρέος. К этому же представлению, очевидно пифагорейскому (ср. гл. I, прим. 4), восходит и сохраненное римским грамматиком Диомедом утверждение, что ударение — душа слова (Gramm. Lat. I, p. 430, 31—431, 1): accentus, ut quidam recte putaverunt, velut anima vocis (ср.: Помпей, Gramm. Lat. V, p. 126—127 и Марциан Капелла, III, p. 65, 19 Eyss.). Пифагорейцы, как известно, считали душу не особой материей, а лишь гармонией тела.

¹¹ Платон, Crat. 399 AB: οἷον Διὶ φίλος· τοῦτο ἵνα ἀντὶ ῥήματος ὄνομα ἡμῖν γένηται, τό τε ἕτερον αὐτόθεν ἰῶτα ἐξεῖλομεν καὶ ἀντὶ ὀξείας τῆς μέσης συλλαβῆς βρεῖαν ἐφθεγξάμεθα.

¹² При разборе древних текстов, касающихся ударения, надо всегда помнить, что Гравис означает неударный слог, т. е. слог низкого тона. Постановка знака грависа на последнем ударном слоге внутри фразы принадлежит, как мы уже видели, гораздо более позднему времени. Ср. гл. I и гл. IV.

¹³ Имеется в виду недостаточно ясное место „Кратила“ (416 B), где καλὸν производится от καλοῦν (в аттическом письме V в. до н. э. это были омографы — ΚΑΛΟΝ) помощью изменения „лишь просодии и длительности οὐ“ (древнее название „омикрона“) — ἀρμονία μόνον καὶ μήκει τοῦ οὐ παρῆχται.

¹⁴ Soph. El. 165^b, 34; 116^b, 1; 168^a, 27; 169^a, 27; 177^b, 2; Poët. 1461^a, 21.

¹⁵ Soph. El. 179^a, 11.

¹⁶ См. определение просодии у Геродиана, I, p. 5, Lentz: ἐστὶ ποία τάσις ἐγγράμματου φωνῆς ὑποῦς κατὰ τὸ ἀπαγγελτικὸν τῆς λέξεως ἐκφερομένη μετὰ τίνος τῶν συνεξευγμένων περὶ μίαν συλλαβήν, ἥτοι κατὰ συνήθειαν διαλέκτου ὁμολογουμένης, ἥτοι κατὰ τὸν ἀναλογικὸν ὅρον καὶ λόγον.

Как поясняет схолиаст, под „сопровождающими слог моментами“ разумеются ударения, количество и придыхание. Секст Эмпирик вводит количество в состав просодии (Adv. gramm. 105, 106, 108).

¹⁷ См. гл. I, прим. 20.

¹⁸ В пользу этого предположения свидетельствует и то, что Варрон, акцентологическая теория которого восходит к ученику Дионисия Фракийского Тиранниону, различает (Gramm. Lat. IV, p. 525, 24) в звуке

длительность (longitudinem), высоту (altitudinem) и густоту (crassitudinem), т. е. ставит знаки придыхания на одну линию со знаками долготы и тона.

¹⁹ Ср. Платон, *Lys.* 209 В: ἐπιτείνει τε καὶ ἀνείνει ἤν ἂν βούλη τῶν χορδῶν; *Rep.* 349 Ε: ἐν τῇ ἐπίτασει καὶ ἀνέσει τῶν χορδῶν; Аристоксен 11, р. 16, 2 (Rios): ὅταν ἀρμολογούμενοι τῶν χορδῶν ἐκάστην ἀνιῶμεν ἢ ἐπιτείνωμεν.

²⁰ Там же, 10—11, р. 15, 21—22 R.

²¹ Там же, 10, р. 15, 14—18 R: ἡ μὲν οὖν ἐπίτασις ἐστὶ κίνησις τῆς φωνῆς συνεχῆς ἐκ βαρυτέρου τόπου εἰς ὀξύτερον, ἢ δ' ἀνεσις ἐξ ὀξύτερου τόπου εἰς βαρυτέρου ὀξύτης δὲ τὸ γινόμενον διὰ τῆς ἐπιτάσεως, βαρύτης δὲ τὸ γινόμενον διὰ τῆς ἀνέσεως.

²² Там же, 18, р. 23, 13—16 R: λέγεται γὰρ δὴ καὶ λογῶδες τι μέλος, τὸ συγκείμενον ἐκ τῶν προσφιδῶν τῶν ἐν τοῖς ὀνόμασιν. φυσικὸν γὰρ τὸ ἐπιτείνειν καὶ ἀνέειναι ἐν τῷ διαλέγεσθαι.

²³ *Soph. El.* 169^a, 27: καὶ παρὰ τὴν προσφιδίαν· οὐ γὰρ ἄλλο δοκεῖ σημαίνειν ἀνιέμενος καὶ ἐπιτενιόμενος ὁ λόγος, ἐπ' οὐδενός ἢ οὐκ ἐπὶ πολλῶν.

Rhet. 1403^b, 29—30: τοῖς τόνοις, οἷον ὀξεῖα καὶ βαρεῖα καὶ μέση.

²⁴ F. Schöll, *ук. соч.*, стр. 81 (*Gramm. Lat.* V, р. 530, 19—22).

²⁵ Порфирий в „*Scholia Vaticana*“, Hilgard, р. 136, 16 (ср. Мосхопул, *Anonymi gramm. epitoma* I, ed. Egenolff, 1877, р. 37, 11): Τόνος οὖν ἐστὶν ἐπίτασις ἢ ἀνεσις ἢ μεσότης συλλαβῶν, εὐφωνίαν ἔχουσα.

²⁶ *Gramm. Lat.*, IV, р. 525, 28—526, 1: ab altitudine discernit accentus cum pars verbi aut in grave deprimitur aut sublimatur in acutum.

²⁷ В. Laum, *ук. соч.*, стр. 237, 475—476. Гетлинг в свое время ссылался еще на другие тексты поздних грамматиков, где говорится о „слабости“ тяжелого удара и „усиливающей“ функции острого. Что в текстах, которые он приводит, совсем не имеется в виду динамический момент, прекрасно показал С. Н. Жданов (*ук. соч.*, стр. 3 сл.). К тому же, если бы эти показания действительно имели свидетельскую ценность, то она отпала бы лишь ко времени самих грамматиков, т. е. к ранне-византийской эпохе, когда переход от музыкального удара к динамическому уже совершился.

²⁸ См. прим. 6 к „Введению“.

²⁹ §§ 58, 59, р. 40—41, U.—R.: διαλέκτου μὲν οὖν μέλος ἐνὶ μετρεῖται διαστήματι τῷ λεγόμενῳ διὰ πέντε ὡς ἑγγιστα, καὶ οὔτε ἐπιτείνεται πέρα τῶν τριῶν τόνων καὶ ἡμιτονίου ἐπὶ τὸ ὀξύ οὔτ ἀνιέται τοῦ χωρίου τούτου πλέον ἐπὶ τὸ βαρύ.

³⁰ Е. Д. Поливанов. Введение в языковедение для востоковедных вузов. 1928, стр. 133 сл.: „Интервал между высоким и низким периодами, поскольку я определял его по слуху, колеблется между полутонном и квинтой. Для Тосасского правильная квинта, кажется, является нормой при идеальной фонации, т. е. при намеренно отчетливом выполнении произносительного намерения с целью выявить звуковой состав слов“.

Наблюдение Поливанова кладет конец сомнениям, неоднократно высказывавшимся по поводу свидетельства Дионисия (в новейшее время у G. Scarpata: Una testimonianza di Dionigi d'Alicarnasso. *Paideia*, V, 1950, стр. 101—103).

³¹ N. Trubetzkoy. *Grundzüge der Phonologie.* 1939, стр. 179.

³² Ср.: J. Vendryès, *ук. соч.*, стр. 23 сл.

³³ Таково, например, предположение Шмидта, что апокопа гласного в предложениях ἄν, κατ' связана с неударностью предлогов как проклитических слов (*Zeitschrift für vergl. Sprachforsch.*, XXXVIII, стр. 1 сл.), или утверждение Ваккернагеля об озвончении группы ρσ после неударного гласного. Опровержению всех этих гипотез специально посвящена книга Г. Эрлиха (*Untersuchungen über die Natur der griechischen Betonung.* Berlin, 1912).

Недавно С. И. Соболевский выступил с этой же точки зрения в защиту динамического характера греческого ударения („Заметки о греческом произношении“, см. гл. I прим. 50). Основной аргумент С. И. Соболевского покоится на представлении, будто при музыкальном ударе невозможно явление энклисы или проклисы, но по наблюдениям над живыми языками это представление не оправдывается. В качестве дополнительных аргументов С. И. Соболевский ссылается на происхождение $\tau\acute{\iota}\pi\tau\epsilon$ из $\tau\acute{\iota}$ $\pi\acute{o}\tau\epsilon$ и на персонажа из комедии Амфида, который произносил $\tau\acute{\alpha}\rho\omega\upsilon$ вместо $\tau\epsilon\tau\tau\acute{\alpha}\rho\omega\upsilon$ и $\kappa\tau\acute{\omega}$ $\beta\omicron\lambda\omicron\iota\omega\upsilon$ вместо $\omicron\kappa\tau\acute{\omega}$ $\omicron\beta\omicron\lambda\omicron\iota\omega\upsilon$, отбросив неударный слог. Однако $\tau\acute{\iota}\pi\tau\epsilon$ вовсе и не происходит из $\tau\acute{\iota}$ $\pi\acute{o}\tau\epsilon$. Происхождение $-\pi\tau\epsilon$ давно уже получило вполне удовлетворительное объяснение: по законам греческой фонетики в группе из двух смычных губной или заднеязычный всегда предшествует переднеязычному, и в случае обратного порядка смычных происходит метатеза. Так, от корня $\tau\epsilon\chi-$ (аор. $\acute{\epsilon}\tau\epsilon\chi\omicron\nu$) образуется praesens с удвоенной основой $-\tau\acute{\iota}\chi\tau\omega < *t\acute{\iota}-\tau\chi-\omega$. Аналогично $\tau\acute{\iota}\pi\tau\epsilon < \tau\acute{\iota}\omicron[\tau + \pi\epsilon$, где $\tau\acute{\iota}\omicron$ — местоимение среднего рода, в историческое время $\tau\acute{\iota}$, а $-\pi\epsilon$ — частица, соответствующая лат. $-\text{re}$; $\tau\acute{\iota}\pi\tau\epsilon$ соответствует лат. $\text{quippe} < *quidpe$. См.: E. Schwyzer. Ztschr. f. vergl. Sprachforschung, LVIII, стр. 184, прим. 1. Что же касается персонажа из комедии Амфида, то небрежная речь с опущением звуков (типа русского че-вк) возможна и в языках с музыкальным ударением. В частности, для счетных слов часто бывает характерно произношение неполным стилем с ускоренным темпом речи и с редуцированной фонетической структурой. Редуцированные формы числа „четыре“ (τάρτιμόριον из тетарт-, τράπεζα из *тетра- и т. д.), очень возможно, являются уже индоевропейским наследием: д.-и. turīya, ср. греч. Турταῖος, из и.-е. *k^htur-, см. O. Szemerényi. Studies in the indo-european system of numerals. Heidelberg, 1960, стр. 79 и сл. Форма $\beta\omicron\lambda\omicron\iota$ вм. $\omicron\beta\omicron\lambda\omicron\iota$ извлечена из слияний типа $\omicron\kappa\tau\acute{\omega}\beta\omicron\lambda\omicron\iota < \omicron\kappa\tau\acute{\omega}\omicron\beta\omicron\lambda\omicron\iota$. Вообще, разрушительное действие динамического ударения имеет своим результатом не изолированные спорадические явления, а массовые, формулируемые в звуковых законах. Между тем именно таких явлений в классическую эпоху греческого языка не наблюдается.

³⁴ Редуцироваться могут, например, краткие слоги по ритмическому закону де Соссюра (Введение, прим. 5), если они составляют длинную серию, но это не связано с их неударностью; см.: H. Ehrlich, ук. соч., стр. 3—58 (об апокопе предлогов).

³⁵ Р. Якобсон. О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. Сборники по теории поэтического языка, вып. V, Берлин, 1923, стр. 23.

³⁶ Bull. de corresp. Hellénique, XVII, 1, 1893, стр. 611 сл.; ср. прим. 58 к гл. I.

³⁷ Например, в составных словах, допускавших, может быть, побочное ударение на другом члене сложения: $\varphi\epsilon\rho\acute{o}\tau\pi\lambda\omicron\iota\omicron$ (Гимн I, 37—38) — des_2 — c_2 — h — h ; $\acute{\alpha}\sigma\epsilon\pi[\tau\omicron\varsigma]$ (Гимн I, 100—101) — f_2 — as_3g_1 . В слове $\delta\iota\chi\omicron\rho\upsilon\phi\omicron\nu$ (Гимн II, 11) — d_2 — es_2 — d_2 — f_2 — переакцентуация может быть связана с семантикой слова („двухвершинный“).

³⁸ Такая эпитафия Сейкила, единственный памятник античной некультовой песни, где, однако, начальное слово $\text{Ὀ}\tau\omicron\nu$ надо рассматривать как проклитически присоединяемое к следующему $\zeta\eta\varsigma$. Как показал Г. Эрлих (Zur griechischen Prosodie. Ztschr. f. vergl. Sprachforschung, XXXIX, 1904, стр. 571 сл. = Untersuchungen и т. д. — выше, прим. 85 к гл. I, — стр. 250 сл.), в гимнах Месомеда наблюдается то же соотношение, причем сочетание существительного с прилагательным рассматривается как единая синтагма с одним ударением. Закон Крузиуса соблюдается (с незначительными отклонениями) также в Берлинском папирусе, во фрагментах из

Осло, в новой оксиринхской монодии. Однако этот закон имеет силу не для всех музыкальных текстов. В инструментальных нотах к первому стасиму трагедии Эврипида „Орест“ (Musici scriptores Graeci, Supplementum, Melodiarum reliquiae, 1899, стр. 6—7) и в некоторых других текстах (см.: Lustrum, 3, 1958, стр. 42) закон этот не соблюден. Может быть, в разные эпохи и в разных музыкальных стилях дело обстояло по-разному (ср. рассматриваемое ниже в тексте свидетельство Дионисия Галикарнасского, а также соображения по этому вопросу в статье: Н. Kolle r. Die Parodie. Glotta, 35, 1956, стр. 17—32).

³⁹ §§ 62—63, р. 41 U.—R.: (ἡ δὲ ὀργανικὴ τε καὶ ᾠδικὴ μοῦσα) τὰς τε λέξεις τοῖς μέλεσιν ὑποτάττειν ἀξιοῖ καὶ οὐ τὰ μέλη ταῖς λέξεσιν.

⁴⁰ τίθετε — Porson, τίθετε — рукописи Эврипида и Дионисия.

⁴¹ § 63, р. 42 U.—R.: ἐφ' ἐνός φθόγγου μελωδεῖται, καίτοι τῶν τριῶν λέξεων ἐκάστη βρεῖας τε τάσεις ἔχει καὶ ὀξεῖας.

Следует обратить внимание на то, что, согласно Дионисию, слово λευκόν, которое в нашем „византийском“ написании имеет на последнем слоге гравис, снабжено „острым“ тоном. Дионисий, очевидно, еще не знает правила о грависе окситонных слов внутри фразы.

⁴² Там же, § 64.

⁴³ Там же: ἡ δὲ μουσικὴ τε καὶ ῥυθμικὴ μεταβάλλουσιν αὐτὰς μειοῦσαι καὶ παραβρῆσαι, ὥστε πολλάκις εἰς τὰναντία μεταχωρεῖν.

⁴⁴ Это объяснение ошибки Дионисия снимает ту апелляцию к его авторитету, которую мы находим в статье Б. В. Казанского „Учение об арсисе и тезисе“ (ЖМНП, 1915, декабрь, кл. фил., стр. 547). Б. В. Казанский совершенно голословно считает закон Крузиуса „недоразумением“.

⁴⁵ О неудачных попытках приписать греческому языку, хотя бы частично, учет ударения см. в уже цитированной работе С. Н. Жданова (стр. 18 сл.). Такую попытку повторил в упомянутой в предыдущем примечании статье Б. В. Казанский (стр. 548 сл.), но его примеры на соответствия ударения в корреспондирующих строфических песнях хора связаны, разумеется, не с повторением стихового ритма, а с повторением мелодического хода.

⁴⁶ Энклитическое или проклитическое слово является „словом“ только с лексической, но не с фонетической точки зрения. Фонетически оно образует единое целое с тем ортотоническим словом, к которому оно примыкает (см. гл. IV).

⁴⁷ Р. Якобсон в упомянутой статье о греческом ударении (см. прим. 96 к гл. I) рассматривает окситонность как фразовый вариант безударности. Он исходит при этом из византийской постановки грависа, означавшего в александрийской системе неударность, на последнем слоге окситонных слов внутри фразы. В настоящее время, когда можно считать окончательно установленным позднее происхождение византийского грависа (см. гл. IV), такое толкование уже невозможно. Ср. также стр. 75.

⁴⁸ См.: П. С. Кузнецов. К вопросу о фонологии ударения. МГУ. Докл. и сообщ. филолог. факультета, 6, 1948, стр. 12—17.

⁴⁹ По отношению к шумным согласным это ясно само собой при музыкальном ударении: звука п нельзя петь, — но и сонанты в греческом языке, по крайней мере в историческое время, не являются носителями ударения. Очень возможно, что в более древние времена это было иначе, и сонант, который мог образовать вместе с предшествующим гласным дифтонг, являлся носителем ударения, ср. написание типа φύλλα τε у Гомера (стр. 69).

⁵⁰ Об интересе, который вызвал этот трактат, свидетельствует письмо Цицерона к Аттику (12, 6) от конца 46 г. до н. э. Цицерон не

упускает случая пояснить: „Что дает эта острая и тяжелая просодия для цели жизни?“ — „quid ex ista acuta et gravi refertur ad τέλος?“

⁵¹ Об Афинодоре мы читаем в Лондонских схолиях к Дионисию Фракийскому (p. 474, 19 Hilg.): οἱ περὶ Ἀθηνόδωρον τῷ μέλει παρεκχάζουσι τὴν προσωδίαν.

Ганшке (ук. соч., стр. 124) отождествляет его с перипатетиком Афинодором, о котором говорится в этих же эксерцптах Псевдо-Сергия, и в то же время с Афинодором Родосским, упоминаемым у Квинтилиана (II, 17, 15). Эти отождествления остаются спорными. Главк Самосский упомянут в схолиях к Платону (Phaedo, 108 D) как автор некоей τέχνη γραμμάτων (см. прим. 13 к гл. I).

⁵² Комментарий Мелампода (Диомеда) к Дионисию Фракийскому, p. 22, 23—24 Hilg.: Ἀνάτασις φωνῆς ὁ ὀξύς τόνος ἐστίν. ὅθεν καὶ τὸ σημεῖον αὐτοῦ τὴν ἐπὶ τὰ ἄνω φορὰν ἔχει.

⁵³ Там же, p. 23, 5—8 Hilg.: ὁ γὰρ βαρὺς τόνος τὴν ἐναντίαν φορὰν ἔχει τοῦ προλεχθέντος ὀξέος τόνου διὸ καὶ τὸ σημεῖον αὐτοῦ τὴν ἐπὶ τὰ κάτω φορὰν ἔχει. καὶ ἡ φωνὴ δὲ τοῦ ἀνθρώπου ἀπὸ ὀξείας κοιμιζομένη, τούτεστι καταφερομένη, εἰς βαρεῖαν κατατᾶται.

⁵⁴ Таково определение τόνος у Дионисия Фракийского (§ 3): τόνος ἐστὶ φωνῆς ἀπὸ τῆς ἀνατάσεως, ἢ κατὰ ἀνάτασιν ἐν τῇ ὀξείᾳ, ἢ κατὰ ὀμβλήσιν ἐν τῇ βαρεῖᾳ, ἢ κατὰ περίκλασιν ἐν τῇ περισπωμένῃ.

⁵⁵ Поздний схоласт у Hilg. p. 117, 32—35.

⁵⁶ Ὁμότονον у Платона (Phileb. 17 C), μέσον у Аристотеля (Περὶ ζῳῶν γενέσεως, 787^a, 2—6), а впоследствии в музыкальных трактатах Бакхия (Iap, p. 302, 15), Клеонида (там же, p. 204, 17). Термин μέσον в применении к ударению встречается рядом с ὀξύ и βαρύ у Аристотеля (Poët. 1456^b, 31 и Rhetor. 1403^b, 27), но здесь нельзя с полной уверенностью сказать, что Аристотель не имеет в виду того вида ударения, которое обычно называется обложенным и которое, соединяя в себе акут и гравис, могло бы рассматриваться как среднее между ними, ср. комментарий Мелампода, p. 23, 17—18 Hilg.: καὶ παρὰ μὲν τοῖς γραμματικαῖς καλεῖται περισπωμένη, παρὰ δὲ τοῖς μουσικοῖς μέση.

⁵⁷ Σύνητος τόνος — согласно схолиям к Дионисию (Hilg. p. 126, 15), δίτονον — по терминологии Дионисия Олинфского, приводимой Варроном у Псевдо-Сергия (p. 529 сл.); δίτονον — весьма вероятная конъектура вместо искаженного в рукописях ἀρονον; olynthius вместо рукописного olympius восстановил Зуземиль (Geschichte der griechischen Literatur in der Alexandrinerzeit, II, стр. 668) на основании Татиана — Adversus Graecos 31. Гермекрат Иасийский называл обложенное ударение σύμπλεκτον (Варрон. Там же).

⁵⁸ Варрон. Там же: Quartae illi, quia ceteris perplexior est, plura sunt vocabula. Ammonius Alexandrius, qui Aristarchi scholae successit, ὀξύβαρυν vocat, Ephorus autem Cymaeus περίσπασιν, Dionysius Olynthius δίτονον, Hermocrates Iasius σύμπλεκτον, Epicharmus Syracusius κεκλαμένην; verum ea nunc ab omnibus περισπωμένη Graece vocatur, apud nos flexa, quoniam primo erecta rursus in gravem flectitur. Как мы видели (прим. 56), для обозначения обложенного ударения употреблялся и термин μέσον 'среднее' — в смысле сопричастного обоим противоположностям — „острому“ и „тяжелому“.

⁵⁹ Этот последний случай, может быть, имеется в виду в приводимом Варроном (там же) мнении Феодора о том, что составное ударение может иногда восходить от тяжелого к острому (aliquando etiam ex gravi in acutiorē escendere). Обычно это понимают как нисходяще-восходящий ход V, но все то, что мы знаем о греческом ударении исторического времени, не дает возможности представить себе, где такой ход мог бы иметь место.

⁶⁰ Закономерность эта действительно только в последнем слоге, поскольку на предпоследнем слоге постановка обремененного или острого ударения определяется механически — краткостью или долготой гласного конечного слога: ποιούμεν > ποιούμεν как бы в соответствии с вышеприведенным правилом, но ἐσταότα тоже сливается в ἐστῶτα против этого правила. В действительности обремененное ударение в обоих случаях определяется краткостью последнего гласного при долготе предпоследнего.

⁶¹ Понижение на второй ноте неударного последнего слога при ударении на предпоследнем не может приниматься в расчет, поскольку нисходящее тональное движение послеударной части слова неизбежно приводит к понижению второй моры последнего слога по сравнению с первым независимо от происхождения слога. Случаи повышения второй моры последнего слога по сравнению с первой единичны.

⁶² В рукописях antanaca homenehc (или homenehc). При восстановлении надо учитывать, что h употреблялось как знак разделения между гласными или знак долготы, так что в сущности в слове ἀνταναχωμένη искажена лишь буква Λ, принятая в капитальном письме за Α.

⁶³ См. прим. 58.

⁶⁴ Schöll (ук. соч., стр. 81) толковал ἀνταναχωμένη как трехсоставный тон $\wedge$ и дополнял перед ним ἀναχωμένη как нисходяще-восходящее V, и с ним согласился Крузиус (ук. соч., стр. 119), однако Варрон ясно говорит, что три последних тона Главка двухсоставные: postremas tres esse duplices. Ганшке (ук. соч., стр. 122) понимал κελασμένη как родовое обозначение составного тона, которому подчинены два вида: ἀνταναχωμένη — акут и χ αταχωμένη — циркумфлекс, но это тоже противоречит словам Варрона — postremas autem tres duplices et quasi species unius flexae, quae est genere una, заставляющим видеть в κελασμένη не родовое понятие, а видовое, наравне с двумя другими. Понимание ἀνταναχωμένη как акута на долгом гласном было предложено задолго до Ганшке Ф. Е. Коршем в статье „Двогласные в греческом языке с физиологической точки зрения“ („Сборник статей, посвященных Ф. Ф. Фортунатову“ = Русск. филолог. вестник, XLVIII, 1902, стр. 281—348): „... с ἀντανακλασμένη, восходящим долгим ударением“ (стр. 346).

⁶⁵ См. предыдущее примечание. Глагол ἀντανακλάω употребляется для обозначения физических явлений — отражения звука, преломления света и т. п., ср., например, Aëtii Plac. 4, 20, 2, p. 410, 14 Diels: κινεῖται ἡ φωνὴ καὶ προσπίπτει εἰς τοὺς λεῖους τόπους καὶ ἀντανακλάται καθάπερ ἐπὶ τῆς σφαίρας τῆς βαλλομένης εἰς τοῖχον; Suida: ἀντανακλωμένη· κατὰ ἀνάκλασιν ἀποτινος μεταγομένη. γίνεται δὲ τοῦτο ἐπὶ φωνῆς ὅταν ἀντηχῇ, καὶ ἐπὶ φωτὸς ἡλιακοῦ. Восходяще-восходящее тональное движение акута на двухморном гласном с более высоким тоном на второй части могло быть описано как повышение, сопровождающееся своего рода вхом. Ср. [Аристотель] Problemata 11,6: τῆς ἡχοῦς ὀξύτερος φαίνεται ὁ ψόφος.

⁶⁶ При таком толковании вполне объяснима разница между перфектным причастием κελασμένη и причастиями презенса ἀντανακλωμένη и χ ατακλωμένη. В первом случае мы имеем совершившийся перелом $\wedge$, в последних двух движении после преломления продолжает совершаться в том же направлении $\nearrow$ и $\searrow$.

Глава III

¹ См.: R. Jakobson. Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagmaphonologie. TCLP, IV, 1931, стр. 164 сл.

² И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, стр. 61—62.

³ R. Jacobson. Über die Beschaffung der prosodischen Gegensätze, стр. 25 сл.

⁴ Терминология эта разновременного происхождения. Термин *ἰζῦτονον* сравнительно древний, как и его оппози́т *βαρύτονον*, употреблявшийся для обозначения лубых слов, не имевших ударения на последнем слоге. У грамматиков александрийской школы, например у Аполлония, мы встречаем эти наименования, равно как и *περισπωμένον*. Прочие термины известны только из византийских источников, хотя глаголы, от которых эти термины образованы — *παροξύων*, *προπαροξύων*, *προπερισπῶω*, — употребляет уже Аполлоний.

⁵ С. И. Соболевский. Древнегреческий язык. М., 1948, §§ 58—61, 64.

⁶ Устойчивость традиционных правил о значении конечного слога для ударения связана с тем обстоятельством, что при традиционном определении долгого „по положению“ слога конечный закрытый слог, оканчивающийся на один согласный, считается кратким (стр. 7). Если бы не было представлений о краткости таких конечных слогов, не возникло бы ошибки в традиционных правилах об ударении и ударение первого слога в *ἄνθρωπος* давно было бы связано с краткостью последнего гласного.

На ошибку в общепринятом правиле впервые, по-видимому, указал Мейе (La place de l'accent en Latin. Mémoires de la Société de Linguistique de Paris, 20, 1916, стр. 169). За ним последовали Якобсон (гл. I, прим. 96), затем Лежен (Précis d'accentuation grecque. Paris, 1943). Балли в 1945 г. еще не высказывается с достаточной ясностью по этому поводу, а Лучиди (L'origine del trisillabismo in Greco. Ricerche Linguistiche I, 1, 1950, стр. 69 и сл.) подробно останавливается на этом вопросе как на сравнительно новом. Правильность указаний Геродиана на ударение типа *φοῖνιξ*, *κῆρυξ* в античности никем не оспаривалось, и сомнения Швицера (Griechische Grammatik, т. I. München, 1938, стр. 391), ссылающегося на ошибочную форму *βοῦκλεψ* (вм. *βοῦκλεψ*) у Аркадия, лишены оснований. Поздневизантийские грамматики внесли в этот вопрос большую путаницу, предполагая, что в неодносложных словах на *-ιξ*, *-υξ* долгий гласный основы сохраняет долготу также в именительном падеже. Они рекомендовали повторм написания *φοῖνιξ*, *κῆρυξ*, но исходили они, конечно, не из долготы конечного слога, а из предполагаемой долготы гласного. Вообще, в поздневизантийских источниках много акцентологических ошибок. Так, словарь Гесихия, сохранный лишь в одной рукописи, полон чудовищных ударений (например, всегда *Δισχυλος*), часть которых продолжает и поныне засорять наши словари.

О группе *φοῖνιξ* *ἐστὶ* см. гл. IV, прим. 47.

⁷ Многие исследователи старались найти способ устранить это „неудобное“ исключение. Вандриес (ук. соч., §§ 55, 57) ссылается на то, что в этих случаях (... *×* *υ* *υ*) вторая мора долгого слога неспособна принять на себя ударение, и пытается провести различие между морой как „единицей длительности“ и морой как „тонической единицей“. С „тонической“ точки зрения этот долгий слог равносложен будто бы одной мере. Еще более искусственный характер имеет объяснение в кн.: R. Gauthiot. La fin de mot. Paris, 1913 (стр. 215), — будто бы долгие гласные неконечных слогов одноморны, что опровергается уже обремененным ударением в словах типа *δῶρον*. См. E. Hermann, ук. соч., стр. 88.

⁸ R. Jacobson, Z zagadnień prozodji starogreckiej.

⁹ Там же, стр. 75.

¹⁰ J. Kurylowicz, ук. соч., 2-е изд., стр. 107.

¹¹ Как указано было на стр. 43, мы отвлекаемся от вопроса о возможной разнице в интонации на неударном гласном *-ā* между формами gen. sing. и acc. plur.

¹² „Двоегласные в древнегреческом языке . . .“. См. прим. 64 к гл. II.

¹³ Почти через 50 лет после статьи Ф. Е. Корша то же объяснение предложил Лучиди (ук. соч., стр. 74 сл.), не зная, конечно, о своем русском предшественнике. Причину консонантизации конечного элемента дифтонгов Лучиди усматривает в противоречии между нисходящим характером дифтонга и акутом на второй его гласной. Однако статья Ф. Е. Корша осталась неизвестной не одному только Лучиди. Ее не знает даже Курилович, трактующий о дифтонгах -oi, -ai на стр. 112—113 своего труда. Курилович считает, что однородность конечных -oi, -ai связана с конечными дифтонгами -ōi (-ōōi), -āi (-āāi), у которых вторая гласная содержала вторую мору долгого гласного, приравняющуюся к краткому гласному, в сочетании с -i; это приводило к тому, что сочетания -oi, -ai расценивались как однородные.

Иначе объяснял двойное количество конечных дифтонгов Фортунатов. Он ставил это явление в связь с различным количеством неслоговой части дифтонга. „Различие между о. и. е. краткостью и долгой неслоговой части дифтонгов «āi» и «āc» [под „ā“ Фортунатов разумеет здесь краткие гласные ā, ē, ō, — И. Т.] засвидетельствовано греч. языком по отношению именно к о. и. е. āi в старом о. и. е. конце слов (т. е. не перед согласной); о. и. е. дифтонги «āi» в этом положении сохраняли в греч. языке краткую неслоговую гласную (как свидетельствует ударение греч. слов) и там, где являлись ударяемыми, имели греч. «острое» ударение, между тем как о. и. е. «āi» в том же положении представляли и в греч. языке более или менее долгое i, а ударение на таких греч. дифтонгах было «облеченным»“ (Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительная фонетика индоевропейских языков. В кн.: Избранные труды, I, 1956, стр. 342). Однако если двухморными являются только дифтонги, восходящие к сочетанию краткого слогового гласного с долгой неслоговой частью, то возникает вопрос, почему дифтонги, находящиеся не в конце слова, а перед согласным, являются двухморными. В связи с этим Фортунатов приходилось принимать, что о. и. е. дифтонги „āi“ и „āc“ перед согласными в греческом языке „получали некоторое удлинение неслоговой части и потому не могут быть отличаемы нами по количеству от о. и. е. «āi» и «āc» перед согласными“ (там же). Такое удлинение неслоговой части дифтонга перед согласным, распространяющееся и на те случаи, когда согласным заканчивался закрытый слог, представляется фонетически несколько неожиданным.

Глава IV

¹ Е. Д. Поливанов. 1) Музыкальное ударение в говоре Токио, стр. 1622 сл.; 2) Введение в языкознание. . . , стр. 132 сл.

² Попытка изучения мелодики вопросительной интонации в греческом языке была сделана А. Тумбом — см.: К. Brugmann. Griechische Grammatik. 4. Aufl. v. A. Thumb, München, 1913, стр. 665—672.

³ Ср., например: С. И. Соболевский, ук. соч., § 75 (стр. 17).

⁴ Об артикле — I, р. 473, 30—31: Πάν ἄρθρον ὀξύνεται, χωρὶς τῶν γενικῶν καὶ δοτικῶν· αὐταὶ γὰρ περισπῶνται; о предлогах — I, р. 479, 28: Πᾶσα πρόθεσις εἰς μονοσύλλαβον εἰς δισύλλαβον ὀξύνεται; ср.: II, р. 160, 23—27 о ὧς и I, р. 504, 6—7 об οὐ.

⁵ См. стр. 67, 69—71.

⁶ Следует иметь в виду, что для византийской эпохи различие между густым и легким придыханием, равно как и между острым и облеченным ударением, было только графическим. Ср. редакционное замечание Б. Л. Гилдерслива к статье Блумфильда (Am. Journ. of Philology, IV, 1883, стр. 24).

⁷ Godofredi Hermanni de emendanda ratione Graecae grammaticae pars prima. Lipsiae, 1801. Liber 1, cap. XX — De dictionibus procliticis, стр. 96—101.

⁸ В. Лаум, ук. соч., стр. 220 сл.

⁹ Это имело уже место в микенском письме; M. Ventris and J. Chadwick, ук. соч., стр. 47.

¹⁰ См. прим. 50 к гл. I. Ср. также: C. Bernhardi. De incisionibus anapaesti in trimetro comico Graecorum. Acta soc. philolog. Lipsiensis, I, 1872, стр. 243—286; W. Arnott. Split Anapaests. The class. Quarterly, LI (N. S. VII), 1957, стр. 188—198.

¹¹ С. И. Соболевский, ук. соч., стр. 238—239.

¹² Th. Benfey. Die eigentliche Accentuation... Nachr. v. d. Ges. d. Wiss. zu Göttingen, 1878, стр. 165—169 = Vedica und Linguistica, 1880, стр. 101 сл. Предшественниками Бенфея были в этом вопросе: F. Schöll, ук. соч., стр. 65, и G. Meyer. Über den Einfluss des Hochtons auf den griechischen Vocalismus. Ztschr. f. vergl. Sprachforschung, XXIV, 1879, стр. 238.

¹³ J. Wackernagel. 1) Beiträge zur Lehre vom griechischen Akzent. Basel, 1893, стр. 15; 2) рец. на кн.: J. Postgate. A short guide to the accentuation of ancient Greek. Anzeig. f. indogerm. Sprach- und Altertumskunde, XLIII, 1926, стр. 48—59; ср.: B. J. Wheeler, ук. соч., стр. 98 сл.

¹⁴ Отсутствие анастрофы для *διά* и *ἀνά* было, вероятно, вызвано желанием грамматиков, для которых анастрофа всех предлогов, кроме *πέρι*, перестала быть явлением живого языка, провести графическую дифференциацию с формами *ἀνα* (звательный падеж от *ἀναξ*, а также в значении *ἀνάσσει*) и *Δία* (винительный падеж от *Ζεύς*) — K. von Fritz. *Δία, διά* und *διά*. Glotta, XXXIV, 1955, стр. 300—301. Что подобными соображениями руководствовался Аристарх, известно из Геродиана к Е 824 (Herod. II, p. 53); ср.: В. Лаум, ук. соч., стр. 181, 226.

¹⁵ Неясно *ἀντί*, ср. д.-и. *ánti*.

¹⁶ Геродиан считал это слово окситонным (В. Лаум, ук. соч., стр. 195 сл.), но в рукописях и у схолиастов бывают колебания (Kühner—Blass. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Hannover, I, 1890, 335, прим. 3), что, конечно, свидетельствует о древней традиции написания *πέρι*.

¹⁷ Аполлоний, De constructione IV, 11, p. 443, 8—9, со ссылкой на Аристофана Византийского и его последователей. 2) De pronom. p. 73, 8; ср.: Присциан XIV, 6—G. L. III, p. 27, 6—8.

¹⁸ Схолии А к П 207: ταῦτά με ἀγείρομενοι ἐπὶ τὴν ΤΑ συλλαβὴν ὀξεῖα· ἐγχλητικὴ γὰρ ἐστὶν ἡ ΜΕ· οὕτως καὶ Ἀρίσταρχος.

¹⁹ На энклитиках, рассматриваемых вне фразовых условий, мы не ставим традиционного окситонного ударения, которое они имеют на тех же основаниях, что и проклитики, — когда становятся оротоническими.

²⁰ С. И. Соболевский, ук. соч., стр. 239.

²¹ Аполлоний Дискол (De pronom. p. 34, 9) приводит гомеровский стих М 204 в форме *κόψε γὰρ αὐτὸν ἔχοντα*, ср.: Геродиан, II, p. 82, 15, но не все грамматиканы были согласны с этим. Так, Трифон (Аполлоний, De pronom. p. 61, 17 сл.) рекомендовал ставить ударение на форме *αὐτόν* по аналогии с прочими косвенными падежами *αὐτοῦ*, *αὐτῶν*.

²² Например, схолии к Z 355 сл.:

ὅαρ, ἐπεὶ σὲ μάλιστα πόνοσ φρένας ἀμφιβέβηκεν
εἶνεν· ἐμεῖο κυνός καὶ Ἀλεξάνδρου ἐνεν· ἀρχῆς

содержат рассуждения о том, что местоимение *σέ* следовало бы считать оротонным, поскольку оно находится в соотнесенности (*ἐπεὶ πρὸς τί ἐστιν*), в оппозиции (*ἀντιδιασταλτικὴ ἐστί*) к *ἐμεῖο* и *Ἀλεξάνδρου*, но что общеприня-

тым является энклитическое произношение местоимений после ἐπεὶ (Геродиан, II, р. 56, 30 сл.).

23 Аполлоний, *De constructione*, II, 75, р. 182, 4—9; ср. Геродиан, I, р. 558, 14—18.

24 По аналогии соотношения, ὄμῖν—ὄμῖν к ортотоническому ὄμῖν было образовано энклитическое ὄμῖν, также встречающееся в трагедии.

25 Геродиан, I, р. 558, 18.

26 В неопределенном местоимении πότερος, превышающем конечный ансамбль греческого слова, энклитическая позиция приводит лишь к дальнейшему ударению, ср. ἤμων и т. д. (стр. 65). Если окситонная форма ποτέρως, которую приводит в своем словаре Фотий, действительно имеет опору в традиции, ср. д-н. kataráh, пришлось бы допустить, что дальнейшее ударение вопросительного πότερος создается по аналогии с получившей дальнейшее ударение в энклитической позиции неопределенной формой. Однако готск. hwaþar указывает, по-видимому, на то, что ортотоническое πότερος могло иметь исконное дальнейшее ударение.

27 F. Specht, ук. соч., стр. 184 сл.

28 *Scriptores metrici Graeci*, ed. R. Westphal. Vol. I. Lipsiae, 1866, стр. 93.

29 B. Laum, ук. соч., стр. 292.

30 См.: Alcman. *The Partheneion*, by D. L. Page, Oxford, 1951.

31 Предлагаемое в тексте объяснение представляется мне более вероятным, чем положение Гетлинга (*Allgemeine Lehre vom Accent der griechischen Sprache*. Jena, 1835, стр. 399), принимаемое рядом позднейших авторов (Кюннер—Бласс, Балли), о том, что в быстро и ненапряженно произносящихся энклитических словах долгий слог равносильен краткому. У Гетлинга это было связано с тем, что он считал греческое ударение динамическим (см. выше, стр. 26).

32 Геродиан, I, р. 563, 3—4, где прямо формулируется закон о добавочном ударении на конечном кратком парокситонного слова при присоединении энклитики: *τὸν παροξύνοντο τροχαϊκῇ οὖσα*; добавочное ударение такого типа при пиррихическом окончании (◡) рассматривается уже как исключение, ср. схолии А к Z 289: *ἑσάν οἱ ἐγχεκλιμένως ἀναγνωστέον οὕτως δὲ τόνους, καίτοι πυρριχιακῆς οὐσας τῆς λέξεως, ἵνα μὴ ἄρθρον νοηθῇ τὸ οἱ ἀλλ' ἀντωνυμία*.

33 Геродиан, I, р. 562, 11—16.

34 B. J. Wheeler, ук. соч., стр. 126.

35 A. Meillet. *Mémoire de la Soc. de Linguistique*, VIII, 1894, стр. 239.

36 J. Wackernagel. *Beiträge zur Lehre vom griechischen Akzent*, стр. 24 сл.

37 Для форм, начинающихся на σφ-, Ваккернагель считался с возможностью неверного членения слогов в сочетаниях, содержащих волийские формы на ἄσφ-: ἄρ' ἄσφ-, ἴν' ἄσφ- были поняты как ἄρα σφ-, ἵνα σφ-, и это привело к обобщению ударения на последнем слоге слова, предшествующего формам на σφ- (*Beiträge...*, стр. 27).

38 F. Specht, ук. соч.

39 C. Bonfante, ук. соч., стр. 535—546.

40 Ch. Bally, ук. соч., стр. 112—113.

41 Ссылка Бонфанте на то, что в гомеровском тексте это устранено аттической редакцией, сохранившей такое ударение только в словах, чуждых аттическому диалекту, не дает объяснения для самых употребительных случаев типа φύλλά τε, так что Бонфанте приходится принять в качестве дополнения объяснение Ваккернагеля.

42 B. Laum, ук. соч., стр. 293 сл.

43 Так, к стиху „Илиады“ Н 199: ἔλπομαι ἐν Σαλαμῖνι γενέσθαι τε τραφέμεν τε — схолии А объясняют, что постановка ударения имеет предупредительный характер во избежание отнесения те к следующему слову в качестве морфемы удвоения: ἀλλεπάλληλοι ὀξεῖται, καίτοι σπονδειακόν ἐστὶν ἀλλ' ἰσως ἵνα ἐκφυγῶμεν τὸν διπλασιασμόν τοῦ ῥήματος, λέγω δὲ τοῦ τετραφέμεν τε, ὡς καὶ ἐν τῇ Τ τῆς Ὀδυσσεΐας (320) παραλόγως ἐνεκλίναμεν ἐν τῷ „ἦσθεν δὲ μάλ' ἤρι λῳέσσαι τε χρίσαι τε“ ἵνα μὴ πληθυντικὸν ῥῆμα ὑπολάβωμεν.

44 Акут вместо циркумфлекса еще можно бы толковать как старинное ударение энклитической группы на последней мере ортотонического слова, но циркумфлекс вместо акута имеет только графический характер.

45 Не исключается возможность, что в τανίχα мы имеем уже энклитическую группу, состоящую из τανι и χα. В этом случае акцентуация [τ]ανίχα νιν происходила бы по правилам о синэнклитиках (стр. 72—73).

46 Ср. схолии А к В 26 — ἄγγελός εἰμι, В 223 — νεμέσσηθέν τ'.

47 Схолии А к Π 207: ταῦτά μ'. Ср. те же схолии к В 28: θωρήξαι σε.

Псевдогеродиановская эпитома Περὶ ἐγκλινομένων устанавливает в качестве исключения случаи, когда слово с обремененным ударением на предпоследнем слоге имеет последний слог долгий по положению, приравнивая такие слова к парокситонам. В качестве примера приводятся группы φοῖνιξ ἐστί, κῆρυξ ἐστί, причем неясно, касается ли это также слов, оканчивающихся на ψ, типа λαῖλαψ, и какая устанавливается норма в случае односложной энклитики. Если это так, то перед нами единственный случай, когда греческая акцентуационная система исторического времени принимает во внимание не количество самого гласного, а количество слога (ср. стр. 48). Трудно сказать, действительно ли это правило восходит к Геродиану. Если же оно действительно древнее, то для объяснения его надо предположить (ср.: Ch. Bally, ук. соч., §. 35), что краткий гласный конечного слога перед сильноначальной группой из двух согласных (ξ или ψ) был фонетически сверхкратким, меньше обычного краткого. Между тем, ударение энклитической группы на последнем слоге ортотонического слова удлиняло этот слог по сравнению с его обычным количеством (гл. II, прим. 1). При этих условиях конечные слоги в φοῖνιξ, κῆρυξ могли не допускать на себе ударения энклитической группы, что и приводило к трактовке их по аналогии с парокситонами.

48 ἐγκλιτικὴ μὲν ἢ σφέων. ὅμως τὸ τῷ πάλιν περισπωθῆσεται.

49 De em. rat. Gr. gr., p. 71.

50 J. Wackernagel, ук. соч., стр. 21: „Говорили ἀγαθοῦ τινος, а писали ἀγαθοῦ τινος“.

51 Геродиан, I, p. 492, 4—5, где Ленц без нужды принял исправления Лерса и Шмидта πῶς ποτε; ср.: В. Laum, ук. соч., стр. 300—301.

52 У ряда современных авторов, например у Шпехта (прим. 27), предположенное Ваккернагелем ударение *ἀγαθοῦ τινος рассматривается как засвидетельствованный факт, который может лежать в основе дальнейших лингвистических гипотез. Это — недоразумение, вызванное, быть может, отсутствием астериска при этой группе у Ваккернагеля.

53 С. И. Соболевский, ук. соч., стр. 231.

54 Псевдо-Геродиан, I, p. 553, 10—12.

55 De conjunctionibus I, p. 249, 16—20 (Schneider—Uhlig).

56 Геродиан, I, p. 563, 14 сл.

57 Там же: διὰ τὴν τοῦ πνεύματος συνέχειαν δεομένην ἀναπαύσεως.

58 В. Laum, ук. соч., стр. 243 сл., 326.

59 H. W. Chandler, ук. соч., стр. 282—283; ср.: Ch. A. Loebck. De interpunctione cum enclisi et synaloephe conjuncta (в кн.: Patholog. Gr. sermon. elementa. Regimontii, 1853—1862).

⁶⁰ Ватиканские схолии к Дионисию Фракийскому, цитированные в прим. 47 к гл. I. Лаум (ук. соч., стр. 473) приводит серьезные соображения, позволяющие возводить эту формулировку к весьма авторитетному у византийцев грамматiku Феодосию Александрийскому (ок. 400 г. н. э.).

⁶¹ Схолии А к Λ 51: κομίζεται γὰρ ἡ ὀξεῖα ἐν τῇ συνεπείᾳ.

⁶² G. Hermann, ук. соч., стр. 66; W. Corssen. Über Aussprache, Vocalismus und Betonung der lateinischen Sprache, II. 2-е изд., Leipzig, 1870, стр. 824—825; R. Westphal. Methodische Grammatik der griechischen Sprache, I. Jena, 1870. §§ 31—32; Kühner—Blass. Ausf. Gramm. d. griech. Spr., I, 1890, стр. 330.

⁶³ Работы Мистели см.: прим. 14 к гл. VIII и прим. 76 к гл. I; H. Ehrlich. Untersuchungen über die Natur..., стр. 250 сл.

⁶⁴ J. Wackernagel, ук. соч., стр. 3 сл.

⁶⁵ J. Vendryès, ук. соч., стр. 40 сл.

⁶⁶ R. Jakobson, ук. соч., стр. 76—77.

⁶⁷ Р. Якобсон имел, вероятно, в виду при своем предположении замечание Е. Д. Поливанова о том, „что в языке есть тенденция против музыкального повышения на последнем слоге слова“ (Музыкальное ударение в говоре Токио, стр. 1620—1621) и что японские атонные слова могут иметь факультативное повышение на конечном слоге. Сам Е. Д. Поливанов ссылался на аналогию чередования якута с грависом в греческих окситонных словах (стр. 1621—1622).

⁶⁸ J. Wackernagel. Das Zeugniß der delphischen Hymnen...

⁶⁹ О Мазинге упоминают Ваккернагель (ук. соч., стр. 3) и Бругман, одобрявший в своем „Grundriss der vergleichenden Grammatik...“ (1, 1889, стр. 548) выводы Мазинга.

⁷⁰ Neue Jahrbücher f. d. klass. Philologie, XVII, 247: τεῖχος [I 67 и Υ 49]: ἀμφότεραι αἱ πτώσεις πίπτουσιν εἰς ἀνεσιν. ἂν γε μὲν ἡ „τεῖχος ἐκτός“ τὴν μὲν πρώτην πῶσιν ἀνεσθαι, τὴν δ' ἐχόμενην τὰναντία· καὶ ἐπὶ θατέρου [т. е. ἀλὸς ἐξω P 265] τὸ μὲν „ἀλὸς“ ἐπιτετάσθαι, τὸ δὲ „ἐξω“ ἀνεσθαι, ἂν δὲ „ἐκτός“ τιθῶμεν [т. е. ἀλὸς ἐκτός], ἀμφοτέρων ἐπιτεινομένων ὀχλείσθαι τὴν ἀκοήν.

Ср.: P. Hanschke, ук. соч., стр. 115—116.

⁷¹ Геродиан, I, р. 4.

⁷² E 887 ΖΩΣ ΑΜΕΝΗΝΟΣ (схолии А) отсутствует в Т и является, вероятно, позднейшим добавлением.

⁷³ Отголоском правила о постановке грависа на односложных словах является, может быть, замечание Grammaticus Meermannianus о дорийском диалекте: τὰ μονοσύλλαβα ῥήματα βαρυτονοῦσιν οἱ Δωριεῖς (Gregorius Corinthius, ed. Schaefer, 1811, р. 657).

⁷⁴ Прим. 35 к гл. I.

⁷⁵ De pronom. р. 36, 1—5: τὸ μὲν γὰρ ἐγκλινόμενον αὐτὸ μόνον κομίζει τὴν ὀξεῖαν, „αὐτὰρ ἐγὼ καὶ Τυδείδης“ (δ 280)· τὸ δ' ἐγκλιτικὸν μετὰ τοῦ τὸν τόνον ἀποσβεννύει καὶ τὴν <πρό> αὐτοῦ βαρεῖαν ὀξύνει, Ἀπολλωνίος μοι, ἐτίμησάς με.

⁷⁶ Apollonius Dyscolus. De pronomibus pars generalis ed. P. Maas. Bonn, 1911. Ср. также его рецензию на кн.: Ap. Dysc. I, 2 (Schneider-Uhlig) в: Wochenschr. f. klass. Philologie, 1903, стр. 61.

⁷⁷ De constr. р. 480, 5—8: Апполоний ставит вопрос о происхождении необычного окситонного ударения в слове, оканчивающемся на -ο (ср. De adv. р. 198, 20 сл.; De pronom. р. 73, 6 сл., Геродиан, I, р. 479, 30 сл.), и объясняет его, по-видимому, тем, что проклитическое, как мы бы теперь сказали, слово в паузе становится окситонным. Интерpolator не понял этого и сослался на византийское правило, исказив к тому же предшествующую часть подлинного текста: ... μόριόν τε τὸ ὥς ὤνεται μετὰ τοῦ συνόντος πνεύματος, ὃ παρεπόμενον ἦν πάσῃ [P] λέξει ἐχούσῃ παρ' αὐτῇ

ἐτέραν λέξιν. τοῦτο δέ φημι, ἐπεὶ πᾶσαι αἱ ὀξύτονοι ἐκφορᾷ ἐν παραθέσει οὔσαι ἐτέρων λέξεων εἰς βραεῖαν μετατίθενται ὡς ἐν τῷ „εἰ μὴ μητρική“ [E 389] καὶ τοῖς ὁμοίοις.

⁷⁸ Καὶ ἐτι παρὰ Δωριεῦσιν ἓνια ὀξύνεται, ὥστε κατ' ἐγκλισιν ἀνεγνώσθη „ἡ ῥα καλῶς ἀποκαθάρασα ἐξελεπόρωσεν“ (Sophr. fr. 87, Ahrens).

⁷⁹ De coniunct. p. 255, 5-8, 16-18; De constr. p. 214, 2-5.

⁸⁰ Швицер в своей „Griechische Grammatik“ (I, 1938) принял все основные выводы Лаума.

⁸¹ См. прим. 41 к гл. I.

⁸² В. Laum, ук. соч., стр. IX.

⁸³ σιαί (98), как показывает метрика, произносится в один слог.

⁸⁴ В этой связи можно вспомнить, что единственное место у Аполлония Диска, где указание на замену акута грависом в более чем односложном слове не возбудило у нас само по себе сомнения в своей подлинности, содержало цитату из Софрона, т. е. опять-таки дорийский текст.

⁸⁵ См. прим. 38 к гл. II.

⁸⁶ В. Laum, ук. соч., стр. 420 сл.

⁸⁷ Схолии А к Δ 160: λέγει ὁ τεχνικός ἐν τῷ ὑπομνήματι τοῦ περὶ παθῶν Διδύμου: τὰ ὀξύτονα ἡνίκα ἐκθλιβήται τὴν ὀξυνομένην συλλαβὴν, ἀναπέμπει τὴν ὀξεῖαν ἐπὶ τὴν ὀπίσω συλλαβὴν.

⁸⁸ Там же: καὶ ἐὰν ἡ ἑκθλιβεῖσα συλλαβὴ ἡ ἔχουσα τὴν ὀξεῖαν βραχεῖα, ἡ δὲ ὀπίσω συλλαβὴ φύσει μακρά, τῷ τονικῷ παραγγέλματι γίνεται περισπώμενον. . . ἐν δὲ τῇ Ὀμηρικῇ προσῳδίᾳ ἐναντιοῦται τούτῳ.

⁸⁹ См.: Н. L. Ahrens. De crasi et aphaeresi. Stollb., 1845.

Глава V

¹ Таковы уже упоминавшиеся нами (гл. I, прим. 28) трактаты Иоанна Филопона и его предшественников. Ср. также: В. Laum, ук. соч., стр. 329 сл.

² См. гл. I, прим. 77.

³ Лишь немногие формы личного глагола избежали этой перестройки. Сюда относится в первую очередь повелительное наклонение второго аориста в медиальной форме (тип λαβοῦ), а в аттическом диалекте единичные случаи также и в активной форме: εἰπέ, ἰδέ, ἐλθέ и т. д. Объясняется это, вероятно, частым положением повелительного наклонения в начале предложения. Курилович полагает, что в медиальной форме обнаруживается тенденция к дифференциации со вторым лицом изъявительного наклонения: λιποῦ — λίπου, ср. в активе λίπε — λίπες. В глаголе εἰμί сохранились следы двойственности тонических и энклитических форм: ἔστι и ἐστί; во втором лице одни диалекты обобщили тоническую форму εἰ (< *εἰσι), другие — энклитическую ἐσσί. Тоничность второго лица φής (‘говоришь’) уже Ваккернагель объяснил синтаксическим употреблением этой формы — обычно в вопросах или в качестве вводного слова.

Другое объяснение редессивного ударения в греческом глаголе было предложено Беценбергером (Die Entstehung der griechischen Verbalbetonung. Beitr. zur Kunde d. indogerm. Sprachen, XXX, 1905, стр. 167—175; ср. его же статью: Ἀπόδος. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, XLII, 1908, стр. 62—65) и поддержано с некоторой модификацией Куриловичем (ук. соч., 2-е изд., стр. 151 сл.). По мнению Беценбергера, глагол сам по себе не был энклитическим, но, становясь составным, получал ударение на уточнявшем его превербе, произносившемся с большей эмфазой. Закон ограничения ударения концом слова привел к передвижению ударения вперед на то наиболее близкое к превербу место, которое входило в новую зону ударности. Это наиболее близкое к превербу место

тем самым было наиболее далеким от конца слова. Возникшее в составных глаголах рецессивное ударение распространилось потом на простые глаголы. Гипотеза Бецценбергера не объясняет, однако, почему рецессивное ударение ограничилось личными формами глагола и не перешло на именные.

⁴ Отсюда дублетные формы, возникающие при двоякой трактовке глагола как составного или простого: καθέυδον—ἐκάθευδον; καθήσο (которому противостоит повелительное наклонение καθήσο)—ἐκάθησο.

⁵ Об исключениях типа παῖδων, πάντων и других особых случаях см.: J. Kuryłowicz, ук. соч., стр. 123 сл. Относить ли к пережиткам маргинального ударения такие случаи, как μία—μῖας, ἄγρια—ἀγρίας, остается спорным (там же, стр. 119).

⁶ J. Kuryłowicz, ук. соч., стр. 113 сл. Со своей стороны приведу несколько деталей. В слитных именах II склонения с рецессивным ударением слияние приводило к необычному типу чередования ударения на предпоследнем слоге при кратком (до слияния) последнем гласном — *χρύσοος < χρύσεος, *χρύσουν, *χρύσοι, εὔνοος, εὔνοον, εὔνοι, с циркумфлексом на последнем слоге, когда он был до слияния долгим — χρύσοϝ, χρυσϝ и т. д., *εὔνοϝ, *εὔνϝ и т. д. Это чередование было выравнено, причем в простых словах был обобщен циркумфлекс по аналогии односложных: νοῖς, νοῖ и т. д., а в сложных словах — ударение на предпоследнем слоге: εὔνοος, εὔνοϝ и т. д.

Особый случай составляет так называемое аттическое склонение, возникшее в результате metathesis quantitatis (стр. 54) — λεῶς < *λῆρος < λᾶος. В этом склонении ударение остается острым даже на тех падежах, где имело место слияние: λεῶ < *λᾶό-ο — и где мы по общему правилу ожидали бы обложенного ударения. Объясняется это, вероятно, тем, что при долготе последнего, образовавшегося из слияния гласного, сокращение первого вокалического элемента уже не могло быть уравнено удлинением второго, а компенсировалось лишь переходом гласного с обложенным ударением в двухморный же, но более длительный по времени гласный с острым ударением (см. прим. 1 к гл. II). Таким образом, переход циркумфлекса в акут есть одна из форм metathesis quantitatis. Ударение винительного падежа Δητῶ, вместо Δητῷ наподобие Δητοῖς, Δητοῖ, — возникло по аналогии именительного Δητῷ в порядке схемы II склонения, где акут именительного и винительного противостоит циркумфлексу родительного и дательного. Здесь, как и в аттическом склонении, Аристарх и Геродиан сохраняют древнюю традицию, в то время как другие грамматики рекомендуют более понятное по правилам о слиянии обложенное ударение.

⁷ Не претендующая на полноту свodka материала — у Куриловича (ук. соч., стр. 130—151).

⁸ B. J. Wheeler, ук. соч., стр. 54—55.

⁹ Стр. 149—154. Ср. его же статью „Une loi d'accentuation grecque: l'opposition des genres“ (Mémoir. de la Soc. de Linguistique, XIII, 1905—1906, стр. 131—146).

¹⁰ Kuryłowicz, ук. соч., стр. 146 сл.

¹¹ B. J. Wheeler, ук. соч., стр. 50 сл.

Глава VI

¹ Сведения грамматиков о дорийском ударении были в свое время собраны с большой полнотой Аренсом: H. L. Ahrens. De Graecae linguae dialectis. Liber II. De dialecto Dorica. Gottingae, 1843, стр. 26—35 — и дополнены Мейстером: R. Meister. 1) De dialecto Heracliensium Italicorum. Studien zur lateinischen und griechischen Grammatik, hrg. von

G. Curtius, IV, стр. 357 сл.; 2) Zur griechischen Dialektologie. I. Bemerkungen zur dorischen Akzentuation. Programm des Nikolaigymnasiums in Leipzig. 1883. Ср. также: F. Schubert. Miscellen zum Dialekte Alkmans. Sitzungsberichte d. phil.-hist. Kl. d. Akad. d. Wiss. Wien, 92, 1878, стр. 529—542; E. Boissacq. Les dialectes Dorien. Paris-Liège, 1891, стр. 29—32; E. Hermann. Die dorische Betonung. Indogerm. Forschungen, 38, 1917/20, стр. 148—158; H. Hirt. Der Akzent. Heidelberg, 1929, стр. 65; A. Thumb. Handbuch der griechischen Dialekte, I. 2. erw. Aufl. von E. Kieckers, Heidelberg, 1932, стр. 74—77; E. Schwyzer, ук. соч., I, стр. 384; J. Kuryłowicz, ук. соч., стр. 157—159; M. L. Cheli. Carattere dei dialetti dorici. Ann. della Scuola Norm. Super. di Pisa, Lett., Stor. e Filos., ser. II, vol. XXIX, 1960, стр. 15—20. Некоторые авторы, как например Ф. Бехтель в своем объемистом труде „Die griechischen Dialekte“ (I—III, Berlin, 1921—1924), отказываются вообще рассматривать вопрос о дорийском ударении из-за его неясности.² Наблюдение это сделано еще древними грамматиками; ср.: Аполлоний. De pronom. p. 93, 12—13: Δωριεῖς ἐπὶ τὸ τέλος φιλοῦσι τὴν ὀξεῖαν προσάγειν.

³ Григорий Коринфский (Gregorii Corinthii et aliorum grammaticorum libri de dialectis linguae Graecae, ed. G. H. Schaefer. Lips., 1811), p. 316.

⁴ Пропарокситонность дорийского 1-го л. ед. ч. ἐλεγον прямо засвидетельствована Аполлоном Дисколом, который указывает, что у дорян продвижение вперед ударения этой формы во множественном числе уничтожило ее совпадение с единственным числом (De constructione, II, 33, p. 300, 6—7): Ὑπεξηρήσθω τὰ Δωρικά· ἡ γὰρ παρ' αὐτοῖς καταβιβασμένη ὀξεῖα ἐπὶ πληθυντικῶν ἀνίστησι τὴν πρὸς τὸ ἐνικὸν συνέκπτωσιν. То же вытекает с полной ясностью из Геродиана (I, p. 460, 10—13): Πᾶν πρόσωπον ὀριστικὸν εἰς ὃν εἴτε ἐνικὸν εἴτε πληθυντικὸν ἅπλοῦν ὑπὲρ δύο συλλαβάς προπαροξύνεται, ἔγραφον ἐγὼ καὶ ἔγραφον ἐκεῖνοι, ἔτυπτον ἐγὼ καὶ ἔτυπτον ἐκεῖνοι, ὑπεσταλμένης τῆς Δωρίδος διαλέκτου, οἱ γὰρ Δωριεῖς τὸ ἐλέγον ἐκεῖνοι παροξύνουσι.

⁵ G. Meyer. Griechische Grammatik, 3-е изд. Leipzig, 1896, стр. 402.

⁶ H. L. Ahrens, ук. соч., стр. 28—29.

⁷ Согласно Фортунатову, здесь, как и в тех дифтонгах с неслоговыми *i*, *u*, которые отразились в греческом языке как двухморные (см. гл. III, прим. 13), речь идет о сочетаниях краткого слогового гласного с долгим неслоговым. По отношению к балто-славянскому Ф. Ф. Фортунатов констатирует: „Надо заметить, что еще в балт.-слав. языке носовые согласные (как и плавные) в дифтонгических сочетаниях перед согласными были вообще некроткими, как из о. и. е. некротких, так и из о. и. е. кратких носовых согласных“ (Сравнительная фонетика индоевропейских языков. Избранные труды, I. Москва, 1956, стр. 387). Греческого языка Ф. Ф. Фортунатов в данной связи не рассматривает, но не приходится сомневаться, что он устанавливал бы для дифтонгических сочетаний с плавной и носовой неслоговой частью такое же удлиннение неслогового элемента в положении перед согласным, какое он принимал для *i*, *u*.

⁸ Соотношение это сохранилось в цаконском диалекте: ἀνθρο-ανθρίπι (E. Hermann, ук. соч., стр. 154).

⁹ Gramm. Meermann, p. 657.

¹⁰ Надлежит помнить, что в александрийской акцентуационной системе знак ударения ставился на первом элементе дифтонга, а не на втором (стр. 17).

¹¹ Схолий к Феокриту I, 83: καθόλου τὰ εἰς ται ῥήματα, ὅταν τῷ η (Meister; γ — codd.) παραλήγῃται περισπωμένως, παροξύτονουσι Δωριεῖς. ὅταν δὲ βαρυτόνως, ὁμοίως ἡμῖν ἐκφέρουσιν. Стало быть — λέγῃται, πεποιήται. Нет ни малейших оснований видеть в последней части схолия ineptum recentioris hominis additamentum (H. L. Ahrens. *Bucolicorum Graecorum reliquiae*, II. Lipsiae, 1859, стр. 474). Наоборот, термин βαρυτόνως для неударного слога свидетельствует о том, что схолий восходит к хорошей традиции. Папирус парфения Алкмана дает ударение μαρτύρεται (ст. 42 = col. II, 8). Предположение Р. Якобсона (ук. соч., стр. 83, прим. 1), будто дорийский диалект и имеет только одно акцентное противопоставление — ударение на последней и предпоследней мере слова, — ошибочно.

¹² Грамматики не дают обобщенной формулировки этого закона, но свидетельствуют о нем в ряде частных случаев. О типе на -ται см. схолий к Феокриту I, 83, приведенный в предыдущем примечании. Тип γυναικες засвидетельствован у Хировоска (G. G. IV, 1, p. 386, 12—14): οἱ Δωριεῖς ὀξείαν παρέχουσιν ἐπὶ τῶν τοιούτων, οἷον παῖδες, αἴγες, γυναῖκες· ταῦτα γὰρ ἡμεῖς μὲν περισπῶμεν, οἱ δὲ Δωριεῖς παροξύνουσιν. О типе πτώκας схолий к этому слову у Феокрита (I, 110): τὰς αἰτιατικὰς οἱ Δωριεῖς τῶν εἰς ἐς λεγούτων εὐθείων ὁμοίως ταῖς εὐθείαις παροξύνουσιν. Частые указания поздних грамматиков об обложенном ударении типа ἐσσεῖται, например: Etym. Magn. 381, 22, схолии к Феокриту у Аренса (*Bucolicorum Graecorum reliquiae*, II, стр. 9) и др. — либо отражают какой-нибудь диалект, утративший исконное дорийское ударение в пользу ионийско-аттического или койнῆ, либо — что более вероятно — основаны на неправильном понимании сохраненного схолиями А к „Илиаде“ В 393 и восходящего, вероятно, к Геродиану указания: προπερισπαστέον τὸ ἐσσεῖται· οὐ γὰρ παροξύντεον, ὡς τινες, ἐπεὶ Δῶριον ἤδη γὰρ πολλὴ χρῆσις τῶν τοιούτων παρὰ Ἀττικαῖς. Геродиан полемизирует с некоторыми грамматиками (τινες), которые, рассматривая форму ἐσσεῖται как относящуюся к так называемому futurum doricum, рекомендовали акцентуировать ее на дорический манер парокситонно (ἐσσεῖται), и ссылается на то, что форма эта воспринята аттическим диалектом и, стало быть, должна иметь обычное ударение (ἐσσεῖται). При этом надо иметь в виду, что для Геродиана (по грамматической традиции, восходящей к Аристарху) Гомер является представителем аттического диалекта, ср.: Геродиан, II, p. 326, 16 — о Гомере — ὄντος δὲ τοῦ ποιητοῦ τῆς παλαιᾶς Ἀτθίδος. Последующие грамматики отнесли слова ἐπεὶ Δῶριον не к παροξύντεον, а к προπερισπαστέον; в этом их могло укрепить то обстоятельство, что активные формы futurum doricum имеют обложенное ударение: γραφῶ, γραφεῖς и т. д.

¹³ Вряд ли можно удовлетвориться „резиньяцией“ Куриловича, который просто констатирует, что „дорийский переход $\simeq \cup > \cup$ “ является одним из дифференцирующих диалекты вторичных последствий больших фонологических перемещений“ (ук. соч., стр. 157).

¹⁴ Схолий к Аристофану — Vesp. 1081 (Dind.): Τὸ γλαῦς ὄνομα, φησὶν Εὐφρόνιος, οἱ Ἀττικοὶ μὲν περισπῶσιν, οἱ δὲ Δωριεῖς ὀξύνουσιν. Геродиан, I, p. 394, 23: σκῶρ τοῦτο δὲ φασὶ Δωριεῖς ὀξύνειν.

¹⁵ Геродиан, I, p. 515, 2—3: Δωριεῖς δὲ τὰ ἀπὸ τῶν εἰς ος ὀξύτωνων ἐπιρρόματα ὀξύνουσι σοφός σοφώς, καλός καλώς. Ср.: Аполлоний, De adv. p. 169, 22—24. Сведения Иоанна Грамматика и позднейших византийцев (Григорий Коринфский, p. 311—312, Gramm. Meermann, p. 657) об акцентуации καλώς, σοφώς и т. д. представляют собой явную ошибку в результате смешения дорийского диалекта с эолийским.

¹⁶ Та же форма, что в именительном падеже двойственного числа: καλῶ. Форма инструменталиса возникла здесь, вероятно, из переосмысления именительного падежа двойственного числа: „я рукой пишу“ < „я рука (двойственное число) пишу“, т. е. „я пишу вместе с рукой“.

¹⁷ E. Schwyzer. Griechische Grammatik, I, стр. 623 сл.

¹⁸ В ионийско-аттическом диалекте формы родительного падежа мн. ч. от прилагательных женского рода на -α- имеют парокситонное ударение по аналогии с формами мужского-среднего рода — δικαίων, что, конечно, представляет собой позднейшее явление.

¹⁹ K. Krumbacher. Beiträge zu einer Geschichte der griechischen Sprache. Ztschr. f. vergl. Sprachforschung, XXVII, 1885, стр. 521—529.

²⁰ Например, Хировоск, G. G. IV, 2, p. 321, 3—4, 13—15: ... οἱ Αἰολεῖς βαρυντικοὶ εἰσι (τὸ γὰρ Ἀτρεὺς Ἀτρεὺς λέγουσι)... πᾶσαν λέξιν ὑπὲρ μίαν συλλαβὴν παρ' ἡμῖν ὀξύτονον βαρύνουσιν, χωρὶς τῶν προθέσεων καὶ συνδέσμων οἷον Ἀχιλλεύς, σόφος.

Источники информации об эолийском диалекте см.: R. Meister. Die griechischen Dialekte, I. Göttingen, 1882, стр. 31 сл.; O. Hoffmann. Die griechischen Dialekte, II. Göttingen, 1893, стр. 526 сл.

²¹ Афиней, X, p. 425 A: (Ῥωμαῖοι) πάντα τοὺς Αἰολεῖς μιμούμενοι, ὡς καὶ κατὰ τοὺς τόνους τῆς φωνῆς. Ср. Дионисий Галикарнасский, Ant. I, 90. Теория эта восходит, по-видимому, к трудам небольшой группы греческих грамматиков (Филоксен, Дидим), которая вступила на необычный для античной науки путь сопоставления языков греческого и латинского с тем, чтобы делать отсюда выводы исторического характера.

²² Геродиан, I, p. 533, 32/34.

²³ См. текст Хировоска, приведенный в прим. 20.

²⁴ Один поздний источник, так называемый Grammaticus Meermannianus, у Шефера в издании Григория Коринфского (см. прим. 3 к наст. гл.), сообщает (p. 662), что сочетание артикля с притяжательным местоимением трактовалось в эолийском диалекте как единое слово с ударением на артикле: Βαρυτονοῦσι... οὐ μόνον τὰ ὀνόματα ἀλλὰ καὶ τὰ ἄρθρα, ὅταν ὀνομάτων τάξιν ἐπέχῃ· ὁ σὸς ὁ σος, τὸ σὸν τὸ σου, ἡ σὴ ἡ σῃ, τῆς σῆς τῆς σης. Ὅταν δὲ ἀντωνυμιῶν (?) ἐκφέρωσι, περισπῶσιν· ἐγὼν, ἐμῶ.

Недоверие, с которым обычно относятся к этому показанию, основано на несомненной ошибке в его второй части: эолийское ударение ἐγὼν засвидетельствовано Аполлонием в De pronom., p. 51, 2 (Алкман, fr. 51, B³). Впрочем, у того же грамматика мы находим (ibid., p. 664): τὸ ἐγὼ ἐγὼν, ἐμῶ ἐμῶν ὁμοίως τοῖς Δωριεῦσι λέγουσι (ср. Григорий Коринфский, ibid., p. 248 — τὸ ἐγὼ ἐγὼν λέγουσιν, ὡς καὶ οἱ Αἰολεῖς, — где совершенно очевидно, что грамматика интересует не ударение, а конечная морфема -ν).

²⁵ E. Schwyzer, ук. соч., I, стр. 383.

²⁶ R. Jakobson, ук. соч., стр. 84—85; ср.: A. Meillet. Les origines indo-européennes des mètres Grecs. Paris, 1923.

²⁷ R. Meister, ук. соч., стр. 213—214; E. Hermann. Die böotische Betonung. Nachr. v. d. Ges. d. Wiss. zu Göttingen. Phil.-hist. Kl., 1918, стр. 273—280; G. Bonfante, ук. соч., стр. 535—546.

²⁸ Геродиан, II, p. 361, 27 = Аркадий, p. 92, 24: οἱ Βοιωτοὶ τὸ ἡ τῶν εἰς ἡς εἰς εἰ τραπέντες ὀξύνουσιν αὐτά, εὐγενεῖς ἀντὶ εὐγενῆς, ἀγενεῖς ἀντὶ ἀγενῆς. II, p. 400, 22: οἱ μὲν Δωριεῖς ἐγὼν λέγουσιν, οἱ δὲ Βοιωτοὶ τῶν. II, p. 924, 25: ο βανά у Коринны.

²⁹ Berliner Klassikertexte, V, 2, 19 сл., ср. Crönert, Corinnae quae supersunt. Rhein. Mus., LXIII, 1908, стр. 161 сл.

³⁰ То же явление в очень фрагментарных беотийских текстах — Ох. Пар. №№ 2370—2374, XXIII, 1956, стр. 60—87.

³¹ Геродиан, II, p. 352, 14 = II, p. 550, 25—27.

³² Akzentstudien. I. Nachr. v. d. Ges. d. Wiss. zu Göttingen. Phil.-hist. Kl., 1909, стр. 50—63.

³³ Засвидетельствованное Геродианом κουφότης (I, p. 83, 12) получило окситонное ударение от своего антонима *βαρυτής (Ваккернагель, ук. соч., стр. 59), в рукописях и изданиях — βαρύτης, κουφότης.

³⁴ Геродиан, I, p. 192, 27; 197, 19—20.

³⁵ Геродиан, I, р. 423, 9—10, ср. Аркадий, р. 132, 26 сл., Хировоск, G. G. IV, 1, р. 403, 16—23, схолии А к В 339. Грамматики приписывают эти ударения „позднейшему“ аттическому диалекту (*μεταγενεστέρῃ Ἀττικῇ*), но, поскольку представителем „древнего“ аттического диалекта для них был Гомер, трудно сказать, что они при этом разумеют.

³⁶ J. Vendryès. 1) L'accent de ἔγωγε et la loi des propérispomènes en Attique. Mémoir. de la Soc. de Linguistique, XIII, 1905—1906, стр. 218—224; 2) L'accentuation de ἴων, ἴωνες, Bull. de la Soc. de Linguistique, XXV, 1924, стр. 49. Ср.: H. Hirt. Zur Entstehung der griechischen Betonung. Indogerm. Forschungen, 16, 1904, стр. 88—89; J. Wackernagel. Akzentstudien II. Nachr. v. d. Ges. d. Wiss. zu Göttingen. Phil.-hist. Kl., 1914, стр. 20—51 (против возражений Сольмсен — Beiträge zur griechischen Wortforschung, стр. 67, прим.).

³⁷ J. Wackernagel, ук. соч., стр. 49.

³⁸ Вполне возможно, однако, что и закон Вандриеса первоначально распространялся только на пропериспомены, которым предшествовал краткий гласный звук. Пока сочетание гласного с сонантом имело в положении перед согласным дифтонгический характер, такие слова, как ἀναρχαῖος, ἀρχαῖος, γενναῖος, ἀλλοῖος, μαντεῖος, νομφεῖος и т. д., не подлежали действию закона Вандриеса в связи с дифтонгическим характером вокалического элемента, предшествовавшего обложенному ударению. С того времени, как сочетания „гласный + сонант (кроме i, u)“, потеряли дифтонгический характер и интерпретировались уже не как долгие гласные, а как долгие слоги, обложенное ударение на предпоследнем слоге стало сохраняться по аналогии с типом ἀρχαῖος и в таких словах, как πυγμαῖος, ἀστειῖος и т. д.

³⁹ Византийские источники, например схолии к Аристофану (Thesm. 697 (704)), к Дионисию Фракийскому (стр. 131, 18—19), к Фукидиду (I, 30), приписывают ударение τροπαῖον древнеаттическому диалекту, а именно языку Аристофана и Фукидида, а τροπαῖον — новоаттическому — языку Меландра. Ваккернагель с полным основанием указывает (ук. соч., стр. 50—51), что грамматики не имели источников для установления ударения в языке V в. и что Аристофан и Фукидид — с одной стороны, а Меландра — с другой, приводятся лишь как авторы, иллюстрирующие „древнеаттический“ и „новоаттический“ диалекты, между тем как под „древнеаттическим“ более ранняя грамматическая традиция разумеет Гомера.

⁴⁰ См. гл. I, прим. 54.

⁴¹ J. Wackernagel. Sprachliche Untersuchungen zu Homer. Göttingen, 1916. Ср. также: U. von Wilamowitz. Die Ilias und Homer. Berlin, 1916, стр. 506—511 и K. Meister. Die homerische Kunstsprache. Leipzig, 1921. В новейшее время в связи с прояснением роли Аттики в эпоху дорийского переселения и в начале I в. до н. э. возникла тенденция к еще более высокой оценке значения Афин в истории греческой эпической традиции; см., например: C. H. Whitman. Homer and the heroic tradition. Cambridge, Mass., 1958; T. B. L. Webster. From Myseneae to Homer. London, 1958. Эта гипотеза, однако, представляется маловероятной: если бы Аттика играла столь значительную роль в развитии эпических преданий, мы ожидали бы гораздо более органического включения героев аттического мифа в сказания о микенском периоде, чем это в действительности имеет место.

Глава VII

¹ И. М. Тронский, ук. соч., стр. 64—66.

² А. Мартин в рецензии на кн.: J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européennes (Word, 9, 1953, стр. 284—285).

³ На более раннем этапе общинноевропейского языкового состояния, когда возникали явления аблаута, чередования полной ступени в ударном

и нулевой в неударном слоге, ударение могло иметь более ясно выраженный динамический характер.

⁴ См. прим. 78 к гл. I.

⁵ Ф. Ф. Фортунатов. Об ударении и долготе в балтийских языках. Русск. филолог. вестник, XXXVIII, 1895, стр. 252—297; ср. его же: Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen. Arch. f. slav. Philologie, IV, 1880, стр. 575—589.

⁶ Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, I, стр. 208. О (нефонологическом) различии между акутом и циркумфлексом в латинском языке — И. М. Тронский. К вопросу о латинском ударении (циркумфлекс). Сб. „Памяти академика Льва Владимировича Щербы“, 1951, стр. 276—282.

⁷ J. Kuryłowicz, ук. соч.

⁸ K. Brugmann und B. Delbrück. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, I. 2-е изд., 1897, стр. 962.

⁹ См. прим. 75 к гл. I.

¹⁰ А. Шахматов, ук. соч., стр. 156—157: „Первоначальные ударения греческого языка, так же как известные нам в историческую эпоху ударения ' и ~, представляются мне ударениями музыкально-экспираторными, т. е. рядом с повышением слога, носителя ударения, замечалось и усиление его. В известную эпоху жизни греческого языка на соседних неударяемых слогах, как предшествующих ударению, так и следующих за ним, возникали второстепенные ударения вполне музыкального характера. При этом ударения эти перед экспираторно-музыкальными ударениями имели восходящий характер, а после них — нисходящий характер (ср. то же в общеславянском языке)... Но если в музыкальных ударениях восходящих греческий язык различал целый ряд тонов, постепенно повышавшихся в направлении к главному ударению, то в нисходящих музыкальных ударениях он знал только два тона: один более высокий, другой более низкий (ср. в общеслав. языке при нескольких музыкальных восходящих ударениях только один вид нисходящего музыкального ударения).“

¹¹ См. прим. 79, 88 к гл. I. Подробная критика гипотезы Уилера в работах: M. Bloomfield. The Origin of the recessive accent in Greek. Am. Journ. of Philology, IX, 1888, стр. 1—41; А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 155—156.

¹² Ук. соч., 2-е изд., стр. 106 сл.

¹³ Стр. 113.

¹⁴ Стр. 109.

¹⁵ По Фортунатову, который считал индоевропейское ударение смешанным, музыкально-динамическим, это было бы, наоборот, усиление музыкального момента в греческом языке (ср.: Избранные труды, I, стр. 446).

¹⁶ Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, I, стр. 208.

¹⁷ Там же, стр. 358.

¹⁸ Там же.

¹⁹ J. Kuryłowicz, ук. соч., стр. 126—130.

²⁰ Материалы, см. у Уилера (ук. соч.), Гирта (Der Akzent, стр. 45 сл.), Жданова (ук. соч.).

²¹ Стр. 27 и прим. 79 к гл. I.

²² F. G. Allinson. On Paroxytone Accent in Tribach and Dactylic Endings. Am. Journ. of Philology, XII, 1891, стр. 49—58.

²³ А. Шахматов (ук. соч., стр. 159) объяснял закон Уилера тем, что из двух восходящих ударений предударной части слова большую высоту имело ударение долгого слога, и в типе — получался перебой восходящего тонального движения из-за большей высоты первого слога по сравнению со вторым; поэтому — .

²¹ Н. Hirt. Zur Entstehung der griechischen Betonung.

Глава VIII

¹ Современные греческие диалекты, кроме цаконского в Пелопоннесе, не являются преемниками говоров античного времени, а представляют собой продукт нового дробления *κοινή* в эпоху феодализма.

² Перно в результате экспериментально-фонетического исследования хиосских говоров нашел, что в ударном гласном динамическое усиление всегда сопровождается повышением тона, варьирующим от терции до квинты (Н. Pernot. *Phonétique des parlers de Chio*. Paris, 1907; ср. приведенное выше (стр. 33) свидетельство Дионисия Галикарнасского).

³ См. уже цитированную выше (прим. 19 к гл. VI) работу: К. Krumbacher. *Beiträge zu einer Geschichte der griechischen Sprache*.

⁴ Для примера сравним два первых стиха „Одиссеи“ с их современным переводом на архаизирующую кафаревузу:

оригинал:

ἄνδρα μοι ἔννεπε, Μοῦσα, πολύτροπον, ὃς μάλα πολλὰ
πλάγχθη ἐπεὶ Τροίης ἱερὸν πτολίεθρον ἔπερσεν·

перевод:

ψάλλε τὸν ἄνδρα, Θεᾶ, τὸν πολύτροπον, ὅστις τοσοῦτους
τόπους διήλθε, πορθήσας τῆς Τροίας τὴν ἐνδοξὸν πόλιν.

⁵ P. Kretschmer, ук. соч.

⁶ E. Mayser. *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Leipzig, 1906.

⁷ См. диаграммы в кн.: E. H. Sturtevant. *The pronunciation of Greek and Latin*. Philadelphia, 1940, стр. 41, 46.

⁸ A. Mirambel. *Remarques de phonétique néo-Grecque: accent et diptongaison*. Bull. de la Soc. de Linguistique, XL, 1939, стр. 55—68.

⁹ W. Meyer. *Der accentuirte Satzschluss in der griechischen Prosa vom 4. bis 16. Jahrhundert*. Gesammelte Abhandlungen zur mittellateinischen Rythmik, II. 1905, стр. 206.

¹⁰ Датировку эту подтверждают также наблюдения Андре (J. André. *Accent, timbre et quantité dans les emprunts du Latin au Grec postérieurs au IIIe s. après J. C.* Bull. de la Soc. de Linguistique, LIII, 1958, стр. 138—158) над латинскими заимствованиями из греческого языка: просодия этих заимствований у латинских поэтов свидетельствует об удлинении в греческом языке ударного краткого гласного и сокращении неударного долгого в результате изменения природы ударения.

¹¹ Часто думали, что систематическое применение парокситонных слов в конце холиамба у Бабрия (вероятно I—II вв. н. э.) свидетельствует об учете динамического ударения, но это основано на предположении, что в последнем метре холиамба (— — —) мы имеем стиховое повышение на предпоследнем слоге. Однако ошибочность этого предположения была в русской науке показана еще Ф. Е. Коршем (Ударение холиамба. Филологическое обозрение, VII, 1894, стр. 247—253). Рост парокситонесы в конце пентаметра и ямбического триметра наблюдается еще с эллинистических времен и связан со стремлением сочетать ритмическое повышение в конце стиха с тональным понижением. К динамическому ударению все это никакого отношения не имеет — см. рец. Ваккернагеля на книгу Постгейта (прим. 81 к гл. 1).

¹² A. Dihle. *Die Anfänge der griechischen akzentuierenden Verskunst*. Hermes, 82, 1954, стр. 182—199.

¹³ И. М. Тронский. *Очерки из истории латинского языка*. М.—Л., 1953, стр. 254.

¹⁴ F. Misteli. *Über griechische Betonung*. Paderborn, 1875, стр. 28 сл.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение. „Количество“ гласных и слогов в греческом языке	3
Глава I. Источники. Из истории вопроса	8
Глава II. Природа и виды древнегреческого ударения	30
Глава III. Место ударения	45
Глава IV. Модификация ударения во фразовых условиях	57
Глава V. Грамматические функции ударения	83
Глава VI. Ударение в диалектах	91
Глава VII. Происхождение греческой акцентологической системы	103
Глава VIII. Трансформация греческой акцентологической системы	113
Примечания	118

Иосиф Моисеевич Тронский

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ УДАРЕНИЕ

*

Утверждено к печати Институтом языкознания Академии наук СССР

Художник *М. И. Разулевич*. Технический редактор *В. Т. Бочевер*. Корректоры *Э. В. Кова*
ленко и Л. В. Шоренкова

Сдано в набор 16/III 1961 г. Подписано к печати 20/XII 1961 г. РИСО АН СССР № 20—102В
Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Бум. л. 4⁹/₁₆. Печ. л. 9¹/₄=9¹/₄ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 10,22. Изд.
№ 1327. Тип. зак. № 201. Тираж 1500. Цена 61 коп.

Ленингр. отд. Издат. Акад. наук СССР. Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издат. Акад. наук СССР. Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12

исправлено

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
39	2 снизу	(κυριος	(κύριος
49	22 сверху	3 21 X ^{ωδ} ,	3 21 X ^{ωδ} ,
61	16 "	μετά	μετά и др.
72	1—2 "	дифференциацию	дифференциацию
81	20 "	δεινά	δεινά
92	1 снизу	έλέγον,	έλέγον,
93	13 "	τυπτομένο;	τυπτομένοι;
122	24 "	μέν	μέν
126	25 сверху	der	des
128	23 "	άν	άν
129	3 "	άν	άν
"	11 "	δή	δή
"	15 "	ή	ή
130	9 "	όβολών	όβολών
"	20 "	че эк)	че-эк)
131	10 "	(ή	(ή
132	14 "	τήν	τήν
"	21 "	βαρεία,	τῇ βαρεία,
138	7 "	λόεσσαί	λοέσσαί
"	5 снизу	αναπαυσεως.	αναπαύσεως.
140	5 сверху	ή	ή
142	1 "	Griechischen	griechischen
"	26 "	Δωρικα·	Δωρικά·
"	29 "	δύω	δύο
143	17 "	παροξύνουσιν.	παροξύνουσιν.

И. М. Тр о н о к и й. Древнегреческое ударение.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

И. М. ТРОНСКИЙ

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ УДАРЕНИЕ

